

Енисей

№ 2
2021

Красноярский литературно-художественный
и краеведческий альманах

Енисей

№2 * Красноярский литературно-художественный
2021 и краеведческий альманах

Михаил ТАРКОВСКИЙ главный редактор

заместители
главного редактора:

Александр Ёлтышев по прозе

Сергей Кузнечихин по поэзии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр АСТРАХАНЦЕВ прозаик, член Союза
российских писателей

Леонид БЕРДНИКОВ краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»

Иван БУЛАВА прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии

Марина МОСКАЛЮК доктор искусствоведения, профессор,
ректор ФГБОУ ВО «Сибирский
государственный институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского»

Михаил СЕВЕРЬЯНОВ заведующий кафедрой истории
России Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»,
доктор исторических наук,
профессор

* Красноярск
«КАСС»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

Редакция не вступает в переписку.
Тексты не рецензируются.

В оформлении обложки
использован фрагмент картины
Виталия Янова «К вершине».

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев

Подписано в печать: 28.10.2021

Тираж: 500 экз.

Формат: 70×100/16

Объём: 15,93 усл. печ. л.

Номер заказа: 2768

Отпечатано в ООО «Типография КАСС»
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, стр. 23;
т. (391) 290-22-52, 259-59-60
info@kacc.ru www.kass24.ru

© КГБУК «Дом искусств», 2021

ISBN 978-5-6046942-1-3

Содержание

ЮБИЛЕЙ

Николай Рябеченков

Крысиада 5

Софья Григорьева 11

Сергей Кузнечихин

Краткий курс 16

Стихи разных лет 28

Марина Саввиных

Кров бескрайний 33

ПРОЗА

Эдуард Русаков

Вирус правды 38

Наталья Колмогорова

Супермены 62

Николай Тычинский

Вылет на Харьков задерживается 71

ПОЭЗИЯ

Виктор Теплицкий 79

Ольга Гуляева 84

Игорь Бирюков 89

Александр Ёлтышев 94

Дмитрий Васянович 99

ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей Бабий

Большой террор

в Красноярском крае 106

МИР АБСУРДА

Евгений Мамонтов 126

Игорь Герман

Афоня 134

Елена Тимченко

Комар 146

20 ЛЕТ БЕЗ АСТАФЬЕВА

Николай Кавин

Разговоры у печки 157

Виктор Бакин

Няня с Вятки 168

РУССКАЯ БАЛТИЯ

Открытый чемпионат поэзии 173

Юрий Октябрёв 173

Александр Ланин 175

СИБИРСКИЙ ГОВОР

Александр Рейхерт

Туруханский словник 177

Авторы 190

Николай Рябеченков

Крысиада

...Кусок Луны над заводской столовой
вмёрз в стынущий полночный небосвод.
Народ уходит спать,
чтоб завтра снова
прийти работать на родной завод.
А небосвод...
холодным и чугунным
тяжёлым серым колпаком навис!
И чудятся мне на огрызке лунном
Следы зубов ночных всеильных крыс.
Мороз гуляет по надёжным крышам.
Спит город, набираясь сил для дня,
отдав завод на поруганье крысам,
поставив соглядатаем меня.
Я наблюдаю их возню ночную
при свете света Красноярской ГЭС.
Всё замечаю, что в ночи почую.
Коплю заметы,
как богатства Крез.
Хоть —
что мне толку от богатств от этих?
Сидеть на них? Подсчитывать? Скупеть?
Ни в книжках,
ни в журналах,
ни в газетах
нельзя мне крыс прославить и воспеть!
Лишь где-нибудь
на праздной вечеринке,
чему ни будь она посвящена, —
ну там — женитьба...
или же — поминки...
иль на вино повисится цена, —
забыв свои заботы и обиды,
свои ошибки и свои грехи,
я после пятой рюмки
громко выдам
всем собутыльникам

«крысиные» стихи.

Я так начну:

«Послушайте, ребята!

Я покажу, чем я сейчас богат!»

И прозвучит тогда-то «Крысиада».

И кто-то перестанет есть салат,

и огурец солёный отодвинет,

и луковицу выронит на стол.

А кто-то, может быть, и рот разинет.

А кто-нибудь подумает: «Осёл!

Зачем связался он с крысиной темой?

Неужто не хватает в жизни тем?

Работал бы он лучше над поэмой

о Красноярской ГЭС.

Иль — о Скитё...»

Родимые! Я это раньше слышал.

Но —

тему выбирать не суждено.

Она, как говорят, нисходит свыше.

И с ней не разведёшься,

как с женой...

Она придёт и вцепится в загривок,

даст карандаш, блокнот:

— Садись! Паши...

Я сам совсем не против строк игривых,

написанных для... как её? — души!

Я сам совсем не против строчки веской,

как железобетонная плита.

Увы! Не получается. Нет блеска.

Как говорят — чего-то не хвата...

И вот я суечусь, вознёй крысиной

бессонными ночами окружён.

Связаться, что ль, и мне

с родной осиною?

Иль — хлопнуть дверью?

То есть — выйти вон...

Ночные думы

к нам приходят с неба

и нас толкают в спину.

Дальше!!! Вниз!!!

...Я отдаю свой тощий ломоть хлеба

какой-нибудь

из близбегущих

крыс...

.....

Зачем мы живём?
Для чего суетимся и пишем?
Разгадка вопроса, как прежде,
совсем не проста.
И мне ли её разгадать?
Ни постом и ни ростом не вышел.
Ни шкуры,
ни лап у меня.
Ни усов, ни хвоста.
Вопрос этот прост для того, кто ползёт,
а не ходит.
Вот, скажем, для крыс,
для собой увлечённых трудяг.
А их — легионы на нашем родимом
заводе!
Нам крыса не друг, разумеется.
Но и не враг!
В одном они — хищники.
Ну а в другом — санитары.
Грызи ослабевших!
Танцуй на костях как в гостях!
Вот так танцевали на пленных славянах
татары,
чтоб стал у славян замечательно прочный
костяк!
Я не призываю сейчас их травить
керосином.
Их дуст не берёт.
Пулемёт не возьмёт
и фугас.
В нас очень
немного вошло от породы крысиной.
Но крысы забрали, представьте,
немало — от нас.
Вот эта картинка, к примеру,
вам очень знакома
(я тоже бы волком бы выгрыз бы
бюрократизм!):
уселись кружком под столом.
Заседанье крыскома.
Идёт обсужденье
вчера провинившихся крыс.
А чем они, серые,
и перед кем виноваты?

А тем, что вчера на зарядку
не вышли в строю.

И вот уж решение:

— Лишить половины зарплаты!
Чужую зарплату транжирят, как будто
свою...

.....

А вот —

бежит отглаженный,
прилизанный, красивый,
стремясь казаться важным,
солидным, — шеф крысиный.

Там — подберёт огрызок.

Тут — крошку хлеба слижет.

Он не высок, не низок,

не серый и не рыжий.

Он — неопределённый.

На прочих непохожий.

На должности казённой

старается как может.

Я — уступлю дорогу.

Всё ж крысы, а не мыши...

Старайся, мальчик. С Богом!

Ползи, крысёныш, выше.

Тебе господь крысиный

пошлёт кусочек сыру,

диван-кровать с периной

и даже спецквартиру.

Нельзя же, в самом деле,

жить в норке, как и прочим —

крысавцам без портфелей,

простым разнорабочим.

Потом — машину купишь.

Потом — построишь дачу.

Толките воду в ступе!

Ловите миг удачи!

.....

Расчерчен на железные квадраты,

слегка напоминая эшафот,

мой путь ночной!

Залог моей зарплаты...

Недалеко меня он доведёт!

Здесь по ночам попахивает псиной.

С чего бы? Средь железа и огня.

Собак здесь нет. Ни сукиного сына!

Ни тёмной ночью, ни средь бела дня.
Здесь по углам живут и дышат крысы.
Та — приболела.
Той — отгрызли хвост.
И с нетерпением зверским —
рты открыты —
собратья взгромоздились на помост.
С помостов,
как с больших трибун, глаголют,
от собственного пафоса дрожа,
о пользе сна, о вреде алкоголя,
о старых и о новых рубежах, —
они тогда
так резво суетятся!
Такие выступления выдают!
Мне кажется,
что это святотатство.
Им кажется,
что это тоже труд...
.....
Сибирь...
Большая золотая жила.
Край ценных ископаемых пород.
Она для всех всегда тюрьмой служила!
Сегодня — что?
Совсем наизборот?
Здесь столько мўки мы перемололи,
чтобы собрать — хоть горсточку! —
муки...
Сюда бегут, как из тюрьмы — на волю!
Как из-под барской плети — в казаки!
Ведь мы ж — не ожидали комплиментов
за то, что — вот, сломили Енисей...
Сбежавшие сюда
от алиментов
от Малых,
Белых
и других Расей...
Мой мозг — усох.
Уже почти что — высох.
Шагая меж железа и огня,
стараюсь лишь, чтобы ночные крысы
не влезли ненароком на меня...
.....

...По утрам,
миллионные, мы
на своих на родимых заводах,
напрягая хребты и умы,
застреваем в передних приходах.
Протирая подошвы до дыр,
продирая колени и локти,
из согревшихся за ночь квартир
рвём к привычным конвейерам когти!
В каждом городе,
в каждом селе
каждый труженик мыслью пленяем:
мы с огромным воодушевлени-
ем месячный план выполняем!
Выполняем мы план годовой.
Выполняем мы план пятилетний.
Зарастают могилы травой
на исходе дорожки последней.
Все равны здесь:
и Пётр, и Иван.
Скрыв землёю значки и заплаты,
С честью выполнив жизненный план,
ждём тринадцатой скорбной зарплаты!
Хорошо, что хоть в дни похорон
исчезают суды-пересуды...
И звучит над землёю не звон
выступлений,
а звон от посуды.
Ведь всему наступает свой срок.
И ветшают слова и призывы.
Остаётся лишь несколько строк:
— Суждены нам благие порывы!
Доконала людей суета!
Нервы рвём,
как гитарные струны.
И царит над землёй
крысота,
взобравшись на большие трибуны.
...«Крысиада» — конечно же, риск.
Только риск — благородное дело.
Я хочу, чтоб хоть несколько крыс
от поэмы моей
обалдело.

Софья Григорьева

* * *

Годы — страны. Пост минут — граница.
Ностальгией в полночь — бой часов...
Как к друзьям без пошрины явиться,
без цветов необычайных слов?

С полосы нейтральной рвать не ново,
и насквозь прочёсан книжный лес...
Гляну в сердце: нет ли дна двойного?
Если быть словам, то только здесь!

* * *

Верная палатка — Книга Книг —
в старом переплёте возлежит.
Тайнопись брезентовых страниц
памяти моей принадлежит.

В городе, известно, не в лесу,
тёплый дом палатке не под стать.
Милая, прости, всё недосуг
мне тебя с пристрастьем полистать.

...В память горьковатый дым втечёт,
искра ранит полог твой седой.
Я, как изумлённый звездочёт,
госте протяну свою ладонь.

Строчка вспыхнет... Я не рассмеюсь,
хоть она нахальна и смешна:
«Верно, на меня в лесном краю
это Божья искра снизошла!»

В городе, известно, не в лесу.
В городе стихов я не пишу.
Строчку свято в памяти несусь,
да не ворошу...

* * *

Наша работа — съёмки, маршруты,
жёсткий брезент, кирза,
мелочи быта, тяга к уюту,
отклик костра в глазах.

В сердце ношу я: где-то есть город,
ты меня где-то ждёшь.
Только пишу я строчки про горы,
про пикетаж и дождь.

Рядом тебя там трудно представить...
ветер в палатку бьёт.
Нашим ребятам душу растравит
редкое счастье моё.

Слишком им странно: кто-то приехал
к нам в зоревой рассвет...
Как иностранный, выдохнет это
твой городской: «Привет!»

ТРИДЦАТЬ

Несколько крохотных дней
в клане двадцатилетних...
Рыжий листок, пламеней
в кроне зелёно-летней.

Я собираюсь принять
тридцать как сан духовный.
Несколько дней у меня
молодости законной.

Глупая грусть, помолчи.
Столько — ну, значит, столько!
Месяц сияет в ночи
юности тонкой долькой.

Холод угрюмо берёт
солнце в свои владенья.
Видно, не зря сентябрём
мечен мой день рожденья.

Снятся ещё паруса,
только для якорной цепи
осень в моих волосах
белые звенья лепит...

Диалог

Что ищу — не умею сказать.
Я пройду транссибирский состав
повагонно — вперёд и назад,
круто голову кверху задрав.

Преддорожную грусть затая,
в сотый раз окунусь в непокой...
И наивная девочка Я
с третьей полки махнёт мне рукой.

Ветер, время ль шумит за окном?
Листья падают или года?
...Никому незаметны, начнём
диалог Я и Я, Нет и Да.

«Всё попробовать мне удалось,
как мечталось — на ощупь, на вкус?»
«Нет, петляла судьба вкривь и вкось.
Я, как щепка потоком, влекусь».

«Покорю Эверест?» — «Не пришлось!»
«Ордена?» — «Э-э-э... прости, не герой!»
«Даст рекорд мне спортивная злость?»
«Нет. Разряды. Предельно — второй».

«Стих напишется, чтоб навсегда?»
«Недостанет полёта души».
«Ну а подвиг?» — «Ой, где? И когда?
Просто случая нет совершить».

«А любовь будет вечною?» — «Н-н-нет».
«Как алмазная трубка?» — «Никак».
«Но останется памятный след
от меня... хоть в ближайших веках?»

«Нет, малышка!..» Всмотрюсь Я в года,
в дым грядущего, в прошлого свет —
очарованной девочкой *да*
и усталою женщиной *нет*.

Мне в окне усмехнётся звезда,
что мертва уже тысячу лет...
Стук колёс как вопрос: «Да? Да? Да?»
Стук колёс как ответ: «Нет! Нет! Нет!»...

* * *

На краю географии и в глубинах истории —
Южный Крест иль Полярная светит звезда,
мы встречаем людей, поражённых просторами,
подчинённых дорогам-путям навсегда.

Было в юности главное слово — *романтика*,
Всё во имя её, всё во славу её...
Где-то там — золотые девчонки и мальчики,
наши горы, походы, костры, зимовьё,

наши песни прекрасные, неповторимые...
Коль услышу сейчас — их чужой запоёт,
я к нему подойду, словно к другу старинному,
ибо тронет не слух он, а сердце моё.

И потянется память к байкальской прозрачности,
ветер выберет чёрную прядь из седин...
О, как смелы те девочки, как беспечны те мальчики,
и какая огромная жизнь впереди!

* * *

Над таёжною Грусть-рекою,
на тропинке весёлым днём,
точно россыпь, лежат подковы,
отливая синим огнём.

Смотрит счастье глазами синими...
Мне себя обмануть нельзя,
что не помню ни глаз, ни имени —
так и тянет подкову взять.

Наклонилась... Исчезло счастье...
Неба клочок мигнул из воды:
это просто табун промчался,
под дождём оставив следы.

...И хожу я вокруг да около,
не хочу я рассудку внять:
столько счастья мимо процокало,
столько счастья — в руки не взять!

* * *

Бессонница. Глазастая Бессонница.
Владыка нескончаемых ночей.
Я в страхе жду, когда она дотронется,
сведёт, как клещи, пальцы на плече.

И я начну беспомощно, бессмысленно
ей из ресниц заборы городить.
Бессонница презрительно и пристально
на маету пустую поглядит.

И усмехнётся жёстко, понимающе:
мол, всё знакомо, так оно у всех,
мол, все вначале мечутся и маются,
потом же ищут у неё утех...

И голова моя покорно склонится,
и я, подушку скомкав, прошепчу:
«Будь милосердна, добрая Бессонница!»
Она меня потреплет по плечу.

И я постигну непростые истины,
припомню те забытые слова
и неудач глухую горечь выстону,
осмыслив с болью, где я неправа.

И содрогнусь от горького отчаянья,
от бед чужих, которым я виной,
от полуправды шага изначального,
от всех ошибок, вставших надо мной...

...Пусть иногда заходит, не сторонится
(ей дверь, увы, открыта без ключей)
Бессонница, глазастая Бессонница,
владыка нескончаемых ночей.

Сергей Кузнечихин

Краткий курс

Отец умер в девяностом году, полгода не дожив до моей первой серьёзной книги, а мать дожила, но она не умела читать. Может, и к лучшему. Я не уверен, что им понравились бы мои писания. Квартиру мы оставили сестре Лиде. Брат Анатолий взял на память швейную машинку «Зингер», надеясь её починить и похвастаться в своём конструкторском бюро, старшему (Николаю) я отвёз две серебряных стопки, которые он много лет назад подарил отцу, мне достались ордена и краткий курс истории ВКП(б) выпуска 1946 года, моей ровесницы. Сталин среди авторов не значился, но все знали, что Иосиф Виссарионович принимал в создании учебника деятельное участие.

Несмотря на то, что с 1938 по 1956 год «Краткий курс» издавался триста один раз в количестве 42 816 000 экземпляров на русском языке и на шестидесяти семи других языках, а общий тираж составил более шестидесяти миллионов экземпляров, к нашему времени книга стала библиографической редкостью. Ко мне она пришла уже без матерчатого корешка и первых двадцати шести страниц. Была вырвана вся первая глава. История начиналась с образования Российской социал-демократической рабочей партии и появления внутри партии фракций большевиков и меньшевиков. Мой отец был большевиком.

Первый раз он вступил в партию в тридцать третьем году, но через пару лет был «вычищен». Если в чистку двадцать первого года отбирали партбилет и револьвер, отец отделался лишением партбилета, поскольку к тому времени револьверов у рядовых партийцев не имелось. Работал он механиком по ремонту тракторов. Злоупотреблять властью и брать взятки не было возможности, разлагаться в быту при двух маленьких детишках в деревенских условиях не очень удобно, оппозиция формировалась на более высоком уровне. За что же вычистили? Может быть, всплыла судимость моего деда, но скорее всего — за лишние разговоры, поговорить он любил всю жизнь.

Второй раз он вступил в партию на фронте. Фраза: «Не вернусь — считайте коммунистом», — не случайно стала крылатой. В студенческую пору меня подмывало пошутить: дескать, написал заявление перед боем, но вернулся, и отречься было поздно, пришлось вступать, — но чёрный юмор был уместен лишь в кругу разуверившихся в идеологии ровесников, отцу такого не скажешь. Обида после «чистки», как у любого нормального человека, была. Допускаю, что,

подавая заявление в тридцать третьем году, отец хотел не только подстраховаться, но и надеялся на какое-то карьерное продвижение. А когда оказался на передовой, стало не до мелких обид, и партбилет не сулил на фронте никаких благ, кроме обязанностей. Принимали, не копаясь в прошлом, а настоящее было на виду. Воевал он в артиллерии. Занимался тем, чему научился на гражданке, — ремонтировал тягачи. Артиллерия — бог войны, но и там хватало неразберихи. Перед каким-то прорывом оказалось, что на батарее нет топлива. Командир устроил разнос и пригрозил штрафбатом. Отцу деваться некуда, пришлось напрягать смекалку. Завёл бензовоз, прихватил пару крепких парней и двинул в глубокий тыл. Канцелярской волокиты хватало и на войне, понимал, что без особого приказа горючки не дадут, выпрашивать бесполезно, только время потеряешь и засветишься. Не тревожа начальство, подъехали к хранилищу, связали часового и заправились. Чтобы не подводить несчастного под трибунал, связали не очень крепко и попросили не болтать лишнего, а недостачу никто не заметит. Даже спирта оставили за моральный ущерб. К прорыву подготовились, от командира благодарность.

И силы небесные тоже хранили, не хотели, чтобы трое детишек сиротами росли. Был случай, когда машину тормознул лейтенант. На улице дождь, и нашему старшине пришлось уступать место офицеру, из тёплой кабины перебираться в кузов. Километра не проехали, как в кабину угодил снаряд — лейтенанта наповал, шофёр тяжело ранен, а у отца ни царапины. Везучим родился. Дошёл до Берлина и вернулся с двумя орденами Красной Звезды.

Война войной, а обед обедом. Детишек-то надо кормить. Пришёл на работу, а место механика занято. В утешение сказали, что негоже победителю ходить в промасленной спецовке. Предложили на выбор или начальником отдела кадров, или агентом по снабжению. Кабинетная работа не в характере отца, почерк неразборчивый, и он пошёл в снабженцы. Освоился очень быстро. Специальность, которой не научишься ни в одном институте. В ней требуются врождённые качества: обаяние, умение быстро завести знакомство, поддержать беседу на любую тему, умение не обидев, отказать, а если диктует ситуация, прикинуться простаком. Отсутствие спеси, постоянная готовность выпить, но не пьянеть, и гибкий смекалистый ум — всё это у него было. Когда в соседней области начали строить большое торфопредприятие, отца позвали на должность заместителя директора по снабжению. Повлияло ли наличие партбилета на новое назначение? Наверное, повлияло. Но обязанности, права и манеру поведения каждый начальник выбирает себе сам. Случается, и обыкновенный завхоз держит себя важнее директора. Отец остался прежним, да и работа не слишком изменилась — те же постоянные короткие командировки, в которых трудно уложиться в суточные и авансовый отчёт получается с большим минусом, который высчитывают из зарплаты.

Если он первое время пытался напомнить о карьерном росте, матушка притормаживала — «перенос порток на другой гвоздок».

Теперь, отмотавшись двадцать лет по командировкам, я отлично понимаю отца. Но мне было проще. Во-первых, снабженец приезжает просить, а наладчик — спасать. Во-вторых, в долгой командировке успеваешь обжиться, и на сибирских рудниках жизнь дешевле, чем в городе. Случалось, что и заказчик подкидывал дополнительные приработки, а провинциальному снабженцу за всё приходилось расплачиваться самому, в ущерб семье. Непонятно как, но выкручивались, благодаря хозяйственной матушке не голодали, все четверо детей институты закончили.

И вот сижу я, листаю «Краткий курс». Другого наследства (кроме характера) отец не оставил. Мне кажется, что листаю в первый раз. У Евгения Винокурова есть строчки: «Что политически я развит, мне выдал справку детский сад». Отец политграмотой детей не терзал. В детсад нас не водили. Воспитанием моим занимались неграмотная мать и хулиганистый средний брат, но в основном — улица. Оба деда и бабушка по матери погибли ещё до моего рождения. Мать отца жила с младшими дочерьми в Москве. Попросить сказку на ночь было не у кого, а когда сам научился читать, начал с Гайдара и книжек про войну и шпионов. Отца читающим не помню. Из поэтов он знал только Демьяна Бедного, а моего мальчишеского увлечения Сергеем Есениным не одобрял. Шофёр, возивший его по снабженческим делам в Ярославль (а из-за плохих дорог приходилось делать крюк через Москву), рассказывал, что отец, не давая заснуть за рулём, пел ему песни, да такие, которых он отродясь не слышивал. Репертуар был своеобразный — не петь же «Катюшу» или «Подмосковные вечера»? Ему непременно хотелось удивить, чтобы слушателю интересно было, поэтому выплывали старые разбойничьи типа: «Открывай, мамаша, двери, я с гуляночки иду, грудь распорота кинжалом, на руке кишки несущу», — или про купца Мещерякова, у которого разбойник всю семью перерезал и много денег зашибил. Особенно шофёру понравилась нэпманская баллада про трест обстоятельный, в котором начальник сидел. Заканчивалась она словами: «Ах вы, девочки, ах, бутончики, я орлом к вам в объятья лечу, я потрачу на вас рубли-червончики, но сидеть за бл... не хочу». Понимал, что спеть работяге, чувствовал конъюнктуру. Говорил шофёру, что знает больше пятисот песен. Мужик удивлялся памяти начальника, но приходилось верить, потому что голова у Данилы Александровича — шестьдесят первого размера.

Песни — вольница, а политзанятия — дисциплина. По книге заметно, что отец работал с ней не слишком старательно, но следы оставил. Листаю, вижу подчёркнутые строки, помеченные скобками абзацы. Помнится, учительница истории рассказывала, что Ленин постоянно делал пометки на полях даже библиотечных книг. За порчу общественной собственности могли бы и наказать. Владимира Ильича не оштрафовали, видимо в эти книги после него никто не заглядывал,

а мода на вредную привычку расползлась по всей стране, и этот, можно сказать, вандализм ставили в пример последующим коммунистам.

Когда события истории дошли до борьбы с Временным правительством и в тексте рядом с Лениным начал появляться Сталин, последнего отец начал было вымарывать, но терпения хватило только на первые упоминания. Когда они участились, зачёркивать ему надоело. Понятно, что правка велась после развенчания культа, хотя желание возникало и раньше. Особо много подчёркиваний сделано в главах о НЭПе и ликвидации кулачества. В те времена пострадали оба моих деда: одного посадили, второго раскулачили. Сам отец успел вовремя уехать. Первое время мотался по мелким МТС, потом устроился на торфоразработки в посёлке Космынино под Костромой. Но связывать личные обиды и подготовку к политзанятиям, мне кажется, не совсем честно. Битые и пуганые на партсобраниях не откровенничали.

Из главы о Чрезвычайном съезде советов, на котором была принята Конституция, он вырвал три листка. Подчёркивания запоминал, а при обширной теме без шпаргалки не обойтись, поэтому аккуратно вырывал, складывал пополам и совал в карман пиджака. После занятий страницы распрямлялись и вставлялись строго на свои места до следующего сезона. По такому же принципу вырывались листки, где повествовалось о борьбе с оппозицией Бухарина, Зиновьева и Рыкова, об «извергах из бухаринско-троцкистской банды». Места о подъёме промышленности и сельского хозяйства остались без пометок: штудировать их не было нужды, о наших достижениях постоянно вещало радио.

После института я отправился в Сибирь. Отца проводили на пенсию. В те годы мелкому начальству (в отличие от кремлёвских товарищей) не давали засиживаться. После шестидесяти разрешали отработать два месяца с сохранением зарплаты, а дальше — полная свобода.

В отпуск я приезжал только летом, в сезон, когда партийные собрания не проводились и отца ничего не отвлекало от домашнего хозяйства. Мы всегда держали корову. Заготовка сена для поселковых жителей была до предела усложнена, потому что сразу за посёлком начинались колхозные земли. Для получения законного права на покос требовали, если не ошибаюсь, вытеревить гектар льна. Бесплодная трава оставалась только «под насыпью во рву некошеном», как писал Блок, но по другому поводу. Если заберёшься в перелесок, это считалось уже воровством. Случалось, отец «ошибался» на метр-другой, но скошенную траву надо было срочно вывозить. У нас была двухколёсная довольно-таки вместительная тележка. Её привезли из Космынина в пульмановском вагоне вместе с остальным скарбом. Забрали на новое место и кошку, но на какой-то из остановок она сбежала. Мне было шесть лет, и, по словам сестры, я устроил истерику, требовал, чтобы отцепили вагон и дождались возвращения Мурки.

Старшеклассником я стеснялся возить тележку с травой на глазах у всего посёлка, а в отпусках, уже взрослым бородатым мужиком,

впрягался в неё и чуть ли не с гордостью тащил к своему двору, здороваясь со знакомыми. Отец шёл сзади, подталкивая тележку на выбоинах. Не скажу, что я работал с удовольствием, но надо было помогать старикам, для меня это всегда само собой разумелось. За походы на рыбалку и по грибы меня не упрекали, тем более что возвращался не с пустыми руками. Зная мои анархистские настроения, Лида просила не заводить политические разговоры с отцом, чтобы не дразнить пожилого человека. Он был азартным, расстраивался, даже когда проигрывал внуку в подкидного, спорил, требовал реванша и успокаивался только после своей победы.

В семьдесят три года он нагрянул к нам в Красноярск. Уехал из дома после очередной ссоры с матушкой. Ругались они часто, но беззлобно. Видимо, Анна Евстратьевна наступила на одну из больших мозолей — мало ли их натаптывается за полвека совместной жизни? Подхватил портфель и ушёл на вокзал. Телеграмму догадался отправить уже из Новосибирска, когда ехать оставалось совсем чуть-чуть. Но послал её на старый адрес Николая. Брат, чтобы не расстраивать родителей, не сообщил им, что развёлся и живёт в другой квартире. Отцу повезло, что старший сын заехал вечером к бывшей жене передать деньги и ему показали телеграмму. Поезд приходил утром. Чтобы предупредить меня, пришлось брату садиться в такси и ехать через весь город в Зелёную Рошу. А мне в этот вечер приспичило сходить в кино. Вернулся поздно и увидел записку. Во внезапный визит отца я не поверил: надвигалась Пасха, и я решил, что братцу захотелось выпить, авось и хорошей рыбки к столу привезу. Телефонов ни у меня, ни у него не было — ни уточнить, ни объяснить. Надо мной висело приглашение на именины к близким друзьям, которых не хотелось обижать, и я решил, что брат простит. Ну не верил я в приезд отца! Как он мог отправиться в дальнюю дорогу, не предупредив? Знал же, что я постоянно мотаюсь по командировкам, да и у брата случались поездки. Очень рисковал. Удивительное легкомыслие для опытного снабженца. Но легкомыслие растёт из постоянного везения, а ему всегда везло. Могли бы посадить вслед за дедом и дядькой, могли бы убить на войне, но не посадили и не убили. Пробыв четыре года на передовой, вернулся без единого ранения.

Не верил в приезд, но в душе что-то зудело. Поздравили именинницу, посидели для приличия и пошли с женой ловить такси. Заявляемся к брату и видим Данилу Александровича — оба уже весёленькие. Николай успел свозить его на экскурсию по городу — показал Енисей, стадион на острове и памятник Ленину ценой в пятиэтажный дом. Брат после пятой рюмки любил петь романсы из репертуара Лемешева, и у него неплохо получалось, особенно «Ах ты, душечка, красна девица». Отец, чтобы показать перед снохами неуважающую удаль, притормозил Николая и выдал пару разбойничьих песен. Про трест основательный петь не стал, чтобы не позорить сыновей. Потом попросил

наших жён выйти на кухню, оставить нас для мужского разговора. Налил всем по рюмке и выдал: «Ребята, беда у меня, только жёнам не говорите: бабка уже полтора года не даёт. Вы же взрослые мужики, должны меня понять, Найдите мне справную вдовушку на пару дней». С минуту мы молчали, усваивали суть просьбы, потом разразились хохотом: «Ну, батя, орёл! Нам бы в твоём возрасте такие заботы».

На другой день он заявил, что пора домой. На поезде он мог доехать бесплатно, но попросил взять билет на самолёт — ни разу в жизни не летал, захотелось посмотреть на землю сквозь облака. Моя жена завернула в подарок для матушки тёплый халат, а сам он набрал бутылку водопроводной воды — похвастаться, какую воду пьют в Красноярске.

Последний раз мы виделись в восемьдесят девятом году. Отец попросил сходить в лес и нарезать ивовых прутьев. Он умел плести корзинки. Получались не очень изящные, но прочные. Заказчики приходили сами, поскольку другого мастера в округе не было. Хвастался, что какая-то дамочка из Питера заказала ему лапти, ради них липу в огороде спилил, бабка на неё давно ворчала, жаловалась, что грядку затеняет, а у него вроде как руки не доходили, стеснялся признаться, что дерево жалеет. Поспешил бы — и без лыка остался, а тут и бабке угодил, и знатные лапоточки получились, бутылку коньяка принесли. Корзинки он отдавал за бесценок. Много ему не надо, но без заначки жить тяжело. Пенсию забирала бабка, а просить у неё на бутылку характер не позволял. Он и в восемьдесят лет всегда был не прочь выпить, не много — для настроения. Но наступили времена Горбачёва и Лигачёва. Водкой в поселковых магазинах не торговали, приходилось брать у цыган, которые из любых глупостей правительства умели извлечь свою выгоду. Такая политика новых ревизионистов отцу не нравилась.

Хорошо помню наш последний вечер. Перед поездом он намекнул, что по закону положено выпить «на посошок». У нас оставалось чуть меньше полбутылки дорогой «цыганской» водки. Отец отодвинул стопки и разлил по чайным чашкам. Себе — немного, а мне — чуть ли не полную. Я не успел возразить, а он хватанул без лишних разговоров. Потом позвал матушку с кухни и потребовал: «Ну что, бабка, волоки, знаю же, что Лидка с Иваном привезли из Рыбинска, надо же сына в Сибирь проводить по-человечески». Матушка помялась, но принесла. Я попытался притормозить: стоит ли открывать? — но отец был настроен решительно, однако плеснул, едва прикрыв доньшки чашек, и закрутил пробку. Я не сразу и разгадал его манёвр. Старый снабженец понимал, что из початой бутылки проще получить «рюмку для аппетита», нежели из запечатанной.

На похороны я опоздал. Телеграмму принесли в пятницу, когда я сплавлялся с друзьями по Мане. Вернулся в воскресенье вечером, сразу же поехал в аэропорт, но пока добирался от Москвы до родного дома, потерял целый день. Сестра не без гордости рассказала, что

проводить отца пришёл весь посёлок и самые проникновенные слова о нём говорил парторг. Неудивительно — они умеют складно излагать.

Матери досталась пятилетка вдовства. Прошли долгую ухабистую дорогу и воспитали четверых детей два совершенно разных человека. Он общительный, она замкнутая; он безалаберный, она ответственная; он неряшливый, она аккуратная.

Мать была неграмотной, но очень умной женщиной, знающей себе цену. Говорила, что если бы понимала «А» да «Б», сидела бы в Кремле на месте Фурцевой. Работала она только во время войны, но и там сумела выбиться в ударницы, несмотря на то что в бараке ждали трое детишек. Остальную жизнь трудилась домохозяйкой и была абсолютно уверена, что дом держится только на ней. Разубеждать её отец не пытался. В обширном запасе его поговорок одно из первых мест занимала: «Свинью не перебздишь, бабу не переспоришь». В кино была всего лишь раз. Попала на военный фильм, где много стреляют и снаряды рвутся. Еле досидела: «Больше не пойду такую ужась за свои деньги терпеть». Мы жили в двухквартирном доме с огородом и даже с картофельным полем на три сотки. Пока держали корову, мать отлучалась со двора на дневную дойку, а когда продали, выбираться за ограду перестала совсем. В гости она ни к кому не ходила, хотя наш дом был всегда открыт. Мои одноклассники, оказавшись в посёлке, заглядывали распросить, как я поживаю в своей Сибири, а заодно и распить бутылку, твёрдо уверенные, что тётя Нюра не оставит без закуски. Шляться по гостям ей гордость не велела, но говорила, что не хватает времени. Вести хозяйство — занятие хлопотное, особенно если хочешь, чтобы у тебя было лучше, чем у других. Рядом с нашим огородом были не отделённые забором грядки завуча школы. Мать при случае обязательно показывала на них: «Вон, Карпенка институт закончила, а на капусту смотреть больно: кочаны с кулачок. А я пенёк пенёком, зато полюбуйся на мои кочанищи да потрогай, какие крепкие».

Когда у Лиды появилась дача, она привезла букет фиолетовых гладиолусов. Матери цветы очень понравились. В первый раз увидела. В посёлке такую красоту никто не выращивал. Полдня над букетом ахала и потребовала привезти ей луковицы для развода. Посадила, а к осени выросли чахленькие стебельки на два-три бутона. «Пожалела Лидка-то путные цветы. У неё вон какие барыни, а мне что дала? Стыд и страм». Не подумала, что у Лиды они растут перед домом на солнечном месте, а у неё в затенённом углу, забитом смородиной. Лучшая земля по многолетней привычке оставлялась под свёклу с морковью и прочие полезные овощи. А цветы — баловство. Но уж очень красивые (и в посёлке ни у кого таких нет).

После смерти отца ей пришлось-таки выбираться за границу своих угодий, и она впервые за долгие годы столкнулась с внешним миром. Столкнулась — и растерялась. По стечению обстоятельств её выход

в люди совпал со смутным временем и денежной реформой. Первый самостоятельный поход в магазин закончился скандалом. То ли её обсчитали, то ли сама запуталась — понять трудно. Начала выяснять отношения, а кончилось тем, что её же и пристыдили. Вернулась домой и неожиданно для себя поняла, от каких неведомых сложностей избавляли её непутёвый Данила и его авторитет. Дождавшись Лиду из Рыбинска, велела приезжать каждую неделю и закупать продукты (а это два с половиной часа в один конец).

На огороде «копошилась» сама, не давая земле пустовать. По весне находила какого-нибудь шофёра, не забывшего работу с Данилой Александровичем, и заказывала навоз, чтобы не сажать абы как, «по-колхозному». Последние два года мне приходилось ездить из Красноярска копать картошку. С трёх соток набирал по двести вёдер. Трудился не только за совесть, но и за страх, зная, что после меня матушка обязательно придёт с вилами проверить. Вечерами за ужином рассуждала, что если Бог даст, на следующий год обязательно заведёт поросёночка. Не хотела расставаться со своими угодьями, надеялась жить вечно.

В последнюю осень, едва закончив с картошкой, я собрался по грибы, но получил новый заказ. Дорожка от крыльца до калитки была выстелена деревянными мостками, доски на которых постоянно гнили. Матушка увидела у кого-то тротуар из асфальтовых плиток, и ей захотелось такой же. Где раздобыть эти плитки, её не волновало. Отец бы, конечно, всё организовал: и плитку бы привезли, и гравий, и песок для подсыпки, — а я уже четверть века с лишним жил в Сибири. Меня успели забыть, одноклассники тоже разъехались, да и предприятие было на грани перестроечного развала. Пришлось ходить, знакомиться, упрашивать, угощать... Я даже повесть об этой осени хотел написать, но так и не собрался.

Не знаю, сколько раз успела пройти матушка по этому тротуару. Может — десять, может — двадцать? Через месяц Лида всё-таки уговорила её уехать в Рыбинск, хотя бы до весны. А в середине января матушки не стало. На похороны пришло человек пять. Впрочем, похороны стариков редко бывают многолюдными. Было очень холодно. Нанятые сестрой мужики торопились закопать могилу, чтобы земля не замёрзла.

На девятый день сели помянуть Божью рабу Анну Евстратьевну. Великая трезвенница Лида выставила бутылку пшеничной, спрятанную от братьев на похоронах отца, и мы, уже успевшие привыкнуть к суррогатам, сразу почувствовали, что советская водка была и качественнее, и крепче.

БОРОДА

А стоит ли? Кто я такой? Это Дениса Давыдова Пушкин не стал попрекать за воспевание завитков своих усов. Но за Давыдовым была и «грозная потеха драки», и поправлял он «два любезные уса» не по зеркалу, а по сабле. Что дозволено славному герою войны,

мне, белобилетнику, не совсем по чину. Единственное, чем можно оправдать рассказ о бороде, — вплести его в суровые (или весёлые?) времена далёкой молодости.

Первую попытку отрастить бороду я предпринял ещё школьником. «Последний звонок» прозвенел для выпускников двадцать четвёртого мая, и нас отпустили готовиться к экзаменам. Когда писали сочинение, к нам особо не приглядывались, но после него сдавали геометрию. Я подошёл взять билет. За столом сидели математичка и директор школы Иван Иванович, бывший разведчик. Посмотрел на отросшую за две недели бородёнку, взял меня за ухо и пригнул к себе: — Иди сброй, иначе билет не дадим.

Пришлось бежать домой, надо же аттестат зрелости получать. Пока брился, в спешке порезал подбородок, залепил обрывком газеты «Правда» и вернулся на экзамен.

Главным виновником был, конечно же, Фидель Кастро. Любимый герой. «Куба, любовь моя». А как мальчишке без любви прожить? Песню Пахмутовой на слова Гребенникова и Добронравова наперегонки распевали по радио и Магомаев, и Кобзон. Застольной песня не стала, Стенька Разин всё-таки роднее, но тем не менее Стенька выплывает из-за острова, и бородатый Фидель сделал свой остров свободным. Борода и свобода благодаря ему стали почти синонимами. Плюс ко всему бородатый Кастро был симпатичнее лысого Хрущёва. А между прочим, в России уже отгремел двадцатый съезд, на котором развенчали культ личности Сталина, и никому не приходило в голову, что мы влюблены в нового кубинского диктатора. Харизматичный мужчина.

На втором курсе после колхоза я вернулся уже с настоящей бородой. Не такой мощной, как у Фиделя, но густой, чёрной и кудрявой. Хотя до города мог её и не довести. В тоскливый деревенский вечер, уставшие после копки картошки, сели с добрым приятелем играть в карты, в примитивного подкидного дурака, но ставка была серьёзная: в случае проигрыша я должен был сбрить половину бороды, а он — половину кудрей с головы. Приятель (будущий доктор наук) не сомневался в победе, но не учёл, что мой дед был профессиональным картёжником, за что и отсидел срок. Мне повезло, а приятель отказался бриться, перевёл все в шутку: не стоит, мол, выставлять себя на посмешище. Разумный довод, особенно для проигравшего. Простил товарища, но уважения к нему поубавилось. Сам я готов был ходить с заросшей половиной лица до возвращения в институт, как договаривались перед игрой. Карточный и споровой долг для меня святое. Победил и оказался единственным бородачом на весь институт. Учился у нас и единственный негр. По нынешним правилам политкорректности следовало сказать «афроамериканец», но он приехал не из Африки, а с острова Свободы. Учился на специальности «Разработка торфяных месторождений». Не знаю, добывают ли торф на Кубе, могу только заверить, что на его факультет никогда не было конкурса, и туда

частенько добирали из абитуриентов, не прошедших на химфак. Кубинец был однофамильцем Фиделя, а звали его Армандо. Бороду он брил и возвращаться на родину не торопился. Когда я поступил в институт, он учился на втором курсе, а когда заканчивал — ему оставался ещё год. Высокий, стройный и улыбчивый красавец, заласканный интеллигентными белыми женщинами и пугающий молодых ткачих. Моя борода ему нравилась, всегда здоровался и, похлопав собственный подбородок, поднимал над головой кулак.

Передавали, что на механическом факультете около месяца ходил бородатый парень, но потом сбрил. Не выдержал давления. А оно было. Если в спину обзывали «стилягой», я особо не переживал. Главные проблемы были с лекциями, вернее, с посещениями их. Дисциплиной я никогда не отличался, поэтому изобрёл хитрый, как мне казалось, ход. Во время сессии приходил на консультацию перед экзаменом, садился на первый ряд и задавал заранее приготовленный «умный» вопрос. Надеялся, что преподаватель запомнит меня и, если буду тонуть на экзамене, проявит снисхождение. Хорошо помню, что сдавали гидравлику. Уселся поближе к столу и, опережая остальных, задал свой вопрос. А вместо поощрительного учительского взгляда получил: — А ты откуда взялся? Что-то я тебя первый раз вижу.

Девчонки из группы пытались заступиться: дескать, он скромный, на глаза не лезет.

— Такую бороду я бы и на галёрке заметил. И скромники бород не отпускают.

На экзамене, в назидание другим прогульщикам, завалил, но мужик был добрый и разрешил пересдать до окончания сессии, так что на стипендию показательная порка не повлияла. Когда пришёл во второй раз, дополнительными вопросами не терзал, но поинтересовался: — На гитаре играешь?

Сознался, что не умею.

— Напрасно, к такой бороде гитара очень бы подошла. Обязательно научись.

Я пообещал, но с моим слухом единственное, на что хватило терпения, — сфотографироваться с гитарой на груди и сочинить туристическое стихотворение, из которого потом уже, в Красноярске, столбист и фотограф Юра Старцев сделал песню. Но песня на «Столбах» не прижилась, хотя он и заверял, что поют. Не слышал; правда, и на «Столбах» был всего три раза, точнее, возле них.

Кстати, о стихах. Преддипломную практику проходил в Эстонии, в Кохтла-Ярве. Приехал посмотреть их столицу. Прогуливаюсь, любуюсь непривычной архитектурой. Придумалась строчка: «Брожу по проталинам тихого Таллина». Понравилось, ищу, чем продолжить... И вдруг слышу за спиной женский голос:

— Пижон, бороду отрастил, а всё равно видно, что русский Ванька, ноги-то кривые.

Оглядываюсь — две немолодые тётки, некрасивые. Русские или эстонки — непонятно, явного акцента не заметил. О ногах своих как-то не задумывался: может, и вправду кривоваты — не самая большая трагедия для мужика. Обидно, что стихотворение спугнули. Сколько ни пытался, так и не смог дописать. С другими одиночными строчками попрощался легко, а эту почему-то жалко.

Весьма забавная история случилась в Хакасии. Приехал в посёлок Сорск. Года три там не был, но странное дело — по дороге в гостиницу со мной поздоровалась какая-то женщина. Следующая поздоровалась возле столовой, потом кивнули на улице. Это в русских деревнях принято здороваться с незнакомыми, а там большой рудничный посёлок. Когда-то я проводил испытания на местной ТЭЦ, но я не настолько самоуверен, чтобы надеяться, что меня запомнили столько женщин. В гостинице ждал другой сюрприз — встретил поэтессу Соню Григорьеву. Она приехала по своим геологическим делам. Давно не виделись и договорились посидеть в местном ресторане. Народу в подобных шалманах по будням почти не бывает. Соня хоть и геологиня, но в первую очередь женщина. Идти в заведение в валенках постеснялась и, за неимением туфель, явилась в домашних тапочках. Внимания на модельную обувь никто не обратил. Да и кому было обращать? На весь зал — три-четыре столика с мужицкими компаниями. Присели в сторонке, заказали вина и мирно беседуем за жизнь и за поэзию. Музыка, слава Богу, не гремит, пьяная болтовня не долетает, общие интересы для разговора — что ещё надо людям бродячих профессий? Только рановато расслабились. Откуда-то возникает пьяный мужик и присаживается, не спросив разрешения. Смотрит мутными глазёнками и говорит:

— Здорово, Калмыков, давно хотел с тобой потолковать. Высказать кое-что.

Я пытаюсь объяснить, что я не Калмыков и никакого Калмыкова не знаю. Но он не слышит, не желает слышать, потому что заготовил слова уже давно, да случая не предоставлялось высказать их. Перегнулся через стол и дышит ненавистью прямо в лицо, а ненависти накопилось до краёв, из всех дыр хлещет. Полный набор: и подлец, и сволочь, и дерьмо, и пидарас... Всё это о Калмыкове, но обращается он ко мне, слюной в лицо брызжет, да ещё и при даме. Можно и в рожу дать, чтобы успокоился, но пытаюсь вразумить. Обрывает:

— Не юли! Будь мужиком! — кричит.

Потом обмяк или в голове просветлело, но, уходя, пригрозил, что если сын не выкарабкается, он мне руки переломает.

А я наконец-то понял, что меня путают с врачом, который лечил сына этого психа.

Не получилось тихого разговора о поэзии. И новых стихов другу не успели почитать.

Утром приехал на ТЭЦ и поинтересовался у местных, не работает ли в их больнице доктор Калмыков. Оказалось, что работает детским врачом — с бородой и в очках. Оттого и женщины здоровались. Не отцы же водят детишек в больницу.

Второй раз меня перепутали в читинском аэропорту. Командировка сложилась удачно. Настроение умиротворённое, погода солнечная, до посадки остаётся меньше часа. При мне сумка, которую необязательно сдавать в багаж, и пяток веточек багульника — прихватил, чтобы в Красноярске поставить в воду, с надеждой, что они успеют расцвести к Восьмому марта. Стою на свежем воздухе, курю перед полётом. В мыслях уже дома. И вдруг подбегают милиционер и парень в белой рубашке с бабочкой. Ничего не объясняя, заламывают руки, а следом прилетает хорошо поставленный удар по почкам.

— Попался! — кричит милиционер, но смотрит не на меня, а на парня. — Этот?

— Он! — а потом уже с некоторым сомнением: — Похож.

Парень с бабочкой оказался официантом, у которого какой-то бородатый мужик плотно пообедал с дорогим коньяком и слинял, не расплатившись. В конце командировки денег на ресторан не остаётся, и коньяком от меня не пахло. Кое-как разобрались, но перед этим ударили по почкам. Бил, полагаю, милиционер, они знают, что нельзя оставлять следов. Разгневанный халдей наверняка бы заехал в морду. А я даже извинений потребовать не смог — объявили посадку. Не оставаться же до следующего рейса?!

Когда был молодой, борода интриговала некоторых девушек. Так если бы только девушек. Несколько раз домогались «голубые», но я трусливо притворялся, что не понимаю, чего они хотят. Можно бы, конечно, расспросить, сыграть (до кульминационного момента) заинтересованность, но актёрским талантом Бог обделил.

Был случай, когда пообещали познакомить с влиятельным писателем, который может набросать предисловие к моей первой книге, но предупредили, что он терпеть не может бородатых. Получалось — или брейся, или продолжай киснуть в собственном соку. Я даже знал молодого прозаика, смахнувшего ради этого бороду. А чего, собственно, кобениться? Разве трудно отрастить новую? Запросто. Но я всё-таки не сбрил. И пришлось ждать ещё семь лет.

И всё-таки какая-то польза от бороды была. В очередях запоминали. Утреннее время на бритьё не тратил. И чуть не забыл: на лезвиях экономил. Но, возвращаясь к доблестному Денису Давыдову: «Жомини да Жомини! А об водке — ни полслова!» Если вспомнить о водке, то про экономию на лезвиях лучше не заикаться.

Теперь чуть ли не половина мужского населения ходит заросшей, так что порой возникает желание сбрить свою многострадальную. А на вопрос: почему борода поседела быстрее головы? — отвечаю: потому что челюстью работаю больше.

Сергей Кузнечихин

Стихи разных лет

Хозяин

Округлость клумб, опрятность грядок,
Ранетка ветви гнёт к земле,
А всероссийский беспорядок —
Не ведьмой в небе на метле.
Он рядышком, он по соседству.
Вон сколько хлама навезли,
А против дури нашей средства
Пока что не изобрели —
И разбросают, и нагадят,
Чуть отлучись — и сразу вор.
Пустой мешок, как пёс поганый,
Ползёт с дороги под забор.
Да и заборчик-то не грозен —
Перемахнут за просто так.
Хозяин с виду несерьёзен —
Не богатырь и не кулак.
Хозяйка подорожник сушит,
Развешивает не спеша.
Чтобы вложить в землю душу,
Должна присутствовать душа.
Устал. Опёрся на лопату.
Согнал шального комара
И усмехается закату —
Должно быть, ужинать пора.
Бежит котёнок за хозяйкой.
Куруется банька — пар дозрел.
И воробей торчит козявкой
В шершавой шиферной ноздре.

РУССКАЯ ТОСКА

Эдуарду Русакову

Под вечер всё себе простил,
А утром снова загрустил
И, невзирая на усталость,
Приставил пистолет к виску
И выстрелил в свою тоску...
Себя убил.
Тоска осталась.

ПОСТОРОННИЙ

Это вам только кажется,
Что я волком гляжу.
И не надо куражиться —
Дайте дорасскажу.
Я не Богом обиженный,
Налетел на беду...
Ну, случилось, но выжил ведь —
Встал. И дальше иду.
Неуютна обочина,
А канава — мягка.
Если чуть скособочило
И согнуло слегка —
Что ж, прикажете вешаться
После стыка с углом?
Только чешется, чешется
Там, где был перелом.
Мне казалось, что зажило,
Связки не развязать...

Да куда же?
Куда же вы?
Дайте дорассказать!

ЧЕЛОВЕК У БАЗАРНЫХ ВОРОТ

Посидел. Поседел. Обозлился на жизнь
И, остатки здоровья спасая «Агдамом»,
Обезножев, сидит он и точит ножи
У базарных ворот расфуфыренным дамам:

«Сколько их, незамужних и при мужиках,
Не умеющих справиться нехитрую малость», —
Забывая, что, кроме сноровки в руках,
У него самого ничего не осталось.

Завивая в кольцо» беломорины» дым
И морщина в ухмылке небритые щёки,
Говорит комплименты клиенткам своим
Или, раздухарясь, позволяет намёки.

Всё зависит, как на душу ляжет «Агдам»,
И тогда всё равно: чья жена, чья невеста...
Скалит рот. Но среди перепуганных дам
Есть и те, что способны поставить на место.

А ему хоть бы хны, держит форс мужика,
Для которого фарт не бывает без риска.
Нож — в надёжной руке, и летят с наждака
Ослепительным веером острые искры.

* * *

Позднею осенью, за день до снега,
До гололёда и прочих невзгод,
Спелые женщины падали с неба,
Медленно падали ночь напролёт,

Опередив затяжное ненастье.
Словно волшебный заоблачный сад
Сбросил листву и плоды в одночасье —
И закружил над землёю десант,

Вне тяготенья, презрев парашюты,
Не признавая законов иных, —
Пёстрые юбки, роскошные шубы,
Лёгкие стайки сорочек ночных...

Медленно падали с ласковым смехом
Из поднебесной загадочной тьмы
Спелые женщины в ночь перед снегом,
За день до холода долгой зимы.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР

Ну времена! Наскучил эшафот.
Кого? За что? За кражу и за ересь —
Любого можно. И бесплатный вход
Не привлекает зрителя — заелись.

Устав бояться, начали скучать,
И поиск смысла стал потерей смысла.
Уже пресна свободная печать,
Свобода нравов на свету прокисла.

Как оживить? Построили помост
На площади. И власти не ругали:
Поп освятил, мэр города помог
Людьми, материалом и деньгами.

Добротный получился эшафот.
Гремели речи, развевались флаги,
И шёл на представление народ,
Но охладел, и кончились аншлаги.

Казалось бы, с ума сойти должна
Толпа, вживую созерцая трупы.
Ну что ещё? Какого им рожна?
Психует режиссёр. Мрачнеет труппа.

Какое там заелись — зажрались
И тупо отворачивают морды.

Герой-палач — последний моралист —
Конечно, пьёт, но в дело верит твёрдо.

ДОМ С КРАЮ

Косо в землю вросшая избушка —
Словно почерневший истукан.
На столе порожняя чекушка
И стакан.

Пара мух ощупывает крошки —
Видно, чем-то запах нехорош.
Ни тарелки на столе, ни ложки,
Только нож.

* * *

Через минное поле
Под кислотным дождём
Я ползу из запоя,
Изнурён, измождён,
Перемолот и выжат...
Через мины в грозу,
Без желания выжить,
Извиваюсь, ползу,
Провонявший от страха
И от пота слепой,
Через мины — на плаху
Или в новый запой.
Сам себе ненавистен,
Ненавистен жене,
Никаких новых истин
Не нашедший в вине, —
Повторенье тупое
Перепутанных дней...
Только минное поле
С каждым разом длинней.

Марина Саввиных

Кров бескрайний

2 АПРЕЛЯ 2017

Может быть, это воздух последних высот
 Или почва последних утрат?
 Электрический вопль обесточенных сот,
 Извержение взорванных врат?
 Может, это деревьев незрячий поход —
 Вверх тормашками — клочьями риз?
 Или небо во весь окровавленный рот
 Изрыгает проклятия вниз?
 Или память смертей отзывается впрок
 Обезумевшим отпрыскам лжи?
 Или — только ступи за отцовский порог,
 Только Зверю лицо покажи!
 Провода над дорогою крутит и рвёт:
 — Будь готов — это время придёт! —
 Чёрный ветер апреля... семнадцатый год.
 Чёрный ветер. Семнадцатый год.

* * *

Можно вырвать у колокола язык,
 Но пока он колокол, он — звучит.
 А имеющий уши — услышит крик.
 А имеющий голос — не промолчит.

Немота удушлива, как смола, —
 Но ветвятся звуки со всех сторон:
 Во Вселенной братья-колокола,
 Воскрешая свет, возвышают звон.

И всё глубже, громче их властный зык,
 В обессиленных превозмогая страх, —
 Так, что когти, вырвавшие язык,
 Только пыль становятся, только прах...

* * *

Гроздя гнева над бедствующей Москвой
Наливаются тёмной тяжёлой силой.
Город дремлет, стиснутый, но живой,
Всё ещё узнаваемый — тёплый, милый...
Но когда разверзнутся небеса,
Полыхнут всезрящие Божьи очи,
По людскому полю пройдёт коса,
Обнажая корни всемирной ночи:
Ты услышишь, как дышит в земле трава,
И вдохнёшь очищенный бурей воздух...
Спит Москва — и стонет во сне Москва.
Зреет гнев над миром в тяжёлых гроздьях.

* * *

А. Т.

Чинара меня позвала золотая,
Но осень прошла, и зима пронеслась,
И ветром весна обожгла, пролетая,
Покуда я к ней, наконец, собралась.
И вот, под покровом полдневного жара,
Сестра от таинственных древних корней,
Стою пред тобой, золотая чинара,
И радуюсь тихой молитве твоей.
Так руки твои над тропею воздеты,
Так речь твоя льётся, так слёзы горчат,
Что знаю: отхлынут всесветные беды
От грешной юдоли Дажьбожьих внучат,
Коль скоро просить за грехи человечьи
Деревьев становится праведный клир,
И смотрят настойчиво зрячие свечи
В унылые склепы ослепших квартир.
Как птице вернуться в постылую клетку?
Как снова поверить чужому добру?
Я молча целую цветущую ветку
И память причастья в дорогу беру.

* * *

Когда погребают эпоху...

Анна Ахматова

Когда убивают Европу,
Не слышно крушенья систем —
Не время, подобно потопу,
Смывает стигматы со стен,
Не время меж морем и сушей,
Не время меж ночью и днём, —
Гнилая вода равнодуший,
Как ртуть, растекается в нём.
Что слышим, что видим воочью?
Шакалы снуют по следам,
Тяжёлой обугленной ночью
Костями хрустит Нотр-Дам,
Пока ещё трезв и солиден,
Сопит почерневший Берлин,
Гуляет по Унтер-ден-Линден
Навеянный сплетнями сплин...
Что ж, мойры, злосчастие ткёте?
Приятно ли козни плести?
Потомство Вольтера и Гёте
Не смеет глаза отвести,
В припадках блудливых коллизий
И стыд позабывши, и честь,
От вывесок радужной слизи,
Которых повсюду не счесть.
Под ними все дыры бездонны —
Весь мир безнадёжен и сер...
И катятся слёзы Мадонны
По мёртвым глазницам химер.

* * *

Каждый волен мыслить себя героем
Сообразно избранным убеждениям:
Видит Бог — никогда не ходила строем,
Но в хороший хор вольюсь с наслаждением...
Я с тобой поделюсь и вином, и хлебом,
А споткнёшься — подставлю плечо, дружище...
Но в толпе — как в шеренге — разит Эребом,
А хороший хор — в резонансе с небом:
И душа — свободней, и воздух — чище...
Так споём! Вопреки мировым раздорам —
Люди, ангелы, звери, деревья, птицы —
Мириадоголосым бессмертным хором,
Превышая условности и границы!

* * *

У него — палатища из палат:
Пол — смарагдовый, в золоте — потолок.
У меня над ночлегом — тумана плат,
И постель — душистого сена клок.
У него — из всех нарядов наряд:
Бархат, вышитый серебром.
А на мне лохмотья огнём горят —
И хохочет смерд над моим добром.
У него — из челяди челядь: что раб — то князь.
Смотрят важно — умело падают ниц.
Мне никто не кланялся отродясь,
Кроме псов бродячих да вольных птиц.
То-то — силою славный среди людей —
Не имея зелия от тоски,
Он расставил на скудной тропе моей
И капканы скрытные, и силки.
Но такой ли достигнет заветных троп?
Не дано бедняге меня поймать,
Остаётся ему среди праздных проб
Загребущие пальцы свои кусать.
А меня — молоком небесных коров
Окормляет Господь;
Свой летящий флаг
Надо мной простирает,
Бескрайний кров,
И ведёт по дороге бессчётных благ...

* * *

*На мировом погосте
Звучат лишь письмамена...*

Иван Бунин

Без прочных пирамид, без обожжённой глины,
Без дедовских камней, хранящих письмамена,
Мы сгинем, как туман... И мёртвые руины
Не возвестят векам родные имена.

Под сетью мировой — Россия или Штаты,
Китай или Алжир — всё цифра, всё обман...
Сигают в небеса бездомные пенаты
На огненных шарах божественных виман...

Мы сгинем без следа — в ничтожестве и мраке.
Без нас Земля вздохнёт, и снова хлынет свет...
Прекрасный новый мир наследуют собаки
И, может быть, коты... На сотни тысяч лет!

* * *

Мясат

Преодолев тотальную иллюзию,
Что будто бы чума объяла мир,
Давай, сестра, махнём с тобою в Грузию,
Из карантинных вырвавшись квартир.

Отринем всё фальшивое и спорное,
Вдохнём свободы горный кислород —
И море, как объятие просторное,
Нам волны безоглядно распахнёт!

Ах, Сакартвело, песнями и танцами
Отметь свиданье! Братский свят алтарь!
Долой кордоны, маски и дистанции!
Сойдёмся и обнимемся, как встарь!

Эдуард Русаков

Вирус правды

Сюжеты-дуплеты

I.

И нашим, и вашим (Пролог)

Хочется всем угодить, всем сделать приятное. Всех угадать — и всем угодить. И нашим, и вашим.

Ведь каждый человек заслужил свою долю счастья. Даже самый последний мерзавец — не всегда же он был таким? Ведь когда-то же и он был прелестным младенцем-ангелочком-херувимчиком, и его так любила мама, так любила, так любила...

И его, и тебя, и меня.

Да! И меня тоже — мама любила!

Какие славные, сладкие песни она мне пела, чтобы я поскорее заснул... Чтоб и ей дал хоть чуточку отдохнуть после тяжкого трудового дня.

Главная тайна, главная правда всей нашей жизни — все мы до гроба остаёмся детьми. Рождаемся детьми, потом долго притворяемся взрослыми — и на закате жизни впадаем в детство.

Так что мои простенькие рассказы — это мои колыбельные песни для всех: для наших и ваших, для белых и чёрных, для левых и правых, для либералов и патриотов, для верующих и атеистов, для умных и глупых, для добрых и злых.

II.

Прошлая жизнь

Вчера я заснул — и увидел себя в прошлой жизни.

Шёл я по тропической тропинке в густом первобытном лесу — голый, босой, сжимая в руке толстую дубинку — моё оружие, которым охотился, добывая себе на пропитание. Добывал, добывая невинных пташек, порхавших с ветки на ветку. Выйдя на берег ручья, я решил напиться — и склонился над водной гладью.

И увидел своё отражение — лохматую рыжую рожу, заросшую густой бородой, шрамы на лбу и на щеке. Да неужто это я?! Быть не может...

И я проснулся — дрожащий и задыхающийся от ужаса. Это ж надо такому присниться!

Я быстро встал, умылся, стараясь не глядеть на своё отражение в зеркале, наспех оделся и направился к выходу.

— Ты куда? — крикнула вслед жена.
— Пойду прогуляюсь, — буркнул я.
— И не надоело гулять? А как насчёт работы?
— Ты же знаешь, сейчас карантин... С понедельника выйду, — отмахнулся я.
— Славно устроился, — хмыкнула жена. — Я тут вкалываю с учениками по скайпу, и домашнее хозяйство всё на мне, и дети... А ты!..
— Я же сказал — с понедельника! — крикнул я — и захлопнул за собой входную дверь.

Впрочем, всё это было давно, в далёком прошлом. Сейчас я совсем один.
Один, одинокий, одинаковый.

Позапрошлая жизнь

А позавчера я заснул — и увидел себя яркой пёстрой бабочкой, порхающей с ветки на ветку, с дерева на дерево.

Я был лёгкий, крылатый, свободный, ни с кем и ни с чем не связанный, никому ничем не обязанный и ничего не должный... я был сам по себе... даже имени у меня не было... даже клички... даже клейма...

Но тут на крыльце появилась юная светловолосая девушка, очень похожая на мою жену, — и в руке у неё был сачок для ловли бабочек. — Врёшь, не уйдёшь! — звонко крикнула она — и ловко накинула на меня этот сачок. — Ага, попался! Щас мы тебя на булавочку — и в коллекцию...

И я проснулся от нестерпимой боли.

III.

Такое кино

Я один в зале. Этот фильм никому, кроме меня, не интересен. Этот фильм — про меня. Только про меня.

Вот я совсем маленький — светленький, кудрявенький — играю во дворе с другими пацанами в футбол. А вот мы с мамой гуляем в парке, за мамой пытаются ухаживать два офицера, предлагают ей покататься на колесе обозрения, а потом — пострелять в тире. И тут выясняется, что моя мама стреляет лучше, чем эти боевые офицеры, недавно вернувшиеся с фронта.

— Ничего удивительного, ведь я — ворошиловский стрелок! — гордо заявляет мама и показывает им соответствующий значок на лацкане своего жакета.

— Вы служили? — спрашивает один из офицеров.

— Нет, просто я люблю стрелять, — отвечает мама. — А мой муж воевал, но пропал без вести...

— Может, ещё вернётся...

— Он обязательно вернётся! — восклицает мама и дёргает меня за руку: — Пошли, сынок. Нам пора.

И мы уходим, провожаемые грустными взглядами офицеров.

— Мама, а когда вернётся мой папа? — спрашиваю я.

— Никогда, — отвечает она сердито.

И я начинаю плакать.

— Не хнычь! — сердится мама. — Пошли домой, бабушка нас ждалась...

Я отрываю взгляд от экрана — и вижу, что зал постепенно заполняется зрителями.

Ага! Значит, им всем интересно узнать, что же со мной случилось дальше.

А дальше на экране появляются моя родная школа, мои друзья-одноклассники, мои учителя.

Вот мы выстроились на утренней линейке в школьном коридоре. Принимает линейку наш завуч — Аполлон Петрович, который стоит к нам лицом, а спиной к большой картине, на которой изображены Сталин и Ворошилов на Кремлёвской стене. Аполлон Петрович призывает нас «грызть гранит науки» и «строить светлое будущее», в котором все будут счастливы и не будет голодных и нищих.

Потом звучит песня «Давно, друзья весёлые, простились мы со школою!..» — и на экране показывают наш школьный выпускной вечер, на котором мы с друзьями распили на троих бутылку водки, после чего я, совершенно пьяный, стал приставать к своей однокласснице Гале Ароновой — и мы с ней потом целовались в укромном местечке под лестницей.

В зале кинотеатра раздались смех, чей-то свист и выкрик:

— Детям до шестнадцати смотреть запрещается!

— Сейчас — можно! — возразил, смеясь, чей-то девичий голос.

А на экране уже показывают, как мы с Галей гуляем по набережной Енисея, взявшись за руки, а потом она вдруг останавливается у парапета, простирает руки в сторону речной глади — и восклицает:

— Хочешь, я побегу по волнам?

— Ты что, Грина начиталась? — охлаждаю я её пыл, а Галя обиженно хмурится и вырывает свою руку.

— Ты не романтик, — горестно говорит она.

— Да, я не романтик, — соглашаюсь я. — Я — критический реалист.

— А ну тебя! — фыркает Галя и убегает от меня прочь.

— Да постой же! — кричу я, но тут экран гаснет, появляется титр: «Конец первой серии», — и в зале вспыхивает свет.

Я с изумлением вдруг обнаруживаю, что зал — пуст... Как же так?! Куда они все подевались? Ведь только что зал был полон!

Выйдя в фойе, я спросил у дежурной:
— А где все зрители?
— Какие зрители? — удивилась пожилая тётка в марлевой маске. — Вы о чём?
— Ну как же... Фильм «Моя заря», первая серия...
— Этот фильм отменили. В связи с карантином... Сеанса не было. Вы что-то пугаете! — и она покачала головой, снисходительно усмехаясь: мол, совсем старикашка из ума выжил.
— Да, но я же его только что смотрел, этот фильм! — возмутился я.
— Ошибаетесь. Не было никакого фильма. Шли бы вы, дедушка, домой...

...Я шёл по улице — и не видел вокруг никого. Город был пуст.
Я остался один в этом городе. Я остался один в этом мире.
Конец фильма.

Такое кино — 2

В последние годы люди почти перестали ходить в кинотеатры. Смотрят фильмы по телику, по Интернету, с дисков.

И всё чаще, придя в кино, я обнаруживаю, что в зале всего два-три зрителя, а то и совсем никого, кроме меня.

А ведь, кажется, не так уж давно залы кинотеатров были переполнены, особенно на премьерных сеансах, на голливудских блокбастерах, да и наши фильмы публика не пропускала.

И вот настала эпоха пустых кинозалов.

К примеру, вчера зашёл я в Дом кино на показ отечественной мелодрамы «Скупые слёзы». Зал — пустой.

Смотрю — фильм как фильм, душещипательная, я бы даже сказал — душераздирающая, история о несчастной любви девушки-сироты к немолодому офицеру в отставке. В главных ролях — Любовь Орлова и Николай Крючков.

Сажу, смотрю, вытираю скупые слёзы, иногда хихикаю... И вдруг замечаю, что недалеко от меня, впереди и чуть справа, сидит и всхлипывает какой-то пожилой мужчина в военном кителе. Но без погон.

Заметив меня, он возмущённо рычит:

— А вас кто сюда пустил? Вы — кто такой?!

— Станный вопрос, — удивляюсь я. — Как и вы, я прошёл по билету...

— Какие билеты?! Это мой личный, мой персональный просмотрный зал! Мой! Только мой! — повышает он голос. — И без моего приглашения никто... никогда... ни за что!..

— Да кто вы сами такой?

— А вы что — не узнаёте?! — и он поворачивается ко мне лицом, на котором топорщатся усы и гневно сверкают глаза. — Ну что, узнал?..

— Фу ты, Господи... Иосиф Виссарионович?! Да не может быть! Как вы здесь оказались?

— Нет, это ты — как ты здесь оказался?! — заорал Сталин, брызгая горячей слюной.

— Да я... да вы... да мне... — забормотал я — и потерял сознание.

IV.

Голая правда

Помню, в юные подростковые годы я очень любил любоваться на голую прокуроршу, которая призывно мелькала в двух смежных окнах дома напротив — по вечерам, слоняясь по квартире и занимаясь домашними делами.

Для тех целомудренных советских времён это было редкое нецензурное зрелище, особенно соблазнительное для юного взгляда, жаждущего познать запретную женскую красоту в чистом, незамутнённом виде. Порнофильм, который всегда рядом... Ну и ню!

Я подолгу стоял у окна, приоткрыв рот и трепеща от вожделения — и любовался на голую пышнотелую красавицу с распущенными рыжими волосами, которая слонялась по своей кухне и комнате, даже не пытаясь задёрнуть шторы на окнах. Потом уж я понял, что она это делала специально, в расчёте на зрителей. Вот такой многосерийный фильм.

— Хватит глазеть на эту идиотку, — оттащила меня от окна мама. — Детям до шестнадцати запрещается!

— А мне уже пятнадцать!

— Вот и потерпи с годик. А там, глядишь, прокуроршу в дурдом упекут.

— Почему — в дурдом? — удивился я.

— А потому, что она после смерти мужа совсем с катушек съехала, — злорадно рассмеялась мама. — Стала к молодым приставать, прямо на улице... и в суде адвоката молоденького соблазнила...

— А откуда ты знаешь?

— Я всё про неё знаю, — сказала мама. — Мы с ней учились вместе, в одном классе. Уже тогда была слаба на передок...

— Как это?

— А так. Отойди от окна! Она для таких, как ты, дурачков, и старается... Хотя бы лифчик с трусами надела... Тварь!

Я отошёл от окна. Но ненадолго. Когда мама вышла из комнаты, я вновь прильнул к окну, да ещё вооружился театральным биноклем — и долго-долго любовался на голую прокуроршу, которая прохаживалась по комнате, потом вышла на балкон — и вскинула лебединые руки, а ветер развевал её рыжие волосы.

А потом она помахала мне рукой — и я даже выронил свой бинокль.

А спустя полгода мама за ужином сообщила, что прокурорша явилась в голом виде на судебное заседание, в связи с чем разразился жуткий скандал — и её увезли в психобольницу.

Что с ней стало потом, я не знаю. Говорили, что умерла. Не знаю, честное слово.

Прошли годы, десятилетия, я остался совсем один, и нередко по вечерам я выхожу на балкон своей квартиры, раздеваюсь там догола — и тщетно надеюсь, что в окнах дома напротив появится голая прокурорша. Я хожу по балкону туда-сюда, я с надеждой смотрю на тёмные окна напротив — и не могу дождаться своей ненаглядной рыжей красавицы.

А может, она смотрит на меня с неба — и шлёт оттуда райский привет?..

Голая правда — 2

Недавно мне дали литературную премию имени Мамина-Сибиряка за мои замечательные рассказы.

После торжественной церемонии вручения премии в Доме искусств там же состоялся банкет, на котором присутствовал весь цвет кырской творческой интеллигенции, братья-писатели, спонсоры, чиновники из министерства культуры и множество знакомых и не очень знакомых ценителей и знатоков словесного искусства.

Всё было отлично. Звучали поздравительные речи, звенели бокалы с шампанским, раздавался дамский смех, кто-то спел в мою честь приветственную песню.

И тут вдруг из-за стола вскочила какая-то дряхлая старушка, которая воскликнула дребезжащим голосом:

— А я не согласна! Я против! Как бывший прокурор с многолетним стажем, я намерена подать в суд на виновника этого торжества! — и она ткнула в мою сторону жёлтым дрожащим пальцем. — Да, сударь, я вас имею в виду!

— Чем же я вас обидел? — растерянно пробормотал я и огляделся по сторонам. — Ничего не понимаю...

— А я вам напомню! — взвизгнула старуха. — Я требую возмещения морального ущерба за те сексуальные домогательства, которым вы подвергали меня на протяжении многих лет... да что там!.. в течение всей моей многострадальной жизни!

— Но я, извините, впервые вас вижу...

— Не лгите! Мы с вами знакомы более семидесяти лет! — завопила старуха. — Ещё в конце сороковых годов прошлого века, в детском садике, мы вместе отдыхали летом на даче, и там вы меня домогались — вы ко мне приставали со своими дурацкими объятиями, пытались поцеловать меня в моё самое тайное, самое нежное, самое сокровенное место... Но вам это не удалось!

— Так в чём же претензия?

— И потом ваши домогательства продолжались! Уже когда я училась в школе, вы преследовали меня своими любовными записками, своими попытками встретиться наедине, своими гнусными жестами...

— Это детский лепет! — воскликнул я.

— Это сексуальные домогательства, — возразила неугомонная старуха. — И позднее, когда я стала уважаемым юристом, заняла должность

районного прокурора, а вы учились в мединституте — я знаю, я всё про вас знаю! — вы продолжали ко мне приставать!..

— Да я к вам ни разу в жизни не прикоснулся! — закричал я, теряя самообладание. — Друзья, эта женщина — сумасшедшая!

— А вы — сексуальный маньяк, — прохрипела прокурорша. — И вам придётся мне возместить причинённый вами моральный ущерб. Уж я-то помню, как вы подглядывали за мной в окно, как вы смотрели на меня часами в свой мерзкий бинокль, как гуляли по своему балкону совершенно голый, пытаясь меня соблазнить... Но вам это не удалось! А вот я — подам на вас в суд и потребую взыскать с вас миллион рублей! Да-с! За грехи надо платить!

Я растерянно смотрел на неё, потом перевёл взгляд на примолкших гостей.

Все с ужасом смотрели на меня и на прокуроршу.

V.

Мой папа — президент

Это не я, это Вадик Кошкин придумал всю эту дурацкую историю. И не просто придумал, а ещё и написал рассказ «Мой папа — президент». Креативный, блин, тип. Он всегда был такой... сочинитель хренов. Я бы этих сочинителей вешал на фонарях.

А с Вадиком мы вместе в школе учились. Он и тогда уже сочинял всякие несуразные истории. Я после школы пошёл в медицинский, стал врачом-психиатром. А Вадик подался в Москву, в Литературный институт. Спрашивается — зачем? Кому сейчас нужны писатели? Книжки — вон — на помойки выбрасывают. Люди телик смотрят, в Интернете торчат, спят со смартфонами — зачем им книжки читать?

А Вадик упёрся: хочу быть писателем, и всё тут. Гонораров не платят, тиражи смешные, а кушать хоцца и кутнуть иногда с друзьями, со мной, например. Подрабатывал в газетах, статейки там, заметочки, интервью всякие. Но от этого кайфа нет. Хочется чего-то покруче. Успеха хочется.

И вот решил Вадик принять участие во всероссийском конкурсе молодых авторов, в номинации «Новелла». А для этого у него был как будто специально написан рассказ «Мой папа — президент», который Вадик и отправил на конкурс.

Герой этого рассказа, молодой семнадцатилетний парень Саша Овечкин, недавно окончивший среднюю школу и не сумевший поступить в вуз, получил повестку из военкомата. А служить не хочется! И Саша Овечкин решил откосить от армии, а для этого заявил на приёмной комиссии, что он — сын президента.

— Долго думал? — спросил военком.

— Клянусь всем святым, я являюсь внебрачным сыном нашего президента! — воскликнул Саша и перекрестился. — Мне об этом перед

смертью призналась мама — она в юности училась в Питере, в универе, и там у них были интимные отношения с будущим...

— Заткнись! — рявкнул военком и повернулся к члену комиссии в белом халате: — Что скажете, доктор?

— Одно из двух, — сказал, вздохнув, медик, — или он симулирует, или это паранойяльный бред как стадия шизофрении...

— Да я даже внешне похож на нашего президента! — обиженно воскликнул Саша Овечкин и снова перекрестился. — Гадом буду — я сын!..

— Сын, сын... сукин ты сын... В психушку его! — и военком махнул рукой. — Вы, доктор, оформите как положено... А ты, наследник, лечись хорошенько... Следующий!

Так Саша Овечкин попал в дурдом, где ему очень не понравилось. Он и не знал, что уколы бывают такие болючие, а дисциплина в психушке строже, чем в армии. Да и психи вокруг — не с кем даже поговорить. А есть такие, с которыми лучше вообще не общаться. А санитары — хуже армейских старшин и офицеров. И скорой выписки врачи не обещали.

Короче, не прошло и полгода, как Саша решил отказаться от своих притязаний на родство с президентом — он так прямо и заявил лечащему врачу, что, мол, всё понял и осознал, и лечение, мол, пошло на пользу, никакой он не сын президента, а совсем наоборот — мечтает о военной службе.

После комиссионного осмотра ему поставили диагноз: «Стойкая ремиссия у психопатической личности», — и вскоре выписали.

А уже через пару месяцев Сашу вновь вызвали в военкомат — и вскоре он оказался на службе в дальневосточном гарнизоне. Служил отлично, был примером для всех солдат, а однажды даже совершил героический поступок — спас из пожара старика-ветерана, бывшего фронтовика.

И за этот подвиг он был удостоен награды — медали «За отвагу» и личной благодарности от самого президента, который в те дни как раз находился с визитом во Владивостоке.

На этом завершился рассказ Вадима Кошкина «Мой папа — президент».

Рассказ занял первое место на всероссийском конкурсе, а Вадим Кошкин был приглашён в Москву, где на форуме молодых талантов, в Кремлёвском дворце, при подведении итогов были вручены призы победителям. С приветственным словом к юным талантам обратился сам президент.

А когда отшумели аплодисменты и торжественные речи, все гости были приглашены к столам с шампанским и изысканными закусками.

И тут вдруг к Вадиму подошёл сам президент с бокалом шампанского — и завёл с ним шутливую беседу:

— Ловко ты придумал про моего сына!

А Вадик так растерялся, что ответил совсем не то, что следовало бы сказать:

— Да я... а ведь я ничего не придумал. Этот рассказ — про меня. Никакой Овечкин тут не при чём. Всё так и было — у нас с вами... Вы — мой отец!

— Да брось ты.

— Клянусь мамой! — и Вадик перекрестился. — Она мне сама рассказывала...

— Ну ладно, ладно, — президент усмехнулся и прижал палец к губам Вадика. — Ты сильно-то не волнуйся... Сочи-ни-и-итель!.. — и он хохотнул. — Давай выпьем, что ли, за твою маму... Царствие ей небесное!

— А с чего вы решили, что мама умерла? — и Вадик расширил глаза. — Она, слава Богу, жива-здорова.

— Ну и славненько. Значит, выпьем за её здоровье... Да ты, брат, успокойся, — подмигнул ему президент. — Лучше скажи: чем может закончиться этот сюжет?

— Хеппи-эндом, конечно, — радостно сказал Вадик. — В конце рассказа вы должны признать меня своим сыном — и всё будет о'кей.

— А если не признаю?

— А я докажу.

— Как это?

— Ну... вот смотрите: я беру ваш бокал, из которого вы только что пили шампанское, и прячу в свою сумку. Потом я сделаю тесты на ДНК — и вы убедитесь, что мы с вами...

— Нет, финал у рассказа будет другой, — возразил президент. — Ты не выйдешь отсюда. И никаких тестов не будет. Усёк?

— Папа, тебе не стыдно?! — воскликнул Вадик.

— Какой я тебе папа? Сочинитель хренов...

— Папа! Ну папочка!.. — и Вадик забормотал, чуть не плача: — Ну ладно, ладно... я предлагаю третий вариант финала: ты признаёшь меня сыном, отрекаешься от поста президента — и мы едем в Кырк, к маме, где будем жить долго и счастливо...

— ...и умрём в один день! — закончил президент — и захохотал.

VI.

Члены моего кружка

— Батюшка, я хочу исповедаться... Душа болит, сердце ноет, совесть мучает...

— Что ж, иди сюда, встань вот тут — перед крестом и Евангелием, исповедуй свои грехи не мне, а Богу, в моём присутствии. Тут нас никто не услышит, не бойся.

— Ох, боюсь...

— Не боялась грешить, а боишься покаяться? И без лишних подробностей, говори главное.

— Главный грех мой — прелюбодеяния, и грешила я много раз. Первый раз ещё в школе, в девятом классе, потом несколько раз в пединституте, на филфаке... Потом — мужу изменяла... с его лучшим другом...

и не раз. И замужем была трижды, детей не было, а мне так хотелось!.. Но ко всем бывшим мужьям отношусь как к своим детям, ей-богу!..

— Не поминай имя Господа всуе!

— Простите, батюшка. А сейчас я живу одна, совсем одна. Но с мужчинами встречаюсь, не могу без них... никак не могу! Они мне и за мужей, и за детей. Мне детишек Бог не дал...

— Ты уже говорила! Не стыдно так жить?

— Ох, батюшка, так стыдно, а ничего не могу с собой поделывать. Особенно много нагрешила, когда работала в универе, у меня ж кандидатская степень по филологии. Это сейчас я на пенсии, а тогда... тогда я таким была активным педагогом! И кружок драматический вела...

— Кружок? — вздрогнул священник. — Какой кружок?

— Я же сказала — драматический. У нас в универе был свой студенческий театр. Там ребята на клубной сцене играли разные пьесы — и «Гамлета», и «Дядю Ваню», и «Оптимистическую трагедию». И в ту пору я совратила многих ребят, членов моего кружка. Заманивала их к себе домой, как бы на репетиции, по одному... а сама... — она глубоко вздохнула. — Ох, гореть мне в аду... Я их всех совратила!

— Ну уж — всех, — усомнился священник.

— Ну, не всех, но многих. Во мне тогда, помню, был такой охотничий азарт: скольких ребят я смогу соблазнить?.. И никто ведь не устоял, никто не отказался! Да, я смазливая была дамочка, и ко мне мужиков как магнитом тянуло... И все члены моего кружка — ну почти все — со мной переспали. Вся эта вакханалия длилась три года. Последним нашим спектаклем был «Отец Сергей» — по повести Льва Толстого.

— «Отец Сергей»? — снова вздрогнул священник. — Так это же...

— Да, хорошая повесть. Там особенно сильный эпизод, где некая дамочка — вроде меня! — пытается соблазнить отца Сергея, а он, чтобы спастись от соблазна, отрубает себе топором палец... Вы, конечно, читали эту повесть, батюшка?

— Не только читал, — глухо произнёс священник — и протянул к ней дрожащую левую руку, на которой вместо указательного пальца торчал короткий обрубок. — Узнаёшь?..

— Что это?! — отшатнулась она. — Так вы, значит...

— Да, я — один из членов твоего кружка, — еле слышно произнёс священник. — И я помню последнюю репетицию у тебя дома, где мы были вдвоём, одни, и ты слишком убедительно и достоверно со мной играла... Станиславский был бы доволен! И я так вошёл в роль отца Сергея, что взял да и отрубил себе палец...

— Неужели иначе нельзя было удержаться от соблазна, батюшка?! — воскликнула она, на коленях подползла к нему и принялась жадно целовать его руки. — Простите меня, простите, ради Христа!

— Не прикасайся ко мне, — с отвращением оттолкнул её священник. — Я отказываюсь совершать разрешительную молитву. Не могу

и не буду просить Господа простить тебе все твои прегрешения. Нет тебе прощения! Гори в аду, тварь!

Она закатила глаза и повалилась без сознания навзничь.

А священник, не оглядываясь, скрылся за алтарной дверью.

Кружкí моего члена

А в этом рассказе главным героем должен был стать тот самый священник, что, подобно отцу Сергию, отрубил себе палец, дабы избежать плотского соблазна и не согрешить.

Так вот, в этом рассказе священник не только не отрубил себе палец, но наоборот — он впал во все тяжкие, погряз в грехах, соблазняя и совращая всех женщин, приходящих к нему на исповедь. Среди них были и юные девицы, и зрелые дамы, и искренне верующие женщины, и разбитные бабёнки, заглянувшие в храм ради развлечения, и раскаявшиеся в грехах, и желающие вернуться на путь истинный те, кто согрешил по ошибке, и многие, многие прочие.

Я уже начал писать этот рассказ, но тут...

Но тут, к счастью, мой внутренний цензор запретил мне продолжать эту непотребную историю — и я был вынужден подчиниться этому строгому, но справедливому запрету. Иначе, боюсь, мне тоже пришлось бы отрубить себе палец. Или даже руку. Или даже...

Стоп, стоп! Молчу.

VII.

Вирус правды

Откуда он впервые появился на Земле, этот вирус правды?

Есть версия, что его подцепили в космосе наши космонавты, которые летали на Марс, но выйти на поверхность Красной планеты не решились, что-то там не сработало при посадке — и они ограничились прогулкой в открытом космосе на околомарсианской орбите. Поболтались в безвоздушном пространстве, поснимали на видеокамеру марсианские пейзажи — и вернулись на корабль, а потом на Землю. Однако, как позднее выяснилось, герметичность корабля была при этом нарушена.

Так случилось, что все три члена экипажа в космосе простудились: насморк, кашель, температура. Казалось бы, ничего страшного, банальный грипп, но вскоре появились другие, пугающие симптомы.

Космонавты вдруг стали говорить правду и только правду.

А ведь их предупреждали — никаких отклонений от заранее утверждённой официальной версии: мол, корабль совершил успешную посадку на Марс, и они прогулялись по марсианской поверхности, взяли пробу грунта, сделали несколько снимков. И уж потом полетели обратно.

Но на пресс-конференции с участием зарубежных корреспондентов случился скандал: космонавты с невинными улыбками, вытирая

платочками сопливые носы, сообщили всему миру, что на Марс они посадку не совершали, и там не гуляли, и пробы грунта не брали.

Этим дело не ограничилось! С того дня не только эти космонавты, но и все, кто был с ними в контакте, стали говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Так, один из руководителей космической отрасли публично признался в хронической коррупции. А другой важный чин вдруг поведал всему свету о фальсификации многих отчётных документов и назвал имена сразу нескольких высокопоставленных взяточников.

И тут началось такое! Правду-матку стали резать не только журналисты, ещё вчера послушно озвучивавшие все указания свыше, но и самые приближённые к вершинам власти сановники. Правда звучала по радио, с телеэкранов, в сети... Началась настоящая пандемия правды!

Не успели оглянуться, как вирус правды проник за рубежи страны — и вот уже слова правды звучат и в ЕС, и в ООН, и на разных международных форумах.

А вскоре президенты и премьер-министры многих стран начали признаваться во всевозможных грехах и призывать ко всеобщему покаянию и смирению. Люди бросились за поддержкой в храмы, мечети и синагоги — но и там их духовные наставники покаянно вздымали руки и падали на колени, признаваясь в собственных прегрешениях. А один кардинал прямо в храме, во время проповеди, вдруг признался в том, что давно уж не верит в Бога, после чего разгневанные прихожане забросали его горящими свечками с криками: «Лжец! Обманщик!..»

Журналисты стали писать только правду — и многие газеты закрылись. Телевизионные передачи вгоняли людей в депрессию и доводили многих до суицида. Поэты перестали писать стихи, ибо поэзия — это «нас возвышающий обман», а правда — это смертельный яд, от которого нет противоядия. Бизнесмены перестали обманывать конкурентов, и крупнейшие компании стали рушиться одна за другой. Мужья стали честно признаваться жёнам в своих изменах, и жёны, рыдая и хохоча, отвечали им взаимностью. Семьи рушились, по улицам бродили беспризорные дети, царили разврат и безудержное пьянство.

Весь мир был охвачен пандемией, вирус правды проник во все дома и души, люди совсем перестали врать — и это разрушило нашу цивилизацию.

И только я, автор этого рассказа, я один остался цел и невредим, единственный, голый человек на голой земле. Я — единственный, кто не поддался этой заразе, в чём вы сами только что убедились, ведь мой рассказ — это наглая выдумка, ибо я — профессиональный сочинитель, выдумщик и без вранья не могу прожить ни минуты.

А всё почему?

Да потому, что у меня врождённый иммунитет к этому космическому вирусу.

Вирус «Правды»

Название этого рассказа мне подсказал мой друг-поэт — после того, как я познакомил его с рассказом «Вирус правды» (см. выше).

Но это не пародия, нет, это совсем другая история.

Наше прошлое остаётся с нами.

Нам только кажется, что мы с годами меняемся, взрослеем, мудреем, набираемся опыта, новых знаний...

Виктору Промыслову казалось, что он изменился и стал совершенно другим. Да, он держал нос по ветру — и своевременно вышел из партии, своевременно начал посещать храм и усердно читать Евангелие, но вирус «Правды» (газеты «Правда»!) остался в нём, в его сердце, в его сознании, в его гибкой доверчивой душе.

Много лет назад юный Виктор Промыслов вступил в партию, уехал из родного Кырска в Москву, поступил на факультет журналистики в МГУ, а потом оказался в Высшей партийной школе (ВПС), которую успешно закончил.

Всегда аккуратно одетый (пиджак, галстук, до блеска начищенные туфли), аккуратно причёсанный (светлые волосы, косой пробор), он был аккуратен во всех делах и мыслях — и тщательно следовал нормам партийной морали. Неудивительно, что долгие годы он был собкором «Правды» по нашему краю, и на страницах этой главной газеты часто появлялись его аккуратные статьи и заметки.

Позднее Промыслов стал главным редактором Кырского книжного издательства. А я в ту пору как раз делал первые робкие шаги на литературном поприще. И вот как-то принёс в издательство рукопись первой своей книги рассказов — в надежде на публикацию. Помню мою беседу с Промысловым, который, полистав мою рукопись, тут же вернул её со словами:

— Сплошной мрак... Ты где, старичок, работаешь?

— В психобольнице, врачом.

— В дурдоме? Оно и видно. Оглянись вокруг: жизнь прекрасна! Устройся на завод, поработай там, пообщайся с нормальным трудовым народом...

— Но я же врач!..

— Окунись в нормальную жизнь, старик! В мире много хороших, нормальных людей, а ты — упёрся в своих психов...

— Хорошо, я понял, — кивнул я. — Спасибо.

Так мы не нашли с ним общего языка. Он не смог заразить меня вирусом «Правды».

Прошли годы. С грехом пополам я всё-таки начал печататься — сначала в газетах и журналах, а потом и книжки пошли. Но речь не обо мне.

Менялось время — менялся и Виктор Промыслов. В годы перестройки он вдохновенно рассуждал о «социализме с человеческим лицом», о «гласности» и «демократизации», о творческой дерзости. Правда, иногда спохватывался (вирус «Правды» не оставлял его душу в покое!) — и возвращался к обличениям и наставлениям. Так, однажды, ещё на заре перестройки, он выступил на страницах краевой газеты с пламенной статьёй «Хватит заигрывать с боженькой!», где обличал молодых авторов, злоупотребляющих в своих стихах и рассказах религиозными символами и метафорами. При этом цитировал, разумеется, Владимира Ильича.

Впрочем, очень скоро он и тут перестроился — и, как я уже упоминал, стал он верующим, православным христианином, принял крещение, регулярно посещал храм, истово молился, крестился...

Но вирус «Правды» неизлечим — и в последнее время Промыслов стал вдруг ярым патриотом, государственнымником, ненавистником Запада с его санкциями против России, проклинающим гнилых «либералов», ухитряясь при этом одновременно цитировать Христа и Маркса.

И когда, после недавнего сердечного приступа, он оказался на операционном столе, в склонившихся над ним хирургах он вдруг узнал до боли знакомые бородатые лица апостолов — Маркса и Христа. — Вам я доверяю, — прошептал он, закрывая навеки глаза.

VIII.

Куратор

Этот тип остановил меня возле библиотечного крыльца.

— Сударь, не желаете приобрести редкое издание? — и протянул мне старую потрёпанную книгу. — Всего за двести рублей. Вам — духовная пища, а мне...

И он захихикал, потом закашлялся. Пахнуло терпким перегаром.

Странный тип. Похож на бомжа, а предлагает сборник стихов Мандельштама. У кого-то спёр, вероятно.

— Нет, — говорю, — не нуждаюсь. Я Мандельштамом в юности переболел.

— Да уж знаем, — он снова хихикнул. — Помним ваши изысканные вкусы...

— А мы разве знакомы? — насторожился я. — Вроде бы не встречались...

— Ещё как встречались! — хмыкнул он. — Да-а, старость не радость. Память у вас отшибло, товарищ...

— Какой я вам товарищ?! — возмутился я. — Дайте пройти!

— Я же ваш бывший куратор, — вкрадчиво прошептал незнакомец. — Майор Игрунов... Ну? Вспомнили?

Я остолбенел. Да, майора Игрунова, некогда бравого чекиста, куратора кырских писателей, я, конечно, помнил. Но этот... Этот сутулый, плешивый, морщинистый старикашка с вонючим перегаром и дрожащими грязными руками — неужто это майор Игрунов?!

— А откуда у вас Мандельштам? — спросил я зачем-то.

И так ведь ясно, что книга им не куплена.

— Из библиотеки, — с улыбочкой подмигнул бывший майор. — Не из этой, конечно, — кивнул на дверь в городскую библиотеку, возле которой мы стояли. — Из моей, домашней.

— А дайте глянуть, — взял из его рук книгу, посмотрел на титульную страницу — там стоял штамп городской библиотеки. — Ясенюк... Вы, значит, здесь живёте?

— Ну, не совсем живу... Я тут сторожем работаю, — пояснил бывший чекист.

— Как же так случилось? — ехидно спросил я. — Вроде карьера у вас была вполне успешная... и дослужились, небось, до полковника...

— Не успел, — вздохнул майор. — Хотя поначалу и впрямь дела мои шли неплохо. И писатели меня все боялись, то есть уважали... Ведь так?

— Я вас не боялся, — возразил я. — И не очень уважал. Уж извините.

— Ну, значит, вы притворялись лучше других, — усмехнулся чекист. — Хотя и вы трепетали, как все...

— Кто? Я трепетал?!

— Ещё как трепетал... Делился со мной своими творческими планами, очень даже подробно. Правда, в письменном виде отчёты давать уклонился... придумал какие-то отговорки...

— Ага! Отказался же! И не сотрудничал я с вами! И на других не стучал!

— Да, от прямого сотрудничества уклонился, но в очень вежливой форме. И тайну наших встреч сохранил, никому не поведал. Я проверял. Так что, может, и не все стучали... но все трепетали! Все как один! А стукачей среди вас, писак, и так было навалом...

— Ладно, хватит, — сказал я сердито. — Дайте мне пройти, я спешу. У нас там, в читальном зале, через пять минут начнётся мероприятие... Все уж, наверное, собрались.

— Да я знаю, знаю, — и он вздохнул. — Кстати, а я ведь тоже всю жизнь мечтал стать поэтом... и стихи писал... ей-богу! Клянусь Мандельштамом!

— Не кривляйтесь... Какой вы поэт?

— А вы послушайте!

И он подбоченился, вскинул дрожащие руки — и стал декламировать стихи.

Я протестующе замахал руками, но он прикрыл глаза, и я понял, что он не шутит, не кривляется, не дразнит меня — он всерьёз, вдохновенно и чуть надрывно читал стихи — о злосчастной своей судьбе, о бесцельно прожитой жизни, об утраченной любви, о потерянных детях, о неверии в будущее, о многострадальной Родине, о чужих книгах, которые он охраняет, о несбывшихся своих надеждах...

А ещё я вдруг с ужасом понял, что его стихи намного лучше моих.

Ишь как он на меня вылутился, этот сраный писателишка, как он заслушался... Как я его ловко купил: он и впрямь ведь поверил, что это — мои стихи.

А ведь автора этих стихов я когда-то сдал с потрохами — и он сгинул потом в лагерях, так и не успев издать ни одной книжки. Но я свято храню в памяти все его стихи... Гадом буду — не забуду!

Ну а этот — пусть остаётся в неведении.

Пусть идёт на своё юбилейное писательское собрание, пусть они там вешают лапшу на уши друг другу. Я сыт по горло их враньём, пардон — их сочинительством.

Мне б чего-нибудь попроще бы.

Впрочем, заглянуть к ним хоть на минутку не помешает. Не сейчас, потом, когда зазвенят бокалы и зазвучат премудрые речи. Глядишь, и мне стаканчик перепадёт. А ещё бы лучше — бутылочку со стола умыкнуть, да потом, вечерком, на дежурстве, и вылакать за здоровье сибирских читателей и писателей.

Ладно, в зал к ним лезть не буду, а здесь, в коридоре, у дверочки, на табуреточке, и посижу да послушаю. Я ж их всех почти помню, особенно тех, кто постарше. И вон того поэта-романтика помню, и того прозаика, автора эпопеи «Шумят Саяны», и того критика-прохиндея, и вот этого детективщика-сказочника... И они меня помнят, конечно! Я же всех их когда-то в кулаке держал, все они — стучали друг на друга... Как дятлы! Годами стучали! И сейчас, я уверен, стучат...

Кстати, скоро ведь у меня тоже будет свой юбилей — мне же стукнет восемьдесят... Как это не отметить? Ну и что, что сейчас я простой сторож в библиотеке?.. Договорюсь с директором, он мой давний должник, он ведь тоже когда-то для меня стучал... И устройю застолье вечерком, когда читателей никого уж не будет, а писателей... А писателей я приглашу! Не всех, конечно, но самых-самых... И ведь придут как миленькие! Куда они денутся? Ещё как придут! Если не хотят, чтобы я про них про всех всему свету всю правду рассказал, — прибегут! Приползут! На карачках приползут!

IX.

Остров сокровищ

— Деда, почитай мне перед сном сказочку, — канючит внучка Настя, никак не желающая засыпать без сказки.

— Какую ты хочешь? — вздыхаю, оглядываясь на часы. — Спать пора, уснул бычок...

— Не-е, — хнычет внучка, — про бычка мне уже надоело! Мама сто раз читала, и папа — миллион раз! Хочу про «Остров сокровищ»!

— Ну-у... вообще-то это не сказка, — возражаю я. — Это книга, целый роман...

— Ну деда! Ну хоть кусочек! — ноет маленькая зануда. — А то мне скоро в школу идти, а я до сих пор «Остров сокровищ» не читала. У нас ребята в садике — все читали, а я — как эта... как дура малолетняя!.. — Так ты ведь уже сама читать умеешь, — напоминаю я ей. — И очень неплохо читаешь. Вот завтра проснёшься — и читай на здоровье. А сейчас спать пора. А книжку эту я тебе непременно найду, у меня она есть. — Ну-у деда! Ну хоть кусочек, пожалуйста, почитай! Хоть чуть-чуть... а иначе я не засну!

— Ах ты, шантажистка, — сержусь я притворно. — Ну ладно, уж так и быть. Я тебе только немножко расскажу, что помню, совсем чуть-чуть, а читать будем завтра. О'кей?

— О'кей, о'кей!

И внучка захихикала так звонко, что из соседней комнаты выглянул папа, мой сын, и спросил сердито:

— Вы ещё не спите?

— Айн момент! — подмигнул я. — Мы уже закрываем глазки... Вот так!

Внучка закрыла глаза, но продолжала улыбаться.

— Деда, давай, — прошептала она.

— Что ж, слушай, — и я откашлялся. — Роман английского писателя Стивенсона, одно из лучших в мире произведений приключенческого жанра, был создан им в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году и стал самой прославленной книгой этого автора. Главный герой романа — простой юноша Джим Хокинс — случайно узнаёт от моряка Билли Бонса тайну острова сокровищ — и вскоре отправляется вместе с пиратами на корабле на поиски этого острова, где и происходят главные события романа. Старый пират Джон Сильвер — хитрый, жадный, с костылём, на деревянной ноге — строит всяческие козни, но дружба и взаимовыручка побеждают — и в конце романа добро побеждает зло... — А сокровища? — шепчет внучка сквозь сон.

— А сокровища попадают в руки хороших людей, — так же шёпотом отвечаю я. — Завтра мы будем с тобой читать эту замечательную книгу. А сейчас — спи. Ты — моё сокровище!..

— Деда, ты шутишь? — не открывая глаз, шепчет Настя.

— Я не шучу, — шепчу я. — Эта комната — наш остров сокровищ... Спи, моё золотко...

Настя чуть улыбается — и засыпает

А я выхожу из спальни, заглядываю на кухню, где моет посуду моя невестка Наташа, жена сына и мать Насти, а потом — в комнату сына, который сидит за письменным столом, перед ним светится раскрытый ноутбук. Это называется — дистанционная работа. Хотя сегодня рабочий день, но все трудоспособные граждане страны сидят по домам и работают дистанционно.

Потому что — карантин. Все пытаются спрятаться от угрозы коронавирусной инфекции. Всем строжайше рекомендовано сидеть дома,

особенно таким, как я,— старым пиратам, входящим в зону риска и чаще всего становящимся объектами и жертвами роковой заразы.
— Ну как?— спрашивает сын.— Настя спит?
— Сладким сном,— говорю.— И я тоже пойду вздремну...
— Конечно, папа. Отдыхай.
— Вы моё сокровище,— говорю я, чуть не плача.
— Кто — мы?
— Ну, ты и Настя... и твоя Наташа... А наш дом — это остров сокровищ... А я — старый больной Билли Бонс... — и я вдруг запел хрипловатым басом:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол доведёт до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!..

— Папа, что с тобой?— испуганно спросил сын.— У тебя всё в порядке?
— Всё в порядке, спасибо зарядке,— пошутил я.— Работай, не отвлекайся. Работай, негр,— веселись, негритянка!..
— Да что с тобой, папа?!.. — и сын встал из-за стола, подошёл ко мне.
— Извини,— сказал я.— Уж и пошутить нельзя!
— Какой-то юмор у тебя странный,— пробормотал сын, с сомнением глядя на меня.— Какой-то чёрный юмор, папа...
— А какой ещё может быть юмор в такие дни?

Остров сокровищ — 2

А потом я лёг в свою постель — и долго не мог уснуть.

В голову лезли дурацкие воспоминания о давнем прошлом. Зачем-то вдруг вспомнилось, как полвека назад я учился в мединституте, на пятом курсе,— и за пропуски лекций меня на весь семестр лишили стипендии. Чтобы не лишать маму моей хоть небольшой, но регулярной материальной поддержки, я устроился работать ночным сторожем на острове Отдыха. Охранял я склад спортивного инвентаря, который находился в трюме старого теплохода, пришвартованного к берегу острова. Рядом, на берегу же, стояла маленькая деревянная сторожка — избушка с печкой, нарами на одного человека и одним столом, служившим мне и для еды, и для подготовки к вузовским занятиям, и для моей графоманской писанины. В ту пору я писал стихи. Иногда сочинял и рассказы — чаще всего с криминальным уклоном. Стихи мои оставались на бумаге, а рассказы иногда попадали и на страницы институтской газеты «Медик», и даже в краевую газету «Кырский комсомолец».

Так и пролетала моя юность: днём — в институте, а вечером и ночью — на острове, в сторожке, с карабином, который, кстати, не был заряжен.

Однажды, в разгар весенней оттепели, ко мне на остров, как раз во время дежурства, нагрянули неожиданные и незваные гости — два молодых поэта и две девицы. Один поэт, Руслан, был уже в ту пору весьма популярен и пользовался успехом, особенно у юных девиц. А второй, начинающий стихотворец Артём, — очень самолюбивый, обидчивый, вспышкающий из-за пустяка. Девушки хохотали, шутили, поддразнивали кавалеров. А я от гостей очень быстро устал. В тот вечер я был настроен на сладкое одиночество и собирался перечитать любимую с детства книгу «Остров сокровищ».

— Это же чтиво для детей, — добродушно фыркнул Руслан, увидев на столе моей сторожки эту книгу. — Старичок, ты впадаешь в детство, не успев повзрослеть!

— А мне эта книжка нравится! — заявила одна из девиц.

— А мне — смешно даже говорить об этом, — надменно заметил Артём, скривив тонкие губы.

— Ребята, а ведь мы с вами сейчас — на острове сокровищ! — воскликнула вторая девица. — Интересно только — где они спрятаны, эти сокровища?

— В трюме теплохода, — сказал я. — Это рядом, в двух шагах от сторожки. . . Пройди по трапу, загляни в трюм.

— Наше сокровище — это наша мужская дружба! — с театральной высокопарностью произнёс Руслан, сверкая карими глазами. — И за это я предлагаю немедленно выпить! — он достал из портфеля бутылку водки, а потом бутылку вина — и глянул на меня: — Старичок, надеюсь, посуда у тебя найдётся?

— Мои сокровища — это моя посуда, — сказал я, так же кривляясь, и поставил на стол стаканы. — Есть и колбаска, и плавленый сыр, и батончик белого хлеба. . .

— Старик, ты — наше сокровище! — воскликнул Руслан. — Всех прошу к столу!

— Наше сокровище — это наши милые барышни, — заметил строго Артём. — Девочки, не стесняйтесь!

— Ребята, вы — наше сокровище! — заявила одна из девиц, а вторая её поддержала.

— Значит, первый тост — за мужскую дружбу! — и Руслан поднял стакан с водкой. — А второй будет — за милых дам!

— Ну а третий — за моё одиночество, — тихо заметил я.

— Как это? — растерялся Руслан.

— Да так. . . Моё сокровище — это моё одиночество, — сказала я. И запел хрипловатым басом:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол доведёт до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

А потом я проснулся — спустя полвека.

И увидел, что я — один, совершенно один.

Никого не было рядом. Ни сына. Ни внучки. Ни невестки.

Моя семья мне тоже приснилась. И мой дом мне приснился.

Я лежу на узкой койке в одиночной камере. На окне — решётки.

Впрочем, может, и это мне тоже приснилось...

А на самом-то деле я уж давным-давно пребываю в райских кущах.

Впрочем, не знаю.

Я ничего не знаю, не помню, не слышу, не вижу.

Х.

Трое в лодке, не считая собаки

Я никогда не увлекался рыбалкой. Ни в юные годы, ни на склоне лет.

Ни охота, ни рыбалка меня не привлекали. Я всю жизнь охотился на острые сюжеты, ловил золотых рыбок в мутной воде воображения.

Правда, однажды, сто лет назад, в лихую студенческую пору, меня соблазнил отправиться на рыбалку мой тогдашний дружок — художник Ринат. Он ещё не был членом творческого союза, а после окончания художественного училища лишь начинал свою карьеру, но весьма успешно, если верить газетным отзывам местных искусствоведов и критиков. Ну а я заканчивал свой медвуз и готовился стать психиатром.

И вот летом, во время моих каникул, Ринат уговорил меня вместе с ним отправиться на рыбалку.

— У меня есть лодка, удочки, накопаем червей — и поплывём через Енисей! — расписывал он прелести предстоящей прогулки. — Наловим пескарей, окуней, карасей... Причалим на правом берегу, я там знаю укромное местечко, разведём костёр, сварим уху... Старичок, это будет сказка!

— А можно, я девушку с собой позову? — спросил я.

— Девушку? — Ринат чуть напрягся. — Ну, старик... не знаю даже. Это ж плохая примета — баба на судне!

— Какая баба?! Это моя невеста — Таня! Ты ж её знаешь! Она нам не помешает!

— Ах, Таня... — Ринат задумался. — Ладно, старик. Давай сделаем по-честному. Я тоже буду с подружкой... О'кей?

— Хозяин — барин! — рассмеялся я.

И через пару дней мы встретились у причала на берегу Енисея, где была пришвартована лодка Рината.

Мы с Таней оделись по-летнему: я — в джинсах и майке, она — в шортах и блузке с короткими рукавами, — а Ринат был в плаще-дождевике и резиновых сапогах и тащил три удочки, банку с червями, котелок и сумку с вином и закусью. Но главное — вместе с ним была рыжая овчарка без поводка, которая сразу кинулась к Тане — и стала её целовать, то есть жадно лизать прямо в губы и щёки.

— Ой, что это?.. — восклицала испуганно Таня, шараясь от рыжей псины, которая явно влюбилась в неё с первого взгляда. — А она не кусается?

— Нет, что ты, Танюша, — успокоил её Ринат. — Просто ты ей понравилась... Пальма, фу! Не приставай к девушке! — и повернулся ко мне: — А ты заметил, старик, что они похожи?

— Кто? — не понял я.

— Ну, Таня и Пальма... Обе рыженькие, обе такие шустрые, и глазки горят одинаково!

— Мы одной масти, — ничуть не обиделась на его слова Таня. — И я тоже в душе овчарка. Так что, ребята, поосторожнее с нами...

— Ну и шуточки у вас, — хмыкнул я и посмотрел на часы. — А как насчёт обещанной рыбалки? Может, пора отчаливать?

— Пора, мой друг, пора! — воскликнул Ринат, явно цитируя одновременно и классика, и название модного в ту пору аксёновского романа. — Прошу всех на борт! Пальма, ты — рядом со мной!

И вот мы плывём, доплываем до острова Отдыха, пробуем там, в тихом заливчике, закидывать удочки — но рыба, к сожалению, не клюёт... Неужели дурная примета сработала — и всему виной присутствие на борту моей Тани? Да нет, скорее, тут виновата Пальма, которая своим дурацким лаем отпугивала всю рыбу.

Мы с Ринатом нервничаем, злимся, а Тане хоть бы что, она развлекается с Пальмой — то гладит её, то ерошит ей рыжую шерсть, то брызгает ей в морду воду из Енисея, зачерпнув ладошкой. Собака притворяется рассерженной, но по глазам её видно, что она счастлива — особенно когда Таня, смеясь, прижимает к себе её рыжую морду.

А я вдруг чувствую острую ревность.

Да, я ревную Таню к Пальме. На меня почему-то Таня совсем не обращает внимания, а от Пальмы оторваться не может... Чем она так уж её приворожила?

— Зачем ты взял с собой эту рыжую суку? — злобно шепчу я Ринату, который в очередной раз насаживает червяка на крючок.

Он изумлённо смотрит на меня и после паузы отвечает:

— А ты — зачем взял с собой эту рыжую... красотку?

— Что-о?! Да это же моя любимая девушка! Моя невеста!

— А это — моя любимая собака. И не кричи, старичок, — всю рыбу распугаешь...

— Да нет тут никакой рыбы! — кричу я.

— Мальчики, мальчики, не ссорьтесь из-за пустяков, — ласково говорит нам Таня. — Ринат, успокойся. И ты, мой хороший, не кричи так... А то — видишь, как Пальма на тебя смотрит испуганно? Ах ты, Пальмочка, псинка моя ненаглядная... дай я тебя поцелую, моё лохматое солнышко!

— Ну хватит! — крикнул я, вскакивая так резко, что лодка покачнулась и накренилась набок. — Вы тут целуйтесь, ловите рыбку, а меня увольте! Я — третий лишний! Мне этот цирк надоел!

— Ты куда, старичок? — испуганно крикнул Ринат.

— Я домой! — и я прыгнул в воду и, не оглядываясь, поплыл в сторону левого берега.

И ведь доплыл. Не утонул.

Трое в койке, не считая собаки

Ту давнюю-предавнюю историю про Рината, Таню и Пальму я вдруг вспомнил сегодня ночью, когда мы с женой, насмотревшись по телику жутких новостей о коронавирусе и объявленном президентом карантине, отправились в спальню.

— Вообще-то ещё не поздно, — сказала жена. — Можно было и сериал посмотреть. А потом, ты забыл с Динкой перед сном прогуляться.

Динка — это наша собака, кокер-спаниель.

— Сил больше нет, — отмахнулся я. — Давай лучше выспимся, раз уж сам президент приказал всем сидеть дома и не высовываться. А с Динкой я завтра рано утром прогуляюсь. Надену маску — и выйду с ней, пока все ещё спят.

— Ну смотри, — вздохнула жена. — Не ворчи потом, если Динка в коридоре лужу напустит... Ладно, гасим свет. Ромку я уже уложила.

Ромка — это наш семилетний сын.

— Молодец, — и я чмокнул жену в морщинистую щёку. — Не дуйся, Дуся.

Но едва я задремал, как меня разбудил сын Ромка — он забрался в нашу супружескую постель и пристроился между мной и Дусей.

— Что случилось, Роман? — сердитым шёпотом спросил я. — Чего тебе не спится?

— Я к вам... я с вами... я боюсь один... — прошептал дрожащим голосом Ромка. — Я боюсь...

— Чего ты боишься, дурачок? — спросила жена.

— Ви... ви... вируса боюсь!

— Ну ладно, спи, — согласился я. — Тут тебя никакой вирус не тронет. А завтра поговорим...

— Спи, мой глупенький, — прошептала жена. — Спи и ничего не бойся. Мы с тобой. Мы тебя не дадим в обиду.

Ромка довольно засопел — и через пару минут уже крепко спал. Жена тоже заснула, а я безуспешно пытался, но сон всё никак не шёл.

А когда я уже погрузился в дрему — дверь спальни скрипнула, открылась, и на кровать мягко запрыгнула наша собака Динка. Она деликатно устроилась у нас в ногах, стараясь не слишком стеснять нас своим звериным присутствием.

— О Господи, Динка, — прошептала жена. — Ты что, тоже вируса боишься? А ну пошла!

Дина обиженно зарычала, оскалила зубы.
— Тихо, тихо, — сказал я. — Не гони её, Дуся. А то Ромку разбуди-
те — тогда вообще не уснём... Динка — спи!

Собака благодарно лизнула мою ладонь — и послушно закрыла глаза.

И вот мы спим вчетвером, прижавшись друг к другу, в одной кровати.
И нам никакой вирус не страшен.

ХІ.

Чао! (Прощальные записки)

1) *Прозаик Беляков:*

«Я устал сочинять, то есть врать. Перепробовал все жанры — и крутые детективы, и лирическую исповедальную прозу, и психологический роман, и остросюжетные повести, и короткие рассказы, и мемуары, и эссе... Надоело!

Лучший жанр — предсмертная записка.

Вот, например: „Прощайте, братья по перу и по пирам. В моей смерти прошу винить всех!“»

2) *Поэт Зайцев:*

«Ненавижу белые стихи.
Обожаю чёрные стихи —
Например, про ложь и про грехи,
Про одеколон и про духи,
Про ха-ха, хо-хо, хе-хе, хи-хи...
Но — увы — закончились все рифмы.
И остались только: смерть-твердь, гроб-хлоп, рай-край, ад-лад...
Вот и всё. И больше нету рифм.
Значит — нету жизни».

3) *Врач Чуйкин:*

«Я понял, что излечимых болезней нет. Все болезни — неизлечимы.
И вся наша жизнь — это хроническая неизлечимая заразная болезнь.
Уж простите».

4) *Симулянт Нуйкин:*

«Я устал притворяться. Пока-пока! До встречи в раю. Впрочем, опять вру. Прощайте. Смерть каждого найдёт. Кто не спрятался, я не виноват».

5) *Иван Кузьмич, 80 лет:*

«Я устал всего бояться. Сталина боялся, Гитлера боялся, Хрущёва боялся, Ельцина боялся, ядерной войны боялся, коронавируса боялся...
Сил больше нет! Хочу сдохнуть!»

6) *Леночка, 7 лет:*

«Мне так страшно, мама. Мамочка, открой глазки! Почему ты молчишь? Мама, мама!..»

7) *Шлюха Лариса:*

«Меня никто не любит!
Я не могу так жить!»

8) *Старая дева Глафира:*

«Меня никто не хочет!
Я не хочу так жить!»

9) *Нищий Егор:*

«Я за всю жизнь ничего не заработал.
Надоела нищета!»

11) *Миллионер Ривкин:*

«Мне не на что тратить мои миллионы.
Я понял, что счастье не продаётся».

12) *Священник:*

«Не могу больше жить в этом мире, погрязшем в грехах».

13) *Атеист:*

«Не могу больше жить в этом мире, погрязшем во лжи и притворстве».

14) *Президент:*

«Как вы мне все надоели!..»

15) *Автор:*

«Спите спокойно, дорогие друзья. Даю вам всем установку на сладкий сон и полное душевное успокоение. Никто ни в чём не виноват».

Весна 2020

Наталья Колмогорова

Супермены

Победитель Всероссийского литературного конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Детская проза»

Из школы домой мы всегда возвращаемся втроём — Сашка, я и Никитос.

Сашка — самый высокий из нас и худой, как швабра.

Никитос — на самом деле это Никита. Он всё делает быстро: быстро бегаёт, быстро падает, поднимается и снова куда-то бежит.

А меня все зовут Кузей, потому что фамилия Кузьмин и похож я на домовёнка Кузю из известного мультфильма. Волосы торчат в разные стороны, уши большие, а нос — картошкой. Мои родители семь с половиной лет тому назад, видимо, решили испортить мне жизнь, поэтому и назвали Игорёшей. Все Игоря — стеснительные тихони. Вот и я такой же...

Мы шагаем по тротуару, и Сашка такой говорит:

— Чуваки! Смотрите, какая глобальная глыба снега!

Какое противное слово — «чуваки»! Похоже на «червяки».

Сашка мог сказать: «Пацаны, смотрите, какая большая глыба снега».

Так нет! Он русский язык перевернул шиворот-навыворот... А «глобальная глыба снега»? Разве так говорят? У Сашки по русскому языку — тройка, по математике пятёрка, а у меня — как раз наоборот.

Никитос сказал:

— Ого! — и решил пнуть снежный ком, но ничего не вышло.

Никита вдруг поскользнулся на ровном месте и упал носом в мокрую кучу снега. Он частенько падает на ровном месте.

— Кто положил этот дурацкий комок на тротуар? — Никита быстро вскочил, отряхнулся, потёр ладошкой ушибленный нос.

— Ну-ка давайте сдвинем глыбу с места, — скомандовал Сашка.

Мы втроём поднатужились и стали двигать ледяной ком туда-сюда, но он не поддавался.

— Всё ясно, — сказал Сашка, — потому что весна, и снег к асфальту присосался.

Во-о-от, опять! Разве так говорят — «присосался»? Правильнее сказать — «прилип».

— Да ладно, пускай тут лежит, — я махнул рукой. — Люди же не слепые, увидят и обойдут.

Честное слово, некоторые проблемы лучше не трогать, и тогда они исчезнут сами собой. Или растают, как снег...

Сашка с Никитой со мной согласились, и мы пошли дальше.

Тут, как назло, дорогу перешла чёрная кошка... А может, кот?

Я в них не разбираюсь, потому что все они на одно лицо — и кошки, и коты.

— Я дальше не пойду! Чёрные кошки приносят несчастья, — Сашка остановился, как будто увидел незримую преграду.

Кошка про это услышала и сразу пошла в нашу сторону.

— Бежим! — крикнул Никитос и побежал напрямик, через грязную лужу.

Сашка оказался с ним заодно:

— Мне тоже неприятности не нужны!

И большими шагами, как цапля по болоту, перешёл лужу вброд.

А я остался один... Вернее, один на один — с чёрной незнакомой кошкой.

Чёрная кошка (а я уверен, что это была именно кошка) подошла ко мне, выгнула спину и жалобно сказала: «Мяу».

Я отдал ей остатки печенья, которое мама положила в рюкзак. Кошка шершавым язычком слизала с ладони всё до единой крошки, потёрлась о мою ногу. Я погладил кошку-чернушку, помахал на прощание рукой, спокойно обошёл лужу и догнал Сашку с Никитой. Они стояли в сторонке и наблюдали за нами издали. Смотрели и как будто чего-то ждали. Наверное, неприятностей...

— Ну, — сказал я, — у кого из нас неприятности, у вас или у меня?

Друзья смерили меня взглядом с ног до головы, а потом посмотрели на свои ноги... Обувь и брюки у Сашки с Никитой оказались заляпаны грязью.

Да, иногда с неприятностями лучше встречаться лицом к лицу!

— Эх, — вздохнул Сашка. — От мамки сегодня влетит по пятое число!

Почему по пятое число, я не понял, ведь сегодня с утра было восемнадцатое марта.

А потом Сашка добавил:

— Пошлите улицу перейдём.

Мы с Никитосом поплелись следом...

Сашку слушались все. Наверное, поэтому его выбрали старостой нашего класса. Он умел сказать так, что все подчинялись.

— А я наклейки про суперменов собираю, — похвалился Сашка.

— И сколько наклеек собрал? — Никитос сморщил нос и сделал рыжие брови «домиком».

Никита, сколько помню, всегда был рыжим, его лицо украшала щедрая россыпь веснушек.

— Сколько собрал? Я не помню...

Сашка задумался, как будто хотел немного приврать, но потом честно сказал:

— Пять штук.

— Пять наклеек? Ха-ха-ха! — рассмеялся Никита. — Вот я возьму и соберу сто штук!.. Кузя, а ты хочешь стать суперменом?

Я не успел ответить, потому что Никита опередил меня и закричал: — Йо-хо-хо! А я хочу стать суперменом! Суперменом стать легко! Не верите?

— Ну, допустим, верим. И что?

— Ничего, я просто так спросил, — захихикал Никита.

— Тогда носи мой рюкзак до дома, супермен! — Сашка лукаво улыбнулся.

— Ага, щас! — обиделся Никитос. — Какой ты умный! Сам носи свой рюкзак.

И подставил Сашке подножку. Сашка разозлился и... Думаю, случилась бы драка, но тут мы увидели Ленку!

Вы слышали песню: «А глаза у Синеглазки, вы у неба взяли краски»? Эту песню сочинили точно про Ленку! Глаза у неё такие синие, что долго в них смотреть нельзя — можно ослепнуть. Может быть, я ошибаюсь и другие мальчишки смотрят на Ленку без страха, но только не я!

Ленка догнала нас у пешеходного перехода. Какая она всё-таки прекрасная! И голубой беретик так подходит под цвет её васильковых глаз...

— Я вас обгону, мне домой надо срочно, — сказала Ленка и улыбнулась.

Мне кажется, она улыбнулась именно мне!

— Ну и перегоняй, а мы не торопимся, — Сашка посмотрел на Ленку с высоты своего роста.

Загорелся жёлтый глаз светофора, и вечно спешащие автомобили, будто по команде, замедлили свой бег. Ленка решительно ступила на белую полосу «зебры», собираясь перейти дорогу...

Вдруг краем глаза я заметил, как красный автомобиль, не сбавляя скорости, летит на Ленку! Но она этого не видела, потому что смотрела себе под ноги. Я очень испугался и на секунду зажмурил глаза, а когда разжмурил, то очень удивился — рядом с Ленкой я увидел Никиту. Как он мог так быстро оказаться рядом? Никита дёрнул Ленку за капюшон куртки и, не удержав равновесие, упал вместе с ней на мокрый асфальт. А я от страха снова зажмурил глаза...

Красный автомобиль, едва не задев колёсами, пролетел мимо них на большой скорости. Я успел заметить бледное лицо водителя — им оказалась молодая девушка в солнечных очках. Я так и не понял: зачем нужны солнечные очки за рулём? Курица!

Движение на шоссе полностью остановилось, а мы с Сашкой побежали к Никите с Ленкой...

Ленка не плакала. Она только смотрела на нас синими-синими глазами и молчала.

— Девочка, ты ушиблась? Девочка, ты испугалась? — тараторили тётеньки, столпившиеся вокруг.

Но Ленка упорно молчала, и только одна-единственная слезинка медленно скатывалась по её щеке. Вернее, не слезинка, а слезища... — Какой ты молодец! — толстая тётенька погладила Никиту по голове. — Если бы не ты, мальчик, то быть беде.

Никита повёл себя странно. В этот раз он не стал суетиться, гримасничать, спорить, а неподвижно стоял в окружении толпы, низко опустив голову. Веснушки на его лице побледнели, будто выгорели на солнце. Шапка отлетела в сторону, и спутанные пряди волос оказались не ярко-рыжими, а тускло-серыми.

— Как твоя фамилия, мальчик? — спросил у Никиты дяденька в длинном шарфе.

— Его зовут Никитос, — гордо сказал Сашка и сделал шаг вперёд.

— Никитос — это имя или фамилия? — удивился дяденька.

— Его зовут Никита, а фамилия Иванов, — ответил Сашка и покраснел.

— Надо про вашего Никиту заметку в газету написать. Ваш друг — настоящий герой! Пусть про его поступок узнают все в нашем городе.

— Не надо про меня писать в газету, — обиженно сказал Никита, подобрал упавшую шапку и бросился бежать.

Ленка кое-как отряхнула куртку и, оглядевшись по сторонам, поспешила за Никитой.

Мы с Сашкой вздохнули и последовали за ними.

— Мамке моей не говорите, — Ленка посмотрела на нас так, как будто мы её тоже обидели.

Мы с Сашкой отрицательно замотали головами.

Вдруг Сашка с Ленкой побежали, и я побежал тоже!

Моя мама любит повторять: ничего хуже нет, чем ждать и догонять. Я с мамой полностью согласен: ждать — это скучно, а догонять — обидно. Только чуть-чуть замешкаешься — и сразу окажешься в разряде отстающих.

И кто-нибудь обязательно скажет обидное:

— Эх ты, слабак! Ты вообще бегать умеешь?

Наш учитель физкультуры, Артём Петрович в таком случае посмотрит на меня внимательно, вздохнёт, а потом скажет:

— Четыре с минусом. Займись спортом, Кузьмин!

И кого прикажете слушать? Математик говорит «займись математикой», учитель русского языка — «учи правила родного языка». Станный народ — учителя! Каждый из них думает, что его предмет — самый важный на свете.

А моя мама говорит:

— Сынок, главное — постарайся вырасти порядочным человеком.

Маме я доверяю...

Друзей я догнал возле магазина «Продукты». По-моему, они ссорились.

Никитос кричал:

— Можно!

А Сашка кричал:

— Нельзя!

А Ленка держала в руках какую-то бумажку и смотрела сквозь неё на солнце.

Когда я, запыхавшись, спросил:

— Что случилось? — Ленка протянула мне бумажку и показала кошелёк.

— Смотри, что я нашла.

Оказалось, около магазина, прямо в снегу, валялся кошелёк, а в нём — тысяча рублей! Это же целое состояние! На тысячу можно купить штук пятьдесят шоколадок, печенье и даже торт.

— Кузя, отдай, это я нашла, — Ленка забрала у меня деньги обратно и захлопнула кошелёк.

— Кошелёк нужно вернуть, — сказал Сашка.

— Ты дурак, да? — Никитос покрутил пальцем у виска. — Кому вернуть-то? Хозяин — тю-тю! — пропал. А нам деньги не помешают. Правда, Лен?

— Я — как все, — вздохнула Лена. — Хотя... Хотя мне очень хочется мороженого!

— Кузя, ну чего ты молчишь? Скажи что-нибудь! — Сашка смерил меня сердитым взглядом.

Все уставились на меня так, как будто решалась судьба не кошелёк, а всего нашего государства! Иногда бывает так, что неправильно принятое решение ведёт к непоправимым последствиям. Поэтому я медлил с ответом.

— Кошелёк нужно вернуть в магазин. Думаю, за ним кто-нибудь обязательно вернётся, — сказал Сашка. Но как-то не совсем уверенно.

— Ага! Вернём кошелёк, а кассир деньги себе прикарманит, — съехидничал Никитос.

— Почему ты всех по себе равняешь? — возмутился Сашка.

— Игорь, хватит уже отмалчиваться! Скажи что-нибудь, — Ленка посмотрела на меня так, что у меня защемило сердце.

Я немного растерялся, а потом сказал:

— Слушай, Лен, а если бы твоя мама потеряла кошелёк с деньгами, то что бы было?

У Ленки глаза сразу стали круглыми, как пятирублёвые монеты:

— Ой, ты что, Игорёш! Мамка моя сильно бы плакала. У нас и так денег ни на что не хватает.

— Ну вот, видишь!

— Подождите, я сейчас! — Ленка быстро взбежала на крыльцо и, хлопнув дверью, скрылась внутри магазина.

Её не было долго. Мы уже начали волноваться: не арестовали ли Ленку за кражу кошелька?!

Наконец улыбающаяся Ленка появилась в дверях магазина, хитро посмотрела на нас:

— Всё! Заведующая взяла деньги под расписку.

— Это как? — удивился Никита.

— Ну, расписка — это такой документ. Там написано, что я нашла кошелек и вернула... Мальчишки, закройте глаза!

— Это ещё зачем? — подозрительно спросил Сашка.

— Увидишь! Считаю до трёх... Раз, два... три!

Когда я открыл глаза, то сильно удивился: Ленка держала в руках четыре больших шоколадки!

— Ничего себе!

— Это всё нам?!

— Ага! Заведующая дала! Сказала: «Угости своих порядочных и честных друзей».

Мы расхватили шоколадки, развернули и тут же начали есть.

— Ленка! — воскликнул Никита с набитым ртом. — Я знаю, кто ты!

— Ну, кто? — с таким же набитым ртом спросила Ленка.

— Ты не просто Ленка, ты — Ленка-суперменка!

Ленка чуть не подавилась шоколадкой.

— А-ха-ха! Ленка-суперменка! — покатился от смеха Сашка.

Ленка показала Сашке язык — он был тёмно-коричневым от шоколада.

Мы стали показывать друг другу языки и смеяться до упаду.

А я, когда отсмеялся, аккуратно завернул половинку шоколадки в фольгу и положил в карман. Моя мама очень любит шоколад!..

Он сидел возле мусорных баков, вытянув морду, и пытался поймать носом доносящийся из контейнера запах. Запах доносился совсем не съедобный! Такой несъедобный, что хотелось заткнуть нос...

Щенок оказался похож на плюшевую игрушку, которую выбросили на свалку за ненадобность. Короткую, шоколадного цвета, шерсть покрывали грязные потёки. Одно плюшевое ухо торчало вверх, а второе ухо почти закрывало круглый чёрный глаз.

— Ой, какой хорошенький! — Ленка присела на корточки и погладила щенка.

Щенок будто только этого и ждал — он ткнулся носом в Ленкину ладонь и звонко тьякнул.

— А мне мама не разрешает гладить бездомных животных, — Сашка демонстративно засунул руки в карманы.

— Почему? — поинтересовался Никитос.

— Потому что они блохастые, — пояснил Сашка.

Мне стало обидно за щенка:

— Он совсем даже не блохастый!

Я погладил щенка по плюшево-шоколадной спине.

Щенок благодарно лизнул мою руку.

— Блохастик хороший, Блохастик умный! — Никитос почесал щенка за ухом. — Может, кто-нибудь заберёт его домой? Я бы взял, да только не могу.

— Почему не можешь? — взгляд у Ленки стал недоверчивым.

— Потому что у нас дома живёт злой кот... И потому что квартира маленькая.

— Мне тоже не разрешат, я уже спрашивал у родителей, — Сашка вытащил руки из карманов и посмотрел в сторону дома. Как будто именно сейчас за ним наблюдали папа с мамой и грозили пальцем: «Ай-яй, сынок, не смей!»

— Может, какой-нибудь добрый прохожий подберёт щенка? — с надеждой сказала Ленка. — Смотрите, какой он голодный! Кузя, у тебя, случайно, нет печеньки или хлебушка?

— Нету.

— Жалко...

— Чуваки! Если никто не берёт собаку, то пошлите по домам. Нечего тут делать, — Сашка, как всегда, оказался прав.

Мы, не оборачиваясь, двинулись в сторону родной пятиэтажки. Мы старались казаться равнодушными, чтобы Блохастик не увязался следом. Но когда дошли до игровой площадки, я не выдержал и обернулся... Щенок по-прежнему сидел возле мусорных баков и смотрел в нашу сторону, слегка склонив голову набок.

— Подержи-ка рюкзак! — я стянул со спины тяжёлый ранец и отдал Никитосу.

— Кузя, ты куда?

Я во всю прыть побежал туда, где меня ждал шоколадный щенок. Он ждал именно меня, потому что сразу бросился навстречу, виляя коротким хвостом.

— Ничего, блошек мы тебе повыведем! — я поцеловал щенка в мокрый нос и крепко прижал к груди.

Возле Ленкиного подъезда мы остановились.

— Когда будешь выгуливать нашу собаку, позови меня, хорошо?

Ленка так и сказала — «нашу собаку»! Я сначала удивился, а потом обрадовался... И как я сам не додумался? Каждый день я смогу видеть Ленку рядом. Это же счастье!

— А можно, я тоже буду с вами гулять? — осторожно спросил Сашка.

— А можно, и я тоже? — Никитос заискивающе улыбнулся, и веснушки рыжими кляксами проступили на порозовевшем его лице.

— Можно, — согласился я.

Мы почти попрощались с друзьями, но тут дверь подъезда с грохотом открылась, и на крыльце появилась Ленкина мама.

Тётю Раю я немного побаивался, и не только из-за того, что у неё громкий голос и чёрные усики над верхней губой. Я боялся тётю Раю потому, что она любила кричать с балкона: «Ленка! Где тебя черти носят? Иди ужинать!» Но больше всего за то, что она всех обсуждала и говорила про соседей гадости.

Тётю Раю не любили даже дворовые кошки, а соседки за глаза называли «склочницей». И только тот факт, что тётя Рая была Ленкиной мамой, обязывал меня с ней здороваться.

— Лена, это что такое? — тётя Рая упёрла руки в боки и строго посмотрела на Ленку.

Мы все дружно посмотрели на Ленку, но ничего особенного не увидели.

— Это как понимать? — тётя Рая нахмурила чёрные брови. — Что случилось с твоей курткой?

И только тут мы заметили, что куртка у Ленки немного мокрая, немного грязная. Наверное, куртка испачкалась, когда она упала на асфальт вместе с Никитой.

— А ну марш домой! — скомандовала тётя Рая. — Не видать тебе сегодня ни телевизора, ни компьютера.

Ленка шмыгнула носом и сделала шаг по направлению к подъезду...

— Тётя Рая! — громко и с вызовом сказал Сашка. Сказал так громко, что я от неожиданности вздрогнул.

— Чего-о? — удивилась Ленкина мама.

— Ребёнка надо любить, а не ругать без причины.

— Как это — без причины? Ты что, самый умный? — угрожающе спросила тётя Рая и прищурила глаза.

— Вот вы сначала ругаетесь, а надо наоборот.

— Что надо наоборот?

— Надо сначала спросить у ребёнка: что произошло? Моя мама всегда так делает.

Вот это да! Оказалось, Сашка совсем не боится тётю Раю! Я смотрел на друга и думал: «Вот это герой!»

— Ваша Лена упала в лужу, потому что поскользнулась. Разве вы, тётя Рая, никогда не падали в лужу? — язвительно спросил Сашка.

— Не помню, — буркнула тётя Рая. И более мягким голосом добавила: — Ладно, попробуем отстирать... Лена, идём домой.

И тётя Рая, пропуская Ленку вперёд, захлопнула дверь подъезда...

— Ну ты даёшь! — восхитился Никита. — А я тётю Раю боюсь, она злая.

— Да ладно, чего её бояться? Если ты прав, то бояться ничего не надо... До завтра, пацаны,— Сашка махнул на прощание рукой и скрылся в дверях.

— Пока, Кузя,— Никита отдал мне рюкзак, погладил щенка и пошёл догонять Сашку.

Они жили в одном подъезде, только на разных этажах.

Мой подъезд — самый крайний в нашем доме.

Сегодня моя мама работает во вторую смену, а это значит, что сейчас она наверняка стоит у окна и ждёт моего возвращения.

Я угадал!

Мне навстречу, раскинув руки, бежит мама... Она всегда встречает меня так, как будто не видела тысячу лет! Или как будто я только что вернулся из космического путешествия.

— Игорёша, сынок!.. Что за чудо ты принёс?

— Мамочка, ты не будешь ругаться?

Мама погладила моего нового друга:

— Видимо, ты не мог поступить иначе?

— Никак не мог!

— Мне кажется, вы уже подружились?

— Да! Он такой умный.

— Как же зовут твоего друга? Ты уже придумал имя?

— Нет ещё, не успел... Мам, а хочешь, я тебе что-то расскажу?

— Очень хочу!

— Представляешь, Никитос — настоящий герой!

— Правда?

— Да! И Сашка тоже — герой, он сегодня с тётей Раей поспорил и за Ленку заступился.

— А что Лена такое натворила, что за неё надо было заступаться?

— Она чуть под машину не попала, только ты никому не говори. Хорошо?

— Хорошо. Идём домой, расскажешь всё по порядку. Герой ты мой!

— Разве я тоже герой?

— А разве нет?.. Сынок, ты у меня — самый настоящий герой, и я тобой горжусь!

— Но я же ничего такого не сделал...

— Ты спас от гибели щенка, не прошёл равнодушно мимо... Думаю, шоколадный щенок станет тебе настоящим другом!

Мама обняла меня за плечи, и я понял: самая лучшая мама на свете — моя любимая мама.

Николай Тычинский

Вылет на Харьков задерживается

Победитель Всероссийского литературного конкурса
имени Игнатия Рождественского в номинации «Малая проза»

На звонок не ответил, хотя не спал. Он понятия не имел, кто бы мог ему звонить в два часа ночи. Воспринимал это отстранённо, как будто звонили не ему. Когда телефон, наконец, замолк, стало понятно, что не уснёт, но вставать всё равно не стал. Утром он вспомнил про ночной звонок, когда уже собирался выходить из дома. Пропущенных было три, и все от брата. Брат звонил редко, тем более ночью.

— Привет. Пропустил, не слышал, извини. Случилось что?..

— Зачем тебе вообще телефон, если не отвечаешь? Мама...

— Что?

— Вова... Всё, Вова.

— Ты чего?

— Вчера вечером, ночью уже. Соседка позвонила, что плохо ей стало, она скорую вызвала. Пока доехал, совсем ей было худо, но в сознании была. Скорая ничего не смогла. Всё так быстро. Она и сказать ничего не успела, только смотрела на меня. Потом глаза закрыла. Я думал, что задремала...

— Сразу что не звонил? Сразу. Сразу надо было.

— Сразу и звонил. У тебя уже ночь, плюс три.

— Сердце?

— Да. Ещё утром у неё был. Нормально было. Никак не пойму ещё...

Вылетай, брат. Когда сможешь?

— Через Москву придётся. Не знаю, как там с рейсами. Сообщи сразу, как ясность будет. Юра, сейчас что-то надо? Деньги?

— Не надо. Сам давай.

— Получается, что завтра... надо уже...

— Завтра.

— Делай всё что надо, я успею.

— А если не будешь успевать, задержать?

— Должен успеть.

— Ладно, давай, Вова. Вот так.

— Держись.

Он смотрел на телефон, не помнил, что нужно нажать, чтобы его выключить. Надо было выяснять, как вылететь, но не получалось собраться с мыслями. Сидел на краю дивана и смотрел в окно. Видно только ветку со снегом и серый фон неба.

До Москвы можно лететь через Екатеринбург, других рейсов на сегодня не было. От Москвы до Харькова вариантов оказалось несколько, но он боялся бронировать какой-то из рейсов сразу, за день всё могло измениться. Решил действовать по обстоятельствам. Загранпаспорт достал из шкафа и оба паспорта положил в нагрудный карман. Он проверил погоду в Екатеринбурге и в Москве — везде было сносно, аэропорты принимали. Их Ноябрьск слегка мело. До вылета оставалось четыре часа. На работу позвонил, предупредил. Голова по-прежнему работала отстранённо, он словно со стороны наблюдал за собой. В аэропорт ехать было рано, и он решил сходить в магазин, чтобы купить подарки. Он всегда покупал подарки, когда ехал домой к матери. Маме, брату, его жене и детям — его двум племянникам, и ещё Юркиной теще Виктории Павловне, что жила с ними. И теперь первым делом представил, что бы подарить маме в этот раз...

Когда шёл по широкому холлу торгового центра, на глаза попала церковная лавка, что инородно стояла среди блеска стекла и зеркал. Раньше он не замечал её здесь. У стенки витрины разглядел икону Ольги. Точно такая же, но только маленькая, без оклада и рамки, стояла на книжной полке у мамы. Эта же была в добротной раме со стеклом. Он всматривался в лик на иконе. Святая Ольга совсем не походила на его мать, но глаза её смотрели в него с болью и состраданием. К горлу подкатил комок. Купленную икону он тщательно завернул в шарф и спрятал в портфель.

— Юр, давай, пока не поздно, всё-таки на послезавтра перенесём. Третий день ведь практически послезавтра, раз... почти же ночью. Можно будет?

— Я же предлагал тебе, спрашивал.

— Погода подвести может, понимаешь? Давай подстрахуемся.

— Хорошо. Сделаем послезавтра. Сейчас ты где?

— У себя всё ещё, на два часа задержали вылет. Лечу в Москву, там по обстоятельствам.

— Ясно. Давай, Вовка, старайся уже как-то.

Самолёт, словно ползком, уже в сумерках, выбирался сквозь лабиринт сугробов на взлётную полосу, затем моторы не сразу, а с растяжкой один за другим стали добавлять обороты, и он, винтовой, старый, наконец начал разгоняться. Когда самолёт оторвался от бетонки, его начало швырять, но для Владимира важно было то, что теперь он летел.

В Екатеринбурге посадка была недолгой. Аккуратный «Айрбас» совсем не походил на советский Ту-154, но он отчего-то напомнил ему именно его. Первый раз в своей жизни Вовка летел именно на Ту-154, огромном, как той ночью ему показалось перед трапом. Они с мамой и братом Юркой летели из Харькова в Москву. Мама держала его за руку и переживала, что он испугается. За Юрку не переживала,

а за него переживала. Он тогда её руку убрал и сказал, что ему не страшно, а мама перед взлётом снова взяла руку в свою, и он уже не вырывался. Ему было интересно, но сильно хотелось спать, и он боялся заснуть, пропустить момент взлёта. Взлёт ему понравился. Самолёт тогда трясся, как в лихорадке, пока бежал по полосе, а потом вдруг сразу успокоился и плавно взмыл в небо. Сколько же тогда ему было? Наверное, пять. Но помнит он всё подробно, отчётливо. А Юрка тогда проспал взлёт, ему было неинтересно. Теперь полёты стали другими. Немного задремал...

Во Внуково был соблазн взять билет на ближайший рейс хоть куда-нибудь, чтобы двигаться дальше. Чувствовалось приближение утра. Он заставил себя обстоятельно выбирать варианты через Интернет. Варианты все были плохими. На Минск не было билетов. Нужно было выбирать между двумя пересадками в Питере плюс в Варшаве или через Вену. По времени получалось, что через Питер быстрее, но ещё две пересадки его пугали, застрять можно было где угодно. Оплатил билет через Вену и ждал вылета в австрийскую столицу. В Вене он не бывал. Интересно, что бы сказала на это мама, что он запросто выбирает между Варшавой и Веной? Наверное, ей бы больше понравилась Вена... Она любила Шуберта и Моцарта. Первым почему-то на ум пришёл Шуберт; он вспомнил, как они вдвоём ходили на концерт в филармонию на Шуберта. Он тогда учился в музыкальной школе — кажется, в третьем классе. А на четвёртом он музыкалку бросил...

- Похороны послезавтра, вернее, теперь уже завтра, в одиннадцать.
- Через Вену лечу. Буду утром.
- Хорошо. У нас всё готово. Поминки заказали. Недалеко от дома.
- В «Парме»?
- Нет, ты это место не знаешь. На углу Московского и Григоровича.
- В общем-то, какая разница?
- Вовк, торопись.
- Юра, зачем ты это мне говоришь?
- Она вчера ещё про тебя спрашивала.
- Что спрашивала?
- Спрашивала, не звонил ли ты.

Немного поспал в неудобном кресле в углу зала на втором этаже. Он подумал, что эти кресла специально проектировали, чтобы люди не могли в них спать и прозевать свои вылеты или прилёты. Кто-то ведь ждёт и прилёты. Он всегда ждал только вылеты.

В аэропорту продавали лишь пиво. Оно было кислым, он не стал его допивать. Он просидел больше часа в тусклом кафе аэропорта, и ему захотелось на воздух, наружу. Оказалось, что на улице метель. Хлесткий ветер бил в лицо. Снег летел параллельно земле и, казалось,

падал не с неба, а наоборот — выдувался из земли. Небо за снежными штрихами было чёрное, и в нём не проглядывалось ответов, которые, казалось, откуда-то должны были прийти.

Регистрацию на рейс всё не начинали, хотя до вылета оставалось часа полтора. В справочную не пошёл, а снова открыл компьютер. Вылет задерживали на час. «Пока на час»,— сказал он себе. И вылет действительно задержали до вечера, но на самолёт из Вены на Харьков он ещё успевал.

Вена встретила лёгким морозцем, почти как в Сибири. Было ещё темно, и вдали пылали огни большого города. Он подошёл к большому монитору в зале транзита. Рейса на Харьков почему-то там не оказалось. Ноутбук не хотел подключаться к wi-fi аэропорта, не получалось выйти в Интернет. Телефон тоже капризничал — наверное, возникли проблемы с роумингом. У девушки за стойкой на забытом английском спросил про рейс. Она никак не могла понять название города, дважды переспрашивала и потом, когда, наконец, нашла рейс, сама коверкала его название так, что теперь он едва её понял. Вылет задерживался неприбытием самолёта.

— Вов, ты где сейчас? Опять не могу дозвониться до тебя.

— В Вене. Вылет задерживают, немного, правда. А позвонить тебе почему-то не получается, с телефоном что-то. Как там у вас?

— Да как... Приходят люди. Немного. Тебя ждём. Знаешь, Вовк, боюсь, не успеешь ты, и переносить больше нельзя.

— Скоро вылет.

— Погода у нас меняется. Хорошо бы, чтобы аэропорт не закрыли.

— Ну вот...

Ожидание в Вене стало самым мучительным. Ничего не хотелось, только быстрее покинуть чужую землю и лететь на Харьков. Теперь его город казался ему особенно далёким. Он не помнил его современным, каким он его видел ещё пару лет назад, а представлял его давним: светлым и праздничным городом своего детства. Он снова задремал и вздрогнул, когда услышал объявление на посадку. Уже совсем рассвело. Серый холодный декабрьский день наступил. Из самолёта, как опустился в кресло, хотел позвонить Юрке, но телефон оказался разряжен. До похорон оставалось два с половиной часа. Пристёгнутый ремень крепко держал его, когда он наклонялся вперёд. Именно в этом неудобном положении, вися на ремнях и упираясь головой в кресло перед собой, он почувствовал себя легче.

— Цель прибытия? — пограничник, такой же, как в Москве, но другой, чужой, смотрел на него укоризненно.

— На похороны... Мать хороню, — он был спокоен.

— Гражданин России?

— Да. Вы же видите паспорт. В чём дело?

— Проходите.

Он долго, словно преодолевая незримые барьеры и путаясь в невидимом лабиринте, выбирался к стоянке такси. В машине он спросил у таксиста зарядку для телефона, но она оказалась старой модели, не подходящей для его аппарата. Таксист говорил на украинском и, словно в насмешку над ним, растягивал слова. Предложил ему свой телефон, но Владимир не знал на память номера брата. Уже час как похороны должны начаться.

— Слушай, земляк, давай сразу на Безлюдовское кладбище. Опоздываю.

— Який ж ты братку? Доидемо, ни бийся. Ховаешь кого?

— Мать, — отчего-то таксист его раздражал.

Долго выбирались на трассу. Места казались ему чужими, незнакомыми. От аэропорта до кладбища было недалеко, он рассчитывал, что успеет. Но ехали почему-то долго, и только перед самым кладбищем он стал узнавать дорогу и места. Снега почти не было, им только чуть припорошены поля. Многие деревья стояли ещё в листе. Природа казалась чужой, не родной. У ворот кладбища стояло несколько автобусов. Побежал из машины к конторе и забыл сумку в такси, пришлось вернуться. Потом, словно запертый в загон зверь, он метался в здании администрации кладбища, разыскивая кого-нибудь полезного. Наконец узнал про место, где сегодня похоронили маму.

Могилу он увидел сразу, как только вышел на нужную аллею. Глинисто-песчаный холмик был усыпан живыми цветами. Они были именно живые, словно только что срезанные. Красные гвоздики и белые хризантемы. Она любила хризантемы. У основания деревянного креста, опираясь на комок глины, стоял портрет в узкой рамке. Мама чуть улыбалась и смотрела на него без обиды, а наоборот, приободряя его, жалея. Он помнил эту фотографию, сделанную несколько лет назад, она ему нравилась, но сейчас выглядела совсем иначе: мама на ней была моложе и чуточку грустнее. Глина на могиле показалась ему тёплой, и даже комья с вкраплениями снега не охлаждали руки. Торопиться было некуда. Он сел рядом с могилой на землю. Было пусто, больно, но отчего-то хорошо.

Он поехал на квартиру в их дом, в дом матери. Он не подумал, что там может никого не быть, что надо ехать к брату. Но его ждали.

— Знал, что сюда поедешь. Вот мы тут все и собрались. Только что с поминок.

— Телефон сел, — он держал брата в объятиях.

— Это я догадался. На кладбище был? Нашёл? — Юрка всхлипнул.

— Нашёл, да. Опоздал, похоже, на чуть-чуть совсем... Песок ещё сыпался... Нельзя было немного ещё потянуть, а, Юрк? Совсем малость?

— Я тянул, правда, как можно было, — Юрка отстранился и смотрел в глаза. — Брат, хорошо, что ты здесь.

— Хорошо было бы, если не так оно всё. Совсем не так.

Они прошли в комнату, где собралась Юркина семья: жена, сыновья и Виктория Павловна. Они молча смотрели на него, Владимира, а он смотрел на них поочерёдно и тоже молчал. На столе стояла большая фотография матери, а рядом в стакане с крупной торчала потушенная свеча. Виктория Юрьевна с дочерью ушли на кухню. Вовка сел за стол на старый скрипучий стул. Кресло матери рядом с книжными полками никто не занимал.

Сидели долго, говорили и смотрели старые фотографии, где была их мама и они с Юркой. Уже поздно вечером Юрка со своими уехали к себе, а Владимир остался. Договорились, что утром с Юркой вместе поедут на кладбище. Оставшись один, он выключил свет, растянулся на диване, не раздеваясь, и скоро крепко заснул. Он всегда крепко спал в родном доме.

Утром он стоял на пороге маминой комнаты, отчего-то не мог в неё войти. Кровать её была аккуратно заправлена чужими руками, и подушки прикрыты прозрачным покрывалом. Наконец, он прошёл к старому шифоньеру достать свою одежду, он знал, где её держала мама. Взял старую рубашку, она пахла свежим снегом. Потом мылся в душе, и теперь ему казалось всё непривычным, словно он был в чужой, другой квартире. Из ванной почудилось, что там, в комнате, кто-то есть, ходит и перебирает вещи. Он пил в одиночестве чай на кухне и прислушивался к тишине. Теперь Вовка пожалел, что остался здесь, а не поехал ночевать к брату. Брат заехал только в десять.

— Побудешь ещё? На девять дней...

— Три дня, больше не смогу, на работу надо.

— Ты в Украине-то сколько, два года или уже больше не был?

— Два, да, чуть больше. Раньше ты говорил: «на Украине».

— Все теперь так говорят, давно уже.

— Но мама же так не говорила?

— Не знаю, не обращал внимания.

— Как живёте?

— Да ничего, знаешь, налаживается всё потихоньку.

— Машину, смотрю, поменял. Новая.

— Новая, полгода ещё нет,— Юрка довольно улыбнулся.

— А я вот всё никак не соберусь, тоже пора свою менять. Цены сейчас прыгнули — страшное дело.

— Слушай Вовк. Мы вчера, пока тебя ждали, разговаривали. Может, ты домой вернёшься?

— Куда домой? В смысле, сюда? Дом-то у меня давно не здесь.

— Сюда, в Харьков. Мамину квартиру возмёмшь. Мы решили, что тебе её отдать надо. Мама бы рада была, я думаю. Она, правда, ничего такого не говорила, ни о каких там завещаниях вообще речи ни разу не заходило. Но думаю, что так будет правильно.

— Ты что, Юрк? Я вообще не собирался на Украину возвращаться. Уже почти тридцать лет в России. Всё там: и работа, и вообще... Хотя и не получилось у меня пока с семьёй, но всё там. Даже к своему городишке привык. Нет, брат, не думай. А квартира вам самим нужна. У тебя два парня скоро оперятя. Да и живёшь с тещей.

— У меня нормальная теща, уживаемся. Но ты подумай, ладно?

— Тут, Юра, и думать нечего.

— Ты действительно обрусел совсем?

— Ага, москалём ещё меня назови. А ты хохлом стал?

— Украинцем, Вова, украинцем. Да и был, наверное.

— Ну чего ты несёшь, а? Хорошо мать ерунду эту не слышит.

— Почему ерунду-то?

— Знаешь, вдруг вспомнилось, как мама уроки свои по русской литературе вела. Она всё старалась, чтобы было незаметно, что я её сын. Отвечать вызывала и тоже, как всех, на «вы».

— Я не замечал. Кажется, что меня она на «ты» и на уроках звала. Вообще, меня она редко спрашивала, не помню даже. Оценки ставила за сочинения.

Над кладбищем пролетела галдящая стая ворон. От их крика показалось, что где-то в глубине огромного пространства что-то происходит. Но там было пусто, и скоро стало совершенно тихо. Юрка установил под крестом перед фотографией лампадку и зажгёт огонёк. Стояли молча, но потом захотелось чем-то занять себя, и они начали разравнивать землю на могиле, разбивать комки глины.

— Лопату надо было взять.

— Вовк, подумал сейчас. А мы погрём — нас где? Вернее, со мной-то понятно: сюда, рядом. А ты? Тебя? Ты где бы хотел?

— Не знаю.

Вовка оглянулся на брата. Юрка стоял, опустив руки, и смотрел на фотографию. Казался он постаревшим. Сейчас его младший брат походил на мать. Наверное, позой вытянувшегося солдатика с опущенной головой. Раньше в нём материнского он не замечал. Продолжил: — Наверное так: если это скоро, вдруг, то... сюда же. А если проживу ещё долго, то видно будет. Может, у меня к тому времени будет семейство больше твоего. Вот тогда и решат. За меня.

— Ты бы хотел, чтобы за тебя решил кто-то?

— Не кто-то, а близкие. Не знаю. Ни о чём разговор, давай прекратим.

— Как скажешь. Но я про это уже не первый раз думаю. Про себя, не про тебя.

— Не торопись, братишка.

Два следующих дня Владимир прожил у брата, и только уже по пути в аэропорт они заехали в дом матери. Там было ещё пустее, словно никто не жил в этой квартире давным-давно. Даже показалось, что

на всём лежит серая пыль, но пыли не было. Он снял с книжной полки маленькую иконку Ольги и положил в карман, а вместо неё поставил новую икону, что привёз из Ноябрьска, она лежала в его портфеле всё это время.

Провожала его вся Юркина семья. Молчали. Племянники, как нахохлившиеся воробьи, держались рядом с матерью, а Виктория Павловна заплакала на его плече. Он пообещал, что летом обязательно приедет. Когда шёл от них в зал досмотра, ещё раз повторил себе: «Обязательно...»

Скоро объявили посадку на Минск. Назад он летел через Белоруссию. Вылет состоялся вовремя, рейс не задерживали.

Виктор Теплицкий

ВЕЛИКОПОСТНОЕ. НАЧАЛО

*А ты, когда постишься, помажь
голову твою и умой лице твоё,*

Мф. 6:17

Весна.

Невеста Христова в чёрном.

Старшие братья:

Андрей, Феодор, Ефрем
спрашивают (едва сдерживая улыбку):

«Братишка, масло купить не забыл?»

«Ой!» — бью себя по лбу,
лечу в ближайшую лавку.

«Помазать голову, умыть лицо.

Помазать голову, умыть...» —

я ли шепчу

или мартовский первый ручей?

* * *

Бывает, в нас живёт Пьеро,

бывает — Арлекин;

жабо, гитара и трико

под хохот коломбин;

и то кидает в горький смех,

а то — в блаженный плач

ошеломительный успех

на стыке неудач.

Но гаснет свет прожекторов,

и зал бесстыдно пуст —

из века в век финал таков

искусства из искусств.

В пустой гримёрке у окна

в вечерней полумгле

надрывно тренькает струна

об уходящем дне.

* * *

Я ранен глубоко грехом,
как гарпуном беспечный кит,
что резал волны плавником,
и вот плавник его — пробит.
И вот уже багряный шлейф,
петляя, тянется за ним;
ему не скрыться от людей,
не схорониться между льдин.

Вот так и я, как этот кит,
рвусь в тишину, залечь на дно,
но остриё греха горит
во мне. И мир вокруг шумит.
Я жёстким вервием обвит.
Я царь — я раб... мне всё равно.

Но где-то там, среди орбит,
лист падает, дождь шелестит,
окно нетленный свет струит,
где ждут меня давно-давно.

* * *

Растекаться мыслью по дереву.
Разрываться меж тем и этим.
По субботам ходить налево,
только чтоб никто не заметил.

Забавляться игрою в бисер.
Забываться за рюмкой чая.
Ворох чьих-то жалостных писем
жечь легко, почти не читая.

Бесконечно тянуть волынку,
обещая больше, чем надо.
Морщить лоб об одной слезинке
у решётки детского сада.

А потом, как в подводной лодке,
осознав, что некуда деться,
напролом идти по наводке,
занавесив наглухо сердце.

И когда закончится порох
на краю последнего края,
вспомнить писем жалостных ворох,
что сжигал, почти не читая.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Из марта в март
иду на вёслах.
Высокое небо, плеск волны.
По звёздам ли
или по Солнцу
курс держу из далёкой страны.
Скрип по воде
ветер разносит.
Лучшей музыки я не слышал.
Наскоро снег
чинит лохмотья.
Точкой темнеет отчий причал.

* * *

Мои друзья читают Пруста,
а я засел за «Илиаду»,
не терпит суеты искусство,
и вот уж день который кряду

брожу вокруг унылой Трои,
страницы древние сверяя,
где необорные герои
да конеборные данаи...

Бранятся боги за обедом,
убитых смертные хоронят;
всё как всегда под ясным небом —
играет Феб, Гекуба стонет.

В сожжённой Трое станет пусто,
огромный конь вконец истлеет...
Пока друзья читают Пруста,
я отплываю с Одиссеем.

* * *

В синее небо
невод забросил
бесхитростных слов
и выловил рыбу —
довольно большую —
январское солнце.

Скользит по бумаге бледный плавник.

АНГЕЛЫ СНЕЖНОГО СКРИПА (АССЫ)

Всюду снег.
Всюду скрип.
Веселятся смычки в январе.
Безупречен
изгиб
белой скрипки на белом плече.

Не понять.
Не объять
белых скрипок холодным умом.
Время движется
вспять
под прозрачно-упругим крылом.

Стрелки — так.
Стрелки — тик.
Остановятся вдруг и замрут.
Воздух влит
в белый скрип
среди засыпанных снегом минут.

И теперь
не унять
разгулявшийся танец смычков;
кружат в парах
опять
каблучищ, каблуков, каблучков.

Всюду скрип-
ки спуют.
Может, ангелам это невмочь?
Крылья там,
крылья тут —
и печаль уносится в ночь.

* * *

Я — сибирский сентябрь.
Я дождлив и печален,
но печалью моею согрею тебя.
Я тебе расскажу, как бывает в начале,
когда стынет ночами до свету земля.

Я открою тебе все великие тайны
этой грусти вселенской холодных дождей;
ничего не бывает в этом мире случайным.
Я — хранитель печальный осенних ключей.

Я тебя уведу в глубину листопада,
где теряется отзвук неспешных шагов...
Только вечный мотив тополиного лада.
Только сладкая мякоть созревших плодов.

Только ты не считай бесконечно минуты —
заплутало в листве время здесь искони.
Здесь всегда небеса что-то шепчут кому-то
и кружат бесконечно сухие огни.

Я — сибирский сентябрь.
Я дождлив и печален,
но печали моей семена проросли
сквозь века, времена. То, что было в начале,
то и будет в конце — на исходе Земли.

Ольга Гуляева

ПЕСНЯ О РАДОСТИ

Будь мне безжалостным, спой мне, пожалуйста,
 Добрую песню о милости-малости,
 Спой о туманности,
 Где ни людей и ни времени нет,
 Где растворяется в хлам измельчённое
 Пепельно-белое, угольно-чёрное,
 Не вовлечённое
 В то, из чего получается свет.

Много дешевле, много дешевле бы
 Было б за деньги купить утешение
 Без нарушения
 Правил игры и проверенных норм;
 В мире щенячьего, сучьего, волчьего
 Я побывала и волком, и сволочью,
 Видя воочию
 То, из чего получается дно,

Только однажды руками потрогала
 Свет, отползающий в Богово логово, —
 Твари болотные
 В уши шипели и звали туда —
 В это пространство, богатое издавна
 Внутренним миром незваных и изгнанных,
 Серыми избами,
 Где иногда угасает звезда.

В мире, отдавшем себя на страдание, —
 Дальние — ближние, ближние — дальние,
 Небо миндальное,
 В небе немислимый свет;
 Мне не нужны привилегии райские —
 Спой мне, пожалуйста, песню о радости,
 Спой о туманности,
 Где ни людей и ни времени нет.

ЕГОРКА

Я иду по жизни гордо — мир хороший, мир не злой, —
Пилит мне дрова Егорка, пилит их бензопилой.
Это выглядит как счастье. Дрозд не понял, глупый птах, —
Он сначала возмутился, а потом притих в кустах,
Пять минут побыл отважным, чтоб пилу перекричать.
По Егорке можно даже мышцы тела изучать:
Он берёт бревно за горло, держит он бревно рукой —
Загорелый весь Егорка, сильный, жилистый такой.

Это, братцы, не соцсети, но великие дела —
Слышат все кругом соседи, как поёт бензопила.
Эти звуки мотогонки слышат тяпка и пехло —
Пилит мне дрова Егорка, чтобы стало мне тепло.
А в лесу поёт кукушка, тайны времени храня,
Что пацанские игрушки — не такая уж фигня.

Ни прибавить, ни убавить — восхищение и жуть.
И картошечка с грибами пересолена. Чуть-чуть.

Я КОРМЛЮ ОГОНЬ

Я кормлю огонь, стелю для него постель.
Ты хороший, шепчу ему, ты благой.
И покуда Кронос сжирает своих детей,
Я кормлю огонь.

На дорогах слышен отчётливый белый шум —
Это дети из времени падают прямо в рай.
Я кормлю огонь, и Кроноса я прошу:
Не сжирай, пожалуйста, не сжирай.

Говорю ему: знаешь ли, для меня
Нет существенной разницы — жив ли, мёртв, —
Я добуду огонь, если надо ещё огня.
Я запомню каждое из имён.

Я кормлю огонь, стелю для него постель,
Предлагаю ему любую свою тетрадь.
Оставаясь с братьями во Христе,
Я прошу у Кроноса — не сжирать.

Раскрутив светило, полдень уходит в тень,
Разграничив секунду на свет и тьму.

И, покуда Кронос сжирает своих детей,
Я кормлю огонь, танцуя под «Звуки Му».

БЕЛЬКАНТО

Целуя горячее небо со вкусом бельканто,
Глотаешь готовый в момент акварельно размыться
Полуденный воздух, обильно пропитанный Кантом,
Укравшим и съевшим твои нерождённые смыслы;

Вплетаешься в небо над индустриальным районом,
Где выше, где ниже, где гуще, объёмней и глуше,
Где Хайдеггер, вставший в ряды не того батальона,
Вещает в ничто голосами античных лягушек.

Шагаешь по лужам, с восторгом считая промилле
В крови, на кириллице красной графично кипящей.
Считаешь и думаешь: кем они были? людьми ли? —
Один — черепаха, другой — динозавр, звероящер.

Лягушки под музыку ветра играют в тумане,
Глотая бельканто. Про них и не скажешь: «Да ну их».

Идёшь под дождём, удивляясь, что мир принимает
Тебя, неказистую, как теорема Бернулли.

LAZARUS

Встань и иди, говорит мне старый и очень добрый, —
До магазина иди за хлебом, потом до дома;
Встань и иди, потихоньку иди, не сразу —
Ты пока ещё мёртвый, мёртвый немного, Лазарь;
Он говорит напрямую и без намёков:
Ты пока ещё, Лазарь, немного мёртвый;

Сбросив одежду, комья земли и корки,
Ты превращаешься в маленький квадрокоптер,
Ты, стрекоча, улетаешь из медотсека,
Ты начинаешь идти по лесам и рекам —
Так ли уж важно, праведен или грешен? —
Тебе на сегодня достаточно было трэша;

Думай, идя за хлебом по тёмным скверам, —
Трудно ли самого себя принимать на веру,
Когда очень добрый прошепчет фразу:
Встань и иди. Я знаю: ты можешь, Лазарь.

КОЛЬЦА АКАТЕНА

Сократ выглядывал из лимба,
Калигула ругался в недрах.
Ложилась спелая малина
на грозовое нёбо неба,
как фраза падает на ноты,
как женщина в ладонь мужчине;
здесь не бывает невиновных —
здесь каждый первый беззащитен:
ромашка, ландыш и виола,
лягушка, мышка и комарик
сидят, как кит внутри Ионы,
и всё прекрасно понимают;

На рыхлую поверхность бликом,
как в воду тёплую Сенека,
ложилась спелая малина
на грозовое нёбо неба.
Горох выпрыгивал из люлек
на земли Солнечной системы,
где фиолетовые люди
живут на кольцах Акатена —
там тишь, там каждому по вере,
там фиолетовые нимбы,
там ангел, отхлебнув портвейна,
играл на белом пианино.

ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ

Ходит пеший, ходит конный средь лесов и средь полей,
Потрясая телескопом, Галилео Галилей;
Он, взглядевший в начало, в то, куда глядеть нельзя,
Говорит: смотри-ка, Чандра,— вон, на Марсе — кракозябр —
Шевелит восьмой ногою, скачет и кричит ура;
Между ёлкой и иргой зреет чёрная дыра,
А в центральной нашей церкви голосистый хор поёт,
Как очкастый дядька в ЦЕРНе проковыривал её;

Мир разрушится нескоро, мир стремится в параллель —
Там и ходит с телескопом Галилео Галилей;
Там любим он и понятен, у него там есть жена —
Он ей с жаром объясняет, что материя темна,
Но жена идёт на хитрость, говорит: целуй меня,
Говорит: бозоны Хиггса — это полная херня,
Говорит: настало лето — рви цветочки, жуй траву,
Успокойся, Галилео, и живи, как все живут;

Галилео плачет, зябнет, покидая милый дом,
Чтоб увидеть кракозябров на Европе подо льдом;
Потрясает телескопом, держит он его в руках —
Не стесняется нисколько — это Чандра, это «Хаббл»;

А жена с другой планеты вслед ему кричит: осёл!
Галилео видит небо, Галилео видит всё:
Звёзды плещутся в ведёрке, кувыркаясь и роясь
Там, где Бог новорождённый обретает ипостась.

Игорь Бирюков

Рядовой СМЕРТИН

Они говорили: с такой-то фамилией — Бог велел.
 Но Бог ли с паршивых овец состригает шерсть?
 Когда собирали команду творить расстрел,
 Кричали мне: «Смертин!» — и я отзывался: «Здесь!»

Мы шли позатыльно, стараясь ступать грязь в грязь.
 Тупая работа, и проще не знать, кажись.
 Они говорили про правду, советы, власть.
 Но вся моя власть — отбирать у подобных жизнь.

Они говорили: «Свобода», — вгоняя в строй.
 Твердили: «Земля», — и копали кусок земли.
 А чтобы однажды они не пришли за мной,
 Я выучил чётко команды: «Готовьсь» и «Пли».

И утром опять самогона внесут бутыль.
 Чекист засмеётся: «Ну, Смертин, на брудершафт?
 Будь с жизнью на „ты“, остальное всё тлен и пыль.
 Но если промажешь, тебе будет боль и штраф».

Я жизни не видел, хотя для чего-то рос.
 А то, что нет смерти, они по незнанию врут.
 Она, как мамаша в тифу, без волос и слёз,
 Всё шепчет мне в уши до крови: «Сынок, я тут.

Ты глазки закрой, чтоб не выжгло, и стой, молчи.
 Я руку твою наведу и спущу курок.
 Избиты, в исподнем с подтёками от мочи,
 Добить их сейчас — это значит спасти, сынок».

В казарму придёшь и падёшь на свою кровать —
 Не спать, а опять заряжать и стрелять ещё.
 Толкаются в бок: «Эй, служивый, хорош орать!
 Ты прямо как баба: рожаешь ты тут чи що?»

Я всякую ночь возрождаю тех мертвецов.
 И каждый уходит расстрелянным, но живым.
 А мама всё гладит костяшкой моё лицо:
 «Ты, Смертин, хороший. Ты нужен мне рядовым».

РЕКОНСТРУКЦИЯ МОРЯ СВОБОДЫ

Море, волнуясь, бесится, бьётся о скалы вдребезги.
Это оскалы памяти или тоска в умах.
Сладкоголосы возгласы. Жаль, что матросы-геббельсы
Вахты несут, как ахтунги. Море, смывай их прах!

Море в тебе отмолено, море тобой отмерено.
Молит, кричит и просится выброситься китом.
Хлюпает шлюпка носиком стыдно и неуверенно,
Жертвенно аки посуху следует за Христом.

Бездне твоей отпущено грешно топить и каяться.
Гейши косятся стайками рыбьими на восток.
Седобородость дедушек с пеной морской сливается.
Будут вам перлы Харбора, будет вам и свисток.

Валом девятым свалено всех кораблей величие.
Айсберги у «Титаника» спрашивают: готов?
Бог по-соседски спустится к морю за солью, спичками,
Чтобы зажечь спасительно тысячи маяков.

Время забудет двигаться где-то во льдах Гренландии.
Могі моментно вспомнится тактом на раз-два-три.
Рабски галеры вёслами вспенят всё по команде — и
Море замрёт свободное. Или умрёт внутри.

ПОЭТЫ — НЕ МЫ

Поэт не отпет.
Он не вычитан Божьей редакцией.
Не выпущен в свет,
в тиражи многобуквенной тьмы.
Слова рождены,
чтобы попросту стать провокацией.
Поэты — не мы.

Поэт не забыт.
Наизусть повторяется птицами.
Не в тяжести книг,
а в одной невесомой строке.
Оставит свой след
на болезненно белой странице и
На чёрном курке.

* * *

Внутри его полным-полно пустот,
И нечего забрать на биопсию.
А Пушкин, совершивший поворот,
Идёт смотреть блокбастеры в «Россию».

Он думает: я вам не часовой,
Не место встреч, не голубей рассадник.
В бессмертие шагну одной ногой
Ничуть не хуже, чем мой медный всадник.

Не должен бронзоветь живой поэт,
Всей позой размышляя театрално.
Вы подо мной ходили двести лет
Сакрално, а прохожие — буквально.

Пусть билетёрша: «Ай да сукин сын,
Один в один похожий аниматор.
Заселфиться, пожалуй, нужно с ним
И вспомнить Лит — духовный альма-матер.

„Я вас любил...“ и что-то там ещё,
Заученное чуть ли не с пелёнок».
Но Пушкин знает, кто там под плащом:
А вдруг Безруков в перерыве съёмки?

Попкорн стреляет, словно пистолет,
А запах женщин свеж и алкоголен.
Свободы надыхавшийся поэт
Стучит по бронзе, что нерукотворен.

Там площадь растворяется вотщё
И снег валит, и все спешат под крыши.
А Пушкина на месте нет вообще —
Пусть просто так, не из себя, но вышел.

Проходим дела нет, что постамент
Пустует, как миллиарды душ в астрале.
Лишь дворник, плача, наберёт Ташкент:
«Ниса-апа, мы Пушкина просрали».

КАРЕНИНА УЕЗЖАЕТ

..Но Анна решила поездом... И все расписанья — к дьяволу!
Расписки и обещания не тронут Льва Николаича:
Я больше не буду, верьте мне. Теперь-то я знаю — плавала,
Плевала кроваво веною в чугунную ванну давеча.

Бледнеет в глазах и плачется. Маячит без смерти при смерти.
Хоть телом могла повеситься, чтоб духом витать во времени.
Читатели-почитатели ей шлют ми-ми-мишки с письмами.
И новый сюжет писатели вычёсывают из темени.

Строчат беспардонно-культово, считая слова внимательно.
Хотят дотянуть до повести, чтоб жить на беде безбедно.
И стрелочник добрым ангелом меняет маршруты матерно,
От станции Дно до станции с названием странным Небо.

Но Анна фатальной гордостью опять нарушает графики.
Не хочет закинуть к старости в редакторском онанизме.
Вы, граф, так смешно ревнуете. А мне ваши шашни на фиг, и
Я буду наивно-девственна к последнему акту жизни.

Каренина, на коленях вам вымаливать бы прощения
У тех, кто сорвал стоп-кранами свои проездные планы.
Вы целое поколение оставили без движения:
Один пропустил рождение, другой — отпеванье мамы.

Но Анна решила: поездом! Безбожная. Безбилетная.
Бельё и немножко морфия, помада, зубные нити.
Возьмите с собой всё нужное, чтоб лечь на пути бессмертия.
...Там, кажется, Лев Николаевич? Гоните его! Гоните...

ПАБЛО РИСУЕТ БОГА

Бог — такой же художник, как другие художники.

Pablo Picasso

Циркачка на шаре верит, что наша Земля кругла.
Всё шарит и шарит в «Гугле», не в силах найти угла.
Считает грехом паденье коленями на горох.
А рядом сидит на кубе закачанный в тело Бог.

Цвета Пикассо мешают. В сердцах он квадратит торс.
Бесстрашно кричит на Бога, чтоб не воротил свой нос.
Анфас! Ты же мог Рублёву открыто смотреть в глаза.
И кровью из кисти хлещет последняя бирюза.

А в паблике Пабло пусто, и святы места холста.
Циркачка смеётся грустно, и поза её чиста.
Бог тоже художник, Пабло, и даже сравним с тобой,
Ведь каждый второй безбожник написан его рукой.

У Бога период комы, какой-нибудь кома-низм.
Полотна его огромны, но в них истекает жизнь.
А Пабло, рисуя Бога, не выдаст и не предаст.
Один — на земле художник, другой — в небесах гимнаст.

Александр Ёлтышев

БАЛЛАДА О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ СДЕЛКЕ

Быль

На склоне лет (к чему роптать?)
 семейной паре
 случилось годы коротать
 в сплошной хибаре.

В дожди со всех щелей текло
 (судьба бесилась),
 в морозы было нам тепло...
 пока топилось.

Все стены ветер просквозил —
 скрипела хата,
 и ненасытно жрал бензин
 злой генератор.

.....

Он канитель не привык —
 не той натуры,
 а начал сразу, напрямик,
 без увертюры:

— Наслышан про твои дела —
 гнила избёнка,
 тебя бы выручить могла
 одна бабёнка.

С жильём, приветлива, умна
 и не скандальна,
 к тебе относится она
 весьма лояльно...

А в даль заречную трамвай
 гремел тоннажем...

— Ты не стесняйся, наливай,
 ещё закажем.

— Ну что же, твой посыл хорош:
разумно, тонко...
А для жены моей найдёшь
ты мужичонка?

Квартира, прочая фигня,
кругом прилично —
всё, как устроил для меня,
аналогично.

Он, размышляя, не донёс
до рта котлету
и обречённо произнёс:
— Вакансий нету...

Затейливо валил снежок,
уже смеркалось.
Мы приняли «на посошок» —
не состоялось.

Мой адрес

Студёным днём среди России,
где дятел выдохся стучать:
«Ты где живёшь?» — меня спросили,
а я споткнулся отвечать.

И в тесноте, и на просторах,
пронзая смрад и синеву,
в любви, согласии и спорах...
Что остаётся мне? Живу.

Живу, пока соображаю,
там, где судьбы круговорот
от урожая к урожаю
вершит задумчивый народ.

То веря, то не веря чуду,
газуя или тормозя,
я умудряюсь жить повсюду,
где нужно, можно и нельзя.

ПРОФИЛЬ НА КАРАДАГЕ

*И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.*

Максимилиан Волошин

Качало спелую луну
в просторной звёздной колыбели,
ночь раскидала тишину
по рыхлым скалам Коктебеля.

В урочный миг взорётся тьма —
и профиль Максимилиана
сквозь штили, бури и шторма
читает строфы океана.

ВСПОМНИЛОСЬ

Я не ведал, что оно приснится
в тишине, не спяну, не в бреду:
знойным летом встретились ресницы
наши

в достопамятном году.

Я примчался, я не мог запаздывать,
ты ждала в божественной красе,
и Христос был у тебя за пазухой
на латунном маленьком кресте...

А потом жестоко-изворотливо
полетела кубарем судьба.
Господи, мудрейший и заботливый,
отчего я мучаю себя?

ВЕТЕР

Между «темнеет» и «светает»
ласкаешь ты, тебя ласкает,
а от «светает» до «темнеет»
сосредоточенный умнеет.

Бывает и наоборот —
загадочный круговорот.

И в темноте, и в ярком свете
не спорь с коварною судьбой,
а просто будь самим собой —
непостоянным, словно ветер.

В ТЕАТРЕ

Уютный зал, достигли цели —
от суеты ограждены.
А жизнь за рампой — на пределе
и с той, и с этой стороны.

Финал. Встаю, спектаклем полон
до слёз, до боли, на разрыв.
И аплодирует поклоном
мне весь актёрский коллектив.

ПОЖЕЛАНИЯ

Гоняет ветер сновидения,
и от заката до рассвета
я вам желаю погружения
в блаженство сказочное это.

Я вам желаю утра доброго,
оно неслышно пробуждает,
потом краюхой хлеба сдобного
с протяжным хрустом наслаждает.

А душу тайнами наполните —
да будет в сердце сокровенно.
Храните свято всё, что помните,
и раскрывайтесь постепенно.

Уходят боли и сомнения,
гоняет ветер сновидения...

СВОБОДА

Я распрощался с суетой,
балластом серости убогой,
иду, счастливый и пустой,
с наскоку выбранной дорогой.

Возможно, впереди тупик,
тоскливый холод отчужденья,
но вечно буду помнить миг
блаженного освобожденья.

ЗАЩИТА

За кафедрой, пижонясь и красуясь,
измученный бессонницей бесовскою,
я защищал работу курсовую,
поэзию терзая философскую.

Успех, ажур, всё было шито-крыто,
я признан был едва ли не за лучшего...
Лет через двадцать после той защиты
мне показалось, что я понял Тютчева.

О ЛЮБВИ

Мы так уютно сели визави,
и ты сказала, поглядев коварно:
— Сумей раскрыть понятие любви
и растолкуй его мне популярно.

Гордиев бант пытаюсь разрубить,
три истины я понял непреложно:
легко влюбиться; трудно полюбить;
понять любовь, по счастью, невозможно.

* * *

Мне больно, когда я не чувствую боли
и мною владеет позорная сытость.
Спокойно и вкусно, и всем я доволен,
как после пиров разленившийся витязь.

И шепчет лукавый: — Вот это награда,
одни дураки-неумехи страдают...
А муза Евтерпа и муза Эрато
с холодным презреньем меня покидают.

Дмитрий Васянович

МАМИН ОДУВАНЧИК

Стой без движенья, глупый одуванчик!
Храни себя. Не шевелись, былинка!
Придёт к тебе зеленоглазый мальчик,
Смеясь, подует — полетят пушинки...

Но он запомнит стебелёк упрямый,
След облаков и небеса в лазури.
И это всё зеленоглазой маме
Он на листке тетрадном нарисует.

КИТ

Что, если в ванну, в которой лежу,
Кит заплывёт невзначай?
«Надо продумать, — себе я твержу, —
Как его буду встречать...»

«Как ты? — спрошу. — Не болит ли живот?
Как твои детки, кит?»
Ме-е-е-едленно он подо мной проплывёт
(Ежели не сердит).

Руки расправлю — качает волна,
Я в глубину гляжу.
«Надо ж, какая большая спина,
Кит, я тебе скажу!»

Нет, ты, пожалуй, сюда не пльви,
Здесь для тебя мелкота.
Долго и счастливо там проживи,
Где хорошо для кита.

Лучше уж я накоплю на билет
К вашим далёким краям,
И через год (или несколько лет)
Я навещу тебя сам.

ВЕЧЕР В КРЫМУ

Всё ниже солнце к морю. Торопливо
Стремится вниз, чтоб из него напиться.
Весь день по небу, жаждою томимо,
Оно кружилось огненной птицей.

Звон колокольный — бархатный и гулкий —
С вершины горной или с неба, свыше,
Струится по извилистым проулкам,
Зовёт к вечерне и листву колышет.

Худая кошка, что в тени дремала,
Уже проснулась, потянула спинку.
А жаркий ветер, огибая скалы,
Играет вальс на тонких паутинках.

СПАСАТЕЛЬ ОС

С каждым днём всё ближе осень.
Гнёздышко слепили осы
У окошка моего.
И гудят с утра до ночи,
Осы — музыкальны очень,
Явно слышу: соль, си, до.

Не спросив у папы с мамой,
Осы к нам летят упрямо —
То вдвоём, то сразу пять!
А найти назад дорогу
Осы бедные не могут.
Значит, нужно их спасать!

Достаю я снаряженье —
Баночку из-под варенья,
Лист картона — и вперёд!
Гостью бережно накрою:
«Извини, что беспокою,
Но тебе пора в полёт!»

Рассмотрю её немножко,
После выпущу в окошко,
Где гудит её родня.
Пусть летит к своим осятам —
Ребятишкам полосатым
И расскажет про меня!

РАСТУ

С вечера бабушка мне говорила:
«Всем надо спать — и слонам, и гориллам,
Львам африканским и северным мишкам,
Птицам лесным и вертлявым мальчишкам!
Если приснится тебе, что летаешь, —
Значит, внучок, ты во сне подрастаешь.
Утром проснёшься — рулеткой замерим,
Сколько прибавилось росту, проверим!»

Голос у бабушки тише и тише,
Ветер за окнами ветки колышет.
Веки сомкнуты, но что-то не спится...
Руки раскину — взлечу, словно птица!

Бабушка вскрикнет: «Гляди, какой шустрый!»
На потолке закачается люстра.
Вылечу в форточку, словно комета.
Так хорошо, что на улице лето!

Парус-футболка,
Месяц над ёлкой.
Я ненадолго.
Вернусь до рассвета!

В СНЕЖКИ

Мы с Санькой так в снежки играли,
Что он живой ушёл едва ли:
Под глазом — синее пятно,
Карман оторван у пальто,

Портфель без ручки, нос припух, —
Зато его не сломлен дух!
Я тоже ненамного краше —
Сказать честнее, вид мой страшен:

Свисает ворот вдоль спины,
По шву разорваны штаны,
Без зуба (он давно шатался), —
Зато я ловко отбивался!

Но снег опять валит стеной —
Сулит назавтра новый бой!

НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Мне уже немало лет,
У меня — велосипед
Трёхколёсный. Мчит как пуля
(Был подарен мне бабулей)!

И в четверг после обеда
Я на нём, друзья, уеду —
Посетить давно готов
Много разных городов!

Первым делом — Кострома:
Там красивая зима.
Красноярск, где Енисей, —
Это в среднем десять дней...

До Ельца недели две,
С остановкою в Москве.
Важно завернуть в Казань
И старинную Рязань.

После — в Устюг велокросс:
Здесь ведь Дедушка Мороз!

И с подарками оттуда
Я рулить в Самару буду.
Ялта — если ехать прямо
(Там моя училась мама),

В Питер хоть бы на чуток,
Рядом с ним — Владивосток...
Быстро я кручу педали,
Загляну в такие дали!

Не забуду про Курган,
Пензу, Псков и Абакан.
В Нижневартовск мимоходом —
Дедушка оттуда родом.

План на лето есть, короче!
В августе отправлюсь в Сочи,
Окунусь в морской прибой
И — на велике домой.

В сентябре на нём как раз
Я поеду в первый класс!

ЛЁТЧИК-БАЯНИСТ

Из музыкальной школы
Я нёс баян тяжёлый.
Шёл через два квартала,
Свернул за кинозалом.

И через парк немного —
Чтоб сократить дорогу.
А у ограды парка
Есть яблоня-дикарка.
Гляжу — висят ранетки
На самой верхней ветке

И надо мной смеются,
Что мне не дотянуться.
Хожу вокруг кругами
С надутыми губами.

Да, к ним не подобраться —
Но!.. Лет через двенадцать,
Коль всё пойдёт плану,
Я баянистом стану!

Изобрету машину —
Баян наполовину.
Нажмёшь на кнопки справа
(Где первая октава) —
Меха её задышат
И вмиг поднимут выше!

Орудя умело
Клавиатурой слева,
Я подбираю гордо
Мажорные аккорды
И вверх лечу сквозь ветки...
Ну, здравствуйте, ранетки!

ПОДАРКИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Это мы вам дождей привезли —
В Петербурге сложили в карманы,
Взяли курс на седые Саяны,
Что до неба почти доросли.

Самолётик — не лист на ветру,
Он в надёжных руках капитана.
Вдруг в полёте в одном из карманов
Я случайно заметил дыру!

Из неё неземной красоты
Вытекала дождливая туча —
Вот такой непредвиденный случай!
Стюардессы раздали зонты.

Дождь пролился — к добру, говорят.
Отовсюду полезли маслята.
В доказательство вот вам, ребята,
Две корзинки отборных маслят!

КОЛОКОЛЬНЯ

На Пасхальную неделю,
Мы узнали, в самом деле,
Есть традиция, закон ли —
Всех пускать на колокольню.

В те заоблачные дали
Лестница ведёт спиралью.
Забрались на пару с другом —
И звеним на всю округу!

Загудели колокольцы —
Как горят они на солнце!
Звоном в небо понеслось:
Радуйтесь, воскрес Христос!

НА ЛИТУРГИИ

Я следил за священником в тёмных одеждах,
Солнца утренний луч обнимал его нежно,
Проникая в окно с полукруглым проёмом...
Его голос был тих, но казался знакомым.

От креста на груди золотистые блики
По стенам разбежались, по лицам и ликам.
В каждом слове сокрыта незримая сила.
В алтаре еле слышно звенело кадило.

Кто-то пел из-под купола — ангелы, люди?
Мне хотелось заплакать — никто не осудит.
Совершалась Великая Тайна за дверцей.
Я не видел глазами, но чувствовал. Сердцем.

ВЕЛИКАН

Я шагаю по реке —
Облако в одной руке,
А другой тяну корабль
На канате-поводке.

Я высокий — до небес,
По колено тёмный лес,
А корабль — в самом деле
Настоящий, без чудес!

Пусть вокруг него туман,
Он — не призрак, не обман,
На борту его матросы
И усатый капитан!

Алексей Бабий

Большой террор в Красноярском крае

НЕОБХОДИМАЯ ПРЕАМБУЛА

Прежде чем приступить к статье, я должен произнести некое заклинание, которое избавит редакцию альманаха, Красноярское общество «Мемориал» и меня самого от многотысячных штрафов: *«Материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены учредителем, членом, участником, руководителем некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, или лицом, входящим в состав органа такой некоммерческой организации».*

На самом деле ни Красноярское общество «Мемориал», ни я сам не внесены в реестр иноагентов. Мы не получали иностранного финансирования, да и российского давно тоже не получали. Меня, правда, чешские друзья водили пару раз по пражским пивным «не для туристов» и поили там прекрасным пивом «для своих». По нынешним временам это уже считается иностранным финансированием, но пока ещё мне это не вменили.

Однако, согласно своеобразным российским законам, я должен сообщать о том, что я являюсь иностранным агентом, потому что Красноярское общество «Мемориал» — один из учредителей Международного общества «Мемориал», которое в реестр внесено. То есть я такой шрёдингеровский иностранный агент: с одной стороны, меня вроде бы нет, а с другой стороны, я должен сообщать о том, что я есть. В общем-то, ничего удивительного: окружающая действительность вполне себе шрёдингеровская, гибридная и фейковая. Что-то чем-то является, но так не называется, а что-то, наоборот, называется, но не является. Нужен большой бэкграунд, чтобы во всём этом ориентироваться и отделять одно от другого.

Я к своему статусу отношусь спокойно. Я — потомственный иностранный агент: мои дедушка и бабушка были в том самом 1937-м расстреляны как японские шпионы, по «харбинскому» пятьсот девяносто третьему приказу НКВД. В России, как известно, никакого времени нет, одно сплошное пространство, так что я себя чувствую комфортно в компании моих дедушки и бабушки, а насколько комфортно чувствуешь в нашей компании ты, читатель, — это твоя проблема, а не моя.

Мифы

У историков этот период называется Большим террором. В народе — просто «тридцать седьмым годом». «Тридцать седьмой» — это

синоним слова «репрессии», его употребляют часто не к месту, не понимая, что именно тогда происходило. Как только кого-то где-то как-то, сразу говорят про новый «тридцать седьмой». На самом деле ни по размаху, ни по жестокости, ни по процедуре это никакой не «тридцать седьмой». Хотя, конечно, родство есть. Все — и органы власти, и мы сами — вышли из тридцать седьмого и, даже не осознавая этого, воспроизводим тогдашние стереотипы поведения.

По поводу Большого террора существует много мифов. Самый опасный из них: репрессии затронули в основном элиту. Этот миф рождён во времена Хрущёва: в то время писали в основном о репрессированных представителях номенклатуры, реже — о деятелях культуры и науки. Этот миф живуч и является основой бытового сталинизма. Когда мы собирали около мэрии подписи против установки памятника Сталину, многие люди отказывались подписываться и говорили: «Пришёл бы Сталин, вот этих всех расстрелял бы», — показывая на мэрию. На самом деле элита составляла несколько процентов от общего количества репрессированных, то есть именно они были «щепками», а «лесом» были в основном крестьяне. Но я уже отчаялся донести эту простую истину до граждан — видимо, им придётся осознать свою ошибку на собственной шкуре.

Считается, что люди были осуждены согласно советским законам, однако на самом деле советские законы вообще не принимались во внимание. Об этом мы поговорим подробнее, в отдельной главе.

«Тридцать седьмой» на самом деле был не вполне тридцать седьмым. Массовые репрессии начались 5 августа 1937-го, а закончились 17 ноября 1938-го. До этого шли шумные «разборки в верхах», широко освещавшиеся политические процессы, которые затронули десятки, максимум сотни человек. С августа 1937-го счёт пошёл на сотни тысяч.

Вообще в «тридцать седьмом» было много шрёдингеровского и гибридного. Сталин вроде бы ничего не знал о терроре, но в то же время лично ставил задачи и контролировал выполнение. Те, кого называли преступниками, таковыми не были, а преступниками были те, кто их так называл. Органы безопасности производили на свет гигантскую туфту, расстреливая несуществующих шпионов и врагов народа, но именно эта туфта и входила в планы руководства. И так далее.

Впрочем, приступим к существу дела.

Массовые репрессии проводились по приказу НКВД № 00447 («кулацкая операция») и приказам №№ 00439, 00485, 00486, 00593 («национальные операции»). Они отличались процедурой и размахом.

«КУЛАЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ»

31 июля 1937 года был утверждён Политбюро и подписан Ежовым оперативный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Приказ разрабатывался согласно постановлению Политбюро от 2 июля и Политбюро же утверждён. Вся операция была инициирована и проходила под полным контролем Политбюро (т. е. Сталина). Ежов — всего лишь исполнитель.

Если коротко, суть приказа в том, что определён контингент репрессируемых, на каждый регион спущены лимиты по двум категориям (расстрел и лагерь) и описана технология повышения этих лимитов, определён внесудебный порядок рассмотрения дел (региональные тройки). Именно он был основополагающим в Большом терроре, остальные приказы его только дополняли

В самом НКВД эту операцию называли «кулацкой». В списке контингентов, подлежащих репрессиям, первые три позиции — кулаки, и только потом идут бывшие члены партий, священники, «бывшие белые», уголовники и т. п. В списке расстрелянных в Красноярском крае в 1937–1938 годах почти у всех социальное положение — «кулак-лишенец», «спецпоселенец», «раскулаченный». Репрессии затронули и другие слои общества, вплоть до самых высоких, в основном «благодаря» пункту приказа, который позволял арестовывать вообще кого угодно: «... наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований». Но основной удар пришёлся по крестьянам, а не по партхозноменклатуре.

Приказ предписывает репрессировать не только тех, кто находится на свободе, но и тех, кто уже находится в лагерях и трудовых посёлках. 5 августа выходит отдельная директива НКВД о проведении операции по приказу № 00447 в ГУЛАГе. Для лагерей устанавливаются лимиты по первой категории. Как это происходит? Человек сидит в лагере, считает дни до освобождения, и вдруг его, без всяких объяснений, ведут на расстрел. Ничего личного, просто региональной тройке нужно выполнить план. Приговор осуществляется по тому же обвинению, по которому человек уже сидит. Тройка выносит приговор на основании справки лагерной администрации. А лагерная администрация просто отбирает нужное количество эзков, которые ей по каким-то причинам не нравятся.

В Сибири, куда в основном направили раскулаченных крестьян, план выполнялся совсем просто. Присутствие в приказе № 00447 слов «трудовые посёлки» открывало широкие возможности. Вот они, «кулаки», живут кучно в спецпосёлках. Гребни хоть лопатой, выполняй план.

Знаменитая фраза Довлатова про четыре миллиона доносов — всего лишь фраза. Доносы были тоже, но машина работала иначе. На совещании у Ежова в июле 1937 года начальники региональных НКВД недоумевали, увидев планируемые цифры первоначальных лимитов (для Красноярского края, например, — 750 человек расстрелять

и 2500 отправить в лагерь). Они говорили: где мы наберём столько врагов народа, у нас на учёте состоит гораздо меньше. Им объяснили: арестовываешь тех, кто на учёте, на первом допросе спрашиваешь о друзьях и знакомых, арестовываешь и их, спрашиваешь о друзьях и знакомых, и так до тех пор, пока не доберёшь до лимита.

Красноярские чекисты отработали первый лимит очень быстро и уже в ноябре получили новый. Потом ещё и ещё. В Красноярском крае первоначально задавался лимит по первой категории 750 человек, а в итоге получилось не менее 11 250 человек по первой категории и не менее 3000 по второй (лимит от 16.03.1938 на 1500 человек — без указания категории, но, судя по статистике работы тройки, там было 500 по первой категории и 1000 по второй).

Лимиты для Красноярского края:

<i>Дата</i>	<i>Кем выделен</i>	<i>Лимит</i>	<i>Всего</i>
31.07.1937	Политбюро	750 (1 кат.) 2500 (2 кат.)	3250
ноябрь, 1937	Телеграмма Сталина и Молотова	6000 (1 кат.)	6000
31.01.1938	Политбюро	1500 (1 кат.) 500 (2 кат.)	2000
16.03.1938	Политбюро		1500
28.04.1938	Политбюро	3000 (1 кат.)	3000
		Итого	15 750 человек

Из-за особенности почерка Сталина некоторое время считалось (в том числе и нами), что ноябрьский лимит был на 6600, а общая сумма лимитов — 16 350. Однако на самом деле один ноль был как бы с хвостиком.

Уменьшение лимитов разрешалось, а превышение — нет. Ни один регион лимиты не уменьшил — это означало бы недостаточное усердие и пахло расстрелом. Увеличение лимитов происходило по инициативе снизу и показывало требуемое усердие региональных властей. Некоторые считают, что Сталин и Политбюро за это ответственности не несут, это самодеятельность региональных баронов. На самом деле остановить террор было бы очень легко — на «просьбы снизу» не давать разрешения на новые лимиты. Но не затем его начинали.

По данным В. С. Сиротинина, статистика работы тройки по приказу № 00447 в Красноярском крае такова:

«Первое заседание 23.08.1937, последнее 15.06.1938, всего 545 протоколов. Всего тройкой за период с 23.08.1937 по 15.06.1938 были рассмотрены дела 17 758 обвиняемых.»

Дать дополнительно
 Красноярскому Краю
 Красноярскому Краю
 6000 чел. лимита
 по 1-й категории
реш

Иосиф Сталин

«Дать дополнительно Красноярскому
 Краю 6000 чел. лимита по 1-й категории».
 Иосиф Сталин
 (1-я категория — расстрел, 2-я — лагеря или тюрьмы)

приговорены к расстрелу 11 620 чел.
 различные сроки 5439 чел.
 другие решения 699 чел.

Примечание: значительное количество дел, направленное на досле-
 дование, в суд и т. д., позднее возвращались на рассмотрение тройки.

Данные об осуждённых могут быть немного больше, т. к. за 1938
 в РУ ФСБ КК отсутствует протокол № 354.

Из общего количества обвиняемых 17 758 чел. по общеуголовным
 обвинениям осуждено 1520 чел., из них:

приговорены к расстрелу 705 чел.
 различные сроки 778 чел.
 другие решения 37 чел.»

Количество рассмотренных дел (17 758) больше спущенных лимитов (15 750). Если вычесть «другие решения», остаётся 17 059. Разница в 1309 человек, видимо, как раз протокол №354 плюс возвраты с доследования. Хотя не исключено, что мы не знаем о ещё одном лимите.

В это же время продолжали рассматривать дела людей, обвиняемых в политических преступлениях, народные суды, военные трибуналы (в Красноярске — военный трибунал 94-й стрелковой дивизии), транспортные трибуналы, военные суды военных округов, особое совещание при НКВД СССР, лагерные суды. К расстрелу приговаривалось от 70 до 100% обвиняемых.

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ»

Вообще говоря, первой «национальной операцией» можно бы считать операцию по приказу №00439 от 25.07.1937 года («немецкую»).

«Начиная с 29 июля с. г., приступить к арестам всех установленных вами германских подданных, работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте, а также уволенных с этих заводов, в том случае, если они проживают на территории вашей республики, края или области». Контингент репрессируемых обозначался довольно узко: германские подданные, работающие на военных заводах. Однако вскоре «для плана» стали грести не только германских подданных, а вообще немцев, в том числе советских, независимо от того, имели ли они отношение к заводам. Их дела рассматривались Военной коллегией или Особым совещанием НКВД.

Но «модельной» для «национальных операций» стала «польская», по приказу НКВД №00485 от 11 августа 1937 года «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской военной организации)».

Этот приказ, как и остальные приказы о массовых операциях, не был самостоятельностью Ежова — проект приказа утверждён Политбюро 9 августа 1937 года. Операция началась 20-го, на неё отводилось три месяца. На самом деле она продлилась до августа 1938-го.

Ключевое слово в приказе — «все»: все перебежчики, политэмигранты, бывшие военнопленные и вообще «все остальные», независимо от наличия компромата. По сути, была открыта охота на поляков — и именно так она была воспринята в НКВД. По данным переписи 1937 года, всего в СССР проживало 636 220 поляков, включая стариков, женщин и детей. В ходе «польской операции» в течение 1937–1938 годов было осуждено 139 815 человек, из которых 111 071 приговорён к расстрелу. «Польская операция» сравнима с «кулацкой» по числу жертв, а по жестокости приговоров превосходит её.

Приговаривал не суд, а Ежов с Вышинским (это громко называлось «Комиссия Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР»,

или просто двойка). Региональные управления НКВД присылали в Москву обвинительные заключения, сшитые в «альбомы», и Ежов с Вышинским их не глядя подмахивали.

17 августа приказ № 00485 распространили и на румынских «шпионов», а затем и на латышских, финских, греческих, эстонских, иранских, афганских...

«Польскую операцию» часто объясняют нелюбовью Сталина к полякам. Действительно, польский поход 1920 года был провален не без участия Сталина. Однако я бы не стал сводить объяснения всех фактов к особенностям психики вождя. Сталин — всего лишь символ системы, сформировавшейся в двадцатые годы прошлого века и успешно действующей до сих пор. Да, репрессии, особенно 1937–1938 годов, носили параноидальный характер, но это была не личная паранойя Сталина, а паранойя системы.

Зловещая ПОВ (Польская военная организация) существовала только в воображении сотрудников НКВД. На самом деле она перестала действовать ещё в 1922 году. Да и польская разведка не в состоянии была произвести сто с лишним тысяч шпионов. Конструкция приказа позволяла арестовать любого поляка и даже не обязательно поляка — в ход шли и белорусы с «подозрительными» фамилиями и именами, которых записывали как поляков, и русские, которых объявляли завербованными шпионами Польши. Поляков-перебежчиков оформляли как шпионов и диверсантов, а их друзей и знакомых — как членов ПОВ. Под арест попадали и независимо от национальной принадлежности все, кто когда-либо бывал в Польше или как-то был с нею связан.

Как это работало? Примерно так: «Работникам УНКВД по Ленинградской области Ходасевичу и Тарасову, обратившимся к начальнику отделения Дубровину за содействием в получении жилплощади, последний ответил: „Дадите пятьдесят поляков, когда их всех расстреляют, тогда получите комфортабельные квартиры“».

Лимитов по «национальным операциям» не было, но начальник регионального НКВД каждые пять дней отчитывался «наверх» о ходе операций. Если «наверху» полагали усердие недостаточным, следовали оргвыводы. Поэтому лучше было перестараться, чем недостараться. Советское государство было организовано так, что в любой отрасли важно было не сделать дело, а отчитаться перед начальством. НКВД в этом смысле ничем не отличался от остальных организаций. Кто-то производит зерно, кто-то чугун, а НКВД производит аресты и расстрелы. Во время «польской операции» задача сотрудников НКВД была не в том, чтобы ловить польских шпионов, а в том, чтобы отчитываться об их поимке. Тем более что руки были полностью развязаны, не требовалась даже видимость законности.

В Красноярском крае были национальные немецкие, польские, латышские и эстонские деревни — люди переселились во время

Столыпинской реформы и даже ранее. Вот из жителей этих деревень и стали «лепить шпионов» и отчитываться ими. Только в эстонском селе Верхний Суэтук было арестовано восемнадцать человек. В польском селе Конок было арестовано одиннадцать человек.

А всего двойкой по «национальным операциям» в Красноярском крае было приговорено 6322 человек, в том числе к расстрелу 5339 человек.

«ХАРБИНЦЫ»

20 сентября 1937 года вышел приказ НКВД №00593 («харбинская операция»). Это также была «национальная операция», но она была выделена отдельным приказом. В рамках операции подлежали репрессии как японские шпионы люди, вернувшиеся с КВЖД, а также все «подозрительные», связанные с Дальним Востоком. Когда СССР потерял контроль над КВЖД, многим людям, жившим там многие годы, — в основном железнодорожникам — пришлось думать о переезде.

В моей семье произошёл раскол: половина семьи уехала в Америку и там процветала (мой двоюродный дядя даже стал известным джазовым композитором и написал музыку ко многим фильмам серии «Том и Джерри»), другая половина уехала в СССР, и там в рамках «харбинской операции» почти все были расстреляны.

По «харбинскому делу» гребли не только тех, кто был на КВЖД. Многочисленные китайцы и корейцы, давно жившие на нашей земле, расстреливались как японские шпионы. Хотя трудно представить себе людей, ненавидевших японцев больше, чем китайцы и корейцы, но план есть план.

В японские шпионы записывали также и забайкальских крестьян, которых раскулачили в 1931 году и депортировали в Красноярский край. Хотя они прибыли к нам не по своей воле, им инкриминировали работу на японскую разведку просто потому, что Забайкалье граничит с Маньчжурией, которая была захвачена японцами в том же 1931 году, уже после депортации крестьян, но до таких деталей никому в НКВД дела не было.

Сосланные забайкальские крестьяне проходили в Красноярском НКВД как по «кулацкой операции», так и по «харбинской». Кого куда отнести — решалось на ходу, вопрос был в статистике. Если не хватало до лимитов по «кулацкой» — оформляли по «кулацкой». Если надо было «добрать» нужное количество по «харбинской» — оформляли по «харбинской». Такие вопросы решались просто. Вот, например, Купа Антон Францевич, слесарь боготольского депо. С одной стороны, поляк, с другой стороны, вернулся с КВЖД. Оформляй как хочешь, польским ли шпионом или японским. А можно и польско-японским, не проблема. Надо просто посмотреть, где недобор по статистике — по операции №00485 или №00593.

ЧСИР

Приказ по НКВД СССР № 00486 от 5 августа 1937 года даже на фоне всего происходившего в этом году — чудовищен. Хотя он касался довольно узкой категории людей — жён и детей осуждённых военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1 августа 1936 года.

«4) Аресту подлежат жёны, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осуждённым в момент его ареста.

Аресту подлежат также и жёны, хотя и состоявшие с осуждённым, к моменту его ареста, в разводе, но:

а) причастные к контрреволюционной деятельности осуждённого;

б) укрывавшие осуждённого;

в) знавшие о контрреволюционной деятельности осуждённого, но не сообщившие об этом соответствующим органам власти».

И не только жёны.

«11) Особое совещание рассматривает дела на жён осуждённых изменников родины и тех их детей старше 15-летнего возраста, которые являются социально-опасными и способными к совершению антисоветских действий.

12) Жёны осуждённых изменников родины подлежат заключению в лагеря на сроки, в зависимости от степени социальной опасности, не менее как 5–8 лет.

13) Социально опасные дети осуждённых, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик».

Так появилась знаменитая аббревиатура ЧСИР (член семьи изменника Родины), которая надолго пережила Большой террор и широко использовалась в годы войны.

Вот, например, история одной семьи. Павляк Ян Блажеевич, лоцман Енисейского пароходства. Приговорён 18.04.1937 года выездной сессией ВК ВС СССР к ВМН. Расстрелян 18.04.1937 года в городе Красноярске, то есть ещё до начала Большого террора. Но потом, по приказу № 00486, его жена Мария Георгиевна осуждена 28.12.1937 года ОСО НКВД СССР на пять лет ИТЛ. Дочь Ванда осуждена 09.01.1938 года ОСО НКВД СССР на ссылку в Туруханск на пять лет. А дочь Галина отправлена в Чердынский детский дом. Потом семья долго и мучительно воссоединялась...

ШУМНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Большой террор напоминал айсберг. В тёмных глубинах всё происходило многочисленно, тайно и непонятно. Люди просто исчезали,

и многие годы о них не знали ничего. Сначала объявляли о сроке «десять лет без права переписки». Потом, в пятидесятых, ввали, что человек умер в местах заключения. В фальшивых свидетельствах о смерти приводились фальшивые диагнозы и даты, в основном сороковых годов, чтобы списать всё на войну. Потом, в конце восьмидесятых, наконец, сказали правду: расстрелян,— и выдали правдивые свидетельства о смерти. Но до тех пор всё было в тумане и лжи.

А в это время «наверху» было шумно. Постоянно проводились процессы, публиковались судебные стенограммы. На самом деле это была обычная война пауков в банке, в которой побеждал самый беспринципный и «отмороженный», но народу нравилось, что хоть кто-то из начальников пострадал. Наверху, в видимой части, обличались видные деятели, а на этом фоне шли массовые бессудные репрессии. У людей осталось впечатление, что репрессии были направлены против элиты, а обыкновенные люди были случайными щепками в рубке большого леса.

3 августа 1937 года вышла директива ЦК ВКП(б) об организации «в каждой области по районам 2–3 открытых судебных процессов над врагами народа — вредителями сельского хозяйства». Ход судебных процессов предписывалось широко освещать в местной печати. Это должно было стать «операцией прикрытия» и созданием фона для реальных массовых репрессий.

В Красноярском крае тоже начали готовить два открытых процесса в районных центрах. Наметили фигурантов, начали разработку. Но тут судьба сделала чекистам неожиданный подарок: 25 августа 1937 года при запуске оборудования после двухмесячного ремонта сгорел Канский мелькомбинат. Это было неудивительно — ремонт проходил в обстановке аврала, типичного для советской управленческой системы. 26 августа комиссия установила: «Команда мелькомбината в течении 20 минут к тушению не приступила, так как водопроводная магистраль, идущая к корпусам, была выключена. <...> Моторист во время пожара, включив насосы, порвал трубы водопровода. <...> Несвоевременный, запоздалый вызов городской и ведомственных пожарных команд произошёл вследствие неисправности телефонов в конторе и проходной будке мелькомбината».

Выход из строя крупного мелькомбината в разгар уборочной — событие нерядовое, о нём пришлось доложить самому товарищу Сталину. Прошло несколько часов, и в крайком пришла телеграмма: «Красноярск. Крайком. Соболеву. Поджог мелькомбината, должно быть, организован врагами. Примите все меры к раскрытию поджигателей. Виновных судить ускоренно. Приговор — расстрел. О расстреле опубликовать в местной печати. Секретарь ЦК Сталин. 27.08.1938 г., 17 часов 10 минут».

Товарищ Сталин, гений всех времён и народов, умел раскрывать дела на расстоянии за четыре тысячи километров. Ему нужно было

всего несколько часов, чтобы найти виновных и вынести приговор. Впрочем, решение было предсказуемым: советская система всегда объясняла собственные управленческие ошибки происками врагов.

Производственная авария превратилась в «умышленный поджог Канского мелькомбината фашистско-диверсионной террористической бандой врагов народа». Следствие было стремительным: уже 8 сентября 1937 года выездной сессией ВТ СибВО все обвиняемые (четырнадцать человек) приговорены к расстрелу и в этот же день расстреляны.

Краевые газеты заходились в истерике: «Каждому рабочему быть зорким и быстро распознавать звериную морду врага»; «Мы требуем расстрелять эту банду поджигателей»; «Мы раздавим этих врагов так же безжалостно, как раздавили их предшественников»; «Мы требуем от военного трибунала суровой кары этой оголтелой банды. Расстрел — таков должен быть приговор трибунала, отражающий волю советского народа».

Второй, уже плановый, процесс прошёл в Курагинском районе. Там арестовали и расстреляли всю верхушку районной власти. Верхушка была как верхушка, как в любом районе: творила произвол, обязаловку, гоняла женщин на сносях в поле и прочее, — но всё это объявили происками врагов, троцкистов, бухаринцев и иностранных агентов. Люди в Курагинском районе, да и в других, были удовлетворены, потому что людям всегда приятно, когда ненавистных начальников репрессируют. Но, повторюсь, это была операция прикрытия.

ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯКИЙ ТУТ ЖИВУЩИЙ

28 февраля 1937 года страна единодушно осуждала троцкистских бандитов, правых отщепенцев, торговцев родиной и агентов международного фашизма. В Свердловске, несмотря на тридцатидвухградусный мороз, собрался семидесятипятитысячный митинг. Колхозники-казахи, нефтяники Баку и ленинградские рабочие горячо благодарили Генерального комиссара государственной безопасности товарища Ежова. Красноярск не остался в стороне: с гневными письмами выступили и рабочие Канского лесозавода, и учителя 19-й школы, и медицинские работники. Отдельную статью написал профессор Сибирского лесотехнического института А. Терлецкий: «Кучка врагов народа пыталась путём вредительства, шпионажа и подлых убийств подорвать великое дело Страны Советов. <...> Приговор, вынесенный нашим судом, судом народа, — наш приговор. Никакой пощады не заслуживают вредители, нарушающие наш труд, труд, ведущий к благу народа, труд на благо социализма».

Трудно сказать, насколько искренним было это письмо. Не исключено, что профессор Терлецкий написал его сам. Мозги советских

Никогда не удастся свернуть нас с социалистического пути

Бучка врагов народа ныталась путем вредительства, шпионажа и подлых убийств надорвать великое дело страны Советов. Цель троцкистов—передать страну в руки фашистов, при чем для этого они не стеснялись в действительности.

Ничего кроме отвращения, кроме глубочайшего презрения не вызывают троцкистские агенты японского и германского фашизма.

Приговор, вынесенный нашим судом, судом народа. — наш приговор. Никакой пощадой не заслуживают вредители, нарушающие наш труд, труд, ведущий к благу народа, труд на благо социализма.

Страна Советов мощна и сильна, нигде нет таких условий для развития науки и техники, которые имеются в стране Советов.

Все, кто попытается нарушить наш мирный труд, будут уничтожены.

Профессор Сиб. ЛТИ

А. ТЕРЛЕЦКИЙ.

граждан к началу тридцать седьмого года уже были основательно промыты, и профессор мог верить в существование право-левых фашистско-троцкистских выродков. Верят же нынешние профессора в распятых мальчиков.

Хотя не исключено, что профессором руководили вполне конъюнктурные соображения. Сообразительные граждане успевали следовать извилистому курсу партии и вовремя заклеить кого надо, а кого, наоборот, прославить.

Но, скорее всего, Терлецкому просто сделали предложение, от которого нельзя было отказаться. Профессоров в Красноярске тогда было раз-два и обчёлся, да и вузов всего два — лесотехнический и педагогический. Важно было, чтобы в ряду рабочих и колхозников прозвучал голос уважаемого учёного. Выбор у Терлецкого был невелик. Он мог отказаться, но это было рискованно: не выступил против

врагов — значит, сам враг. Легко можно лишиться не только кафедры, но и жизни. А согласившись, вроде бы ничем не рискуешь. Кто для него Бухарин с Рыковым, которых к тому же всё равно расстреляли? Эта статья должна была стать охранной грамотой. На самом деле в ней написано: «Я свой, я свой! Не трогайте меня!» Не думаю, что Терлецкому угрожали. Профессор и сам всё понимал, не маленький.

Да только статья профессора не спасла. Его арестовали уже 2 июля, год мурыжили в тюрьме и расстреляли 13 июля 1938 года.

Я нередко вспоминаю Терлецкого. Я не знаю, был ли он хорошим человеком или плохим, искренне ли он заблуждался или руководствовался конъюнктурными соображениями. Я не злорадствую по его поводу: мол, за что боролся, на то и напоролся. Ни за что он не боролся, кроме собственной жизни, но всё равно не получилось. Выиграть при тоталитарной власти невозможно. Лоялен ты или нелоялен, полезен власти или нет — ты можешь погибнуть просто потому, что кому-то понадобилась твоя жизнь. Никаких обязательств власть по отношению к тебе не несёт. Напишешь ли ты тысячи нужных статей, как Терлецкий, подпишешь ли тысячи смертных приговоров, как Ежов, — никто не испытает к тебе благодарности, никто не зачтёт

твою лояльность, потому что на самом деле ты никто. Надо будет — и тебе выделят девять граммов свинца в затылок, несмотря на твои заслуги и твою лояльность. Не надо играть с тоталитарной властью в её игры — всё равно не выиграешь.

Выиграть нельзя, победить можно. Умрёшь всё равно, но есть возможность умереть человеком. Просто не участвуй. В тоталитарной стране поступок заключается не в том, чтобы что-то делать, а в том, чтобы что-то не делать.

Тройка по приказу № 00606

Летом 1938 года двойка стала «буксовать». Причины называют разные: от «Ежов записался» до «Ежов зашился». «Альбомы» с обвинительными заключениями по «национальным операциям» исправно уходили в Москву, но протоколы двойки оттуда не приходили. Месяц, другой, третий... Арестованные люди сидели в тюрьмах, на допросы их не вызывали, что с ними было делать — непонятно.

Наконец, 17 сентября 1938 года был издан приказ НКВД СССР № 00606 «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др.». На самом деле это были те же тройки, которые действовали по приказу № 00447, но теперь они были воссозданы по другому приказу. В Красноярске тройка по приказу № 00447 отработала последний лимит на заседании 15 июня 1938 года, а тройка по приказу № 00606 провела первое заседание 29 сентября 1938 года, последнее — 15 ноября 1938 года.

Всего тридцать восемь протоколов, на некоторых есть пометки, что решения принимались на основании приказов №№ 00185, 00425, 00429, 00439, 00485, 00495, 00593.

Результаты работы красноярской тройки по приказу № 00606 загадочны.

Во-первых, в семи протоколах из тридцати восьми не был указан номер приказа. Скорее всего, те протоколы, которые были с номерами, — это «альбомы», возвращённые из Москвы. А в те, что без номера приказа, — собрали уже всех арестованных, но «недооформленных». Хотя не исключено, что там было и некоторое количество арестованных «про запас» по приказу № 00447, но не «оформленных» в связи с выполнением лимитов.

Во-вторых и главных, пофамильное сравнение протоколов тройки по приказу № 00606 с Книгой памяти жертв политических репрессий Красноярского края показало, что приговоры этой тройки не были приведены в исполнение. Ни один из 1984-х! Несмотря на то, что 1751 человек были приговорены к расстрелу, а в приказе № 00606 специальным пунктом было выделено:

«8. Решение Особых троек по первой категории приводить в исполнение НЕМЕДЛЕННО».

Вот несколько фамилий для примера:

<i>ФИО</i>	<i>Приказ</i>	<i>Дата заседания</i>	<i>Приговор тройки</i>	<i>Книга памяти</i>	<i>Дата изменения приговора</i>
Авдеев Осип Петрович	593	29.09.1938	Расстрел	НКВД прекращено	17.01.1940
Баранов Степан Парфилович	593	29.09.1938	Расстрел	НКВД прекращено	07.04.1939
Безруков Порфирий Герасимович	593	29.09.1938	Расстрел	НКВД прекращено	10.08.1939
Белков Самуил Иванович	593	29.09.1938	Расстрел	НКВД прекращено	11.01.1939
Беляев Афанасий Николаевич	593	29.09.1938	Расстрел	НКВД прекращено	15.07.1939
Богданов Григорий Тихонович	593	29.09.1938	Расстрел	ИТЛ-7	28.08.1939
Болотов Бато Болдаевич	593	29.09.1938	Расстрел	НКВД прекращено	01.02.1939
Бушуев Пётр Фёдорович	593	29.09.1938	Расстрел	НКВД прекращено	22.04.1940
Бушуев Степан Фёдорович	593	29.09.1938	Расстрел	Умер в тюрьме	22.04.1940
Валев Егор Семёнович	593	29.09.1938	Расстрел	НКВД прекращено	31.05.1940
Цой Владимир Иванович	593	29.09.1938	ИТЛ	НКВД прекращено	07.02.1939

Все, кто не умер в тюрьме до 17 ноября 1938 года, когда тройки были отменены и их протоколы аннулированы, были потом либо освобождены, либо получили небольшие сроки. Пятнадцать человек были впоследствии расстреляны, но по приговорам трибуналов.

Что это было? Внезапно проснувшееся человеколюбие? Но осенью 1938 года чекисты вполне себе расстреливали ранее «оформленных», но недорасстрелянных красноярцев по «кулацкой» и «национальным» операциям. А вот в случае с «шестьсот шестой» тройкой они позволили себе нарушить приказ наркома. Причём о приговорах они в Москву отчитались (и 1751 человек попал в общую расстрельную статистику), а об исполнении приговоров — нет. Думаю, это была обычная чиновничья осторожность: «наверху» подули другие ветры, ясно было, что массовые операции сворачиваются и Ежову осталось недолго быть наркомом, но неясно было, что опаснее — перестараться

или недостараться. На всякий случай всех приговорили, но никого не расстреляли (если понадобится — быстренько расстреляем, это не проблема; а не понадобится — мы молодцы и всё правильно поняли). Расчёт оказался верным, Красноярское УНКВД «попало в струю». А бюрократическая проволочка спасла жизнь почти двум тысячам человек.

Полигоны

На совещании у Ежова 16 июля 1937 года решался вопрос о захоронении расстрелянных. Ясно было, что количество расстрелянных будет намного больше, чем обычно, и подхоранивать на городских кладбищах, как это делалось раньше, не везде получится. В крупных городах было рекомендовано найти «полигоны», т. е. специальные малолюдные места недалеко от города, — рыть там рвы. В каждом регионе были определены населённые пункты, в которых проводятся расстрелы, — для этого нужны исполнители, место для захоронений. В Красноярском крае для этого были определены Красноярск, Ачинск, Канск, Минусинск, Абакан, Енисейск, Дудинка, Норильск, Игарка, Туруханск, Кежма).

В Красноярске полигон находился в районе деревни Коркино. При строительстве алюминиевого завода в 1959 году захоронение было обнаружено. Есть множество свидетельств этого. Район захоронений был оцеплен, останки экскаваторами были погружены в самосвалы и вывезены из города. Местонахождение их неизвестно.

В Ачинске подобное захоронение было обнаружено в 1976 году при расширении взлётной полосы аэропорта. Многочисленные попытки ачинской общественности официально подтвердить этот факт результата не дали, хотя есть множество свидетелей раскопок.

В Минусинске захоронение было в районе горы Лысуха. Сейчас там установлен памятник жертвам политических репрессий. Минусинский оперсектор НКВД, к слову, выделялся даже на фоне общей жестокости того времени. Пытки электричеством там были не исключением, а рутинным делом, а начальник оперсектора Алексеев приказывал раненных при расстреле добивать ломами, пули на них не тратить. В 1939 году Алексеев «присел» на пару лет за превышение должностных полномочий, но скоро был выпущен — такие люди на дороге не валяются.

В Канске, по нашим данным, захоронение проводилось на городском кладбище (хотя есть непроверенные сведения о других местах). Об этом осталось документальное свидетельство. В протоколе № 07 заседания тройки УНКВД по Красноярскому краю от 2 октября 1938 года указано: «Герасимов Пётр Иванович, 1905 года рождения, уроженец с. Кобрицкое Рыбинского района Красноярского края, гражданин СССР. Сторож кладбища гор. Канска Красноярского края. Будучи привлечён органами НКВД к выполнению специальной

секретной работы, нарушил подписку, данную им органам НКВД, и сообщил агенту эстонской разведки Ряману известную ему государственную тайну. Приговорён к расстрелу 2 октября 1938 года». Здесь же справка по осуждённому Ряману Ивану Осиповичу, ломовому извозчику города Канска: «Агент эстонской разведки... Завербовал Герасимова... 2 октября 1938 г. приговорён к расстрелу». Им повезло — приговаривала их та самая тройка по приказу №00606, оба остались живы и были освобождены в марте 1939 года.

В Абакане расстреливали мало, почти всех арестованных возили в Минусинск, который «обслуживал» весь юг Сибири.

В Енисейске полигон разместили недалеко от тюрьмы. В 1975 году при строительстве подстанции северных электросетей была обнаружена глубокая траншея с человеческими останками. Руководитель коммунального хозяйства города Енисейска Захар Моисеевич Фирер, у которого в 1938 году был расстрелян отец, организовал перезахоронение части останков на городском кладбище, и на месте перезахоронения были установлены три деревянных креста по числу братских могил. Другую часть останков спасти не удалось, она была перевезена в болото, находившееся рядом со строящейся подстанцией. Сейчас на городском кладбище установлен памятник жертвам политических репрессий.

В Туруханске захоронение было обнаружено при строительстве аэропорта.

В Норильске, по нашим данным, расстрелы проводились в районе так называемого Норильска-2.

В Игарке и Кежме, по-видимому, расстрелянных хоронили на местных кладбищах.

Последствия

Кажется, никто ещё не занимался оценкой урона, который нанёс Большой террор. Да, говорят о геноциде нации, о погибших учёных, инженерах, писателях. Только случайность не дала погибнуть на Колыме будущему Главному конструктору Королёву. Будь живы расстрелянные до войны военачальники, неизвестно, как бы повернулись события на этой войне.

Но есть и вполне оцениваемые категории. Например, в Боготольском депо было арестовано столько железнодорожников, что движение по Транссибу едва не остановилось. Енисейских речников выкосили настолько (особенно капитанов), что возникли проблемы с доставкой стратегических грузов. И это только на транспорте. Помогло ли, например, строительству «Красмаша» то, что там арестовали всю верхушку как врагов народа? Нет, не помогло. Думаю, не будь 1937 года, завод заработал бы на несколько лет раньше. И так далее.

Кто-нибудь понёс за это ответственность? Никто.

БЕЗЗАКОНИЕ

Даже по советским меркам то, что происходило во время Большого террора,— вопиющее беззаконие. Чекисты вообще считали себя выше закона, но в этот период — особенно.

Начнём с того, что внесудебные органы — тройки и двойка — были антиконституционными. Сталинская конституция 1936 года таких органов правосудия не предусматривала в принципе.

«Статья 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами». Точка.

Тройки и двойка были созданы по приказу начальника НКВД СССР (только не рассказывайте мне, что Политбюро и Сталин этого не знали) и были незаконными в принципе. Незаконной была и процедура осуждения. Ни о какой состязательности сторон, адвокатах и т. д. речи не было. Начальник регионального НКВД предоставлял тройке (в которую, кроме него, входили региональный секретарь ВКП(б) и региональный прокурор) краткие выписки из обвинительных заключений с рекомендацией о категории (тут надо было попасть в спущенные лимиты по категориям), тройка заслушивала и голосовала «за». На человека тратилось не более десяти минут, судя по протоколам. Разумеется, решение выносилось заочно, обвиняемый узнавал о нём перед самым расстрелом или отправкой в лагерь. То есть УПК (Уголовно-процессуальным кодексом) тут не пахло вообще.

Да и УК тоже. Тройки и двойка не утруждали себя следованием Уголовному кодексу и не ссылались на него. Вместо статей УК они ставили свои условные сокращения: Ш — шпионаж, КРД — контрреволюционная деятельность, АСА — антисоветская агитация и т. д. В принципе, можно установить некое соответствие: Ш — 58-6, АСА — 58-10 и т. д., — но презрение чекистов к закону было столь велико, что они этим брезговали, у них были свои законы.

Есть один момент, который как-то проходит стороной, когда мы говорим о Большом терроре. А именно: никто, кроме следователя, не видел следственное дело. А кто бы мог его увидеть? Адвокат? Адвокаты не были предусмотрены. Тройка/двойка? До них доходили только выжимки из обвинительных заключений. Начальник районного НКВД? А на кой ему это было нужно, если из районного НКВД исходят только выжимки из обвинительных заключений? Прокурор? Да, бывало, что прокуратура рассматривала жалобы арестованных и даже требовала следственные дела. Но прокуроры знали своё место и тоже работали на обвинение, а не следили за законностью. Были такие, что ерепенились, но недолго: в Хакасии начальник НКВД подвёл под расстрел полпрокуратуры, остальные сделали выводы.

То есть следователь знает, что УПК не важен, что дело никто читать не будет, пиши что хочешь, что от него требуют только результат, не важно какими методами он добыт. Он прекрасно знает, что человек, который перед ним, невиновен, но это не важно, этот человек — всего лишь средство для того, чтобы получить очередное звание, путёвку на отдых, квартиру, да, наконец, вообще жизнь — ведь если он не добьётся хороших результатов, его самого могут расстрелять. Ставки высоки. Поэтому он добивается признания в несуществующей вине. На исход дела для арестованного это почти не влияет: признался ли он, не признался — всё равно его ждёт пуля или лагерь, план надо выполнять. Но это важно для следователя: признание повышает его статус в глазах начальства.

Как добивались результатов? В прямом смысле слова «добивались». «Конвейер», избиения, шантаж. Известно, что ЦК ВКП (б) дало добро на пытки в 1937 году. Известно это из шифротелеграммы Сталина в 1939 году.

«Шифром ЦК ВКП(б).

Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД.

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков — следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показывает, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно

применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразужившихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, райкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим объяснением.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин.

10/1-39 г.

Машинопись (1-й экз.) с рукописными вставками. Согласно пометам на архивном экз., машинописные копии посланы: Берия, Щербакову, Журавлёву, Жданову, Вышинскому, Голякову, и др. (всего 10 адресатов)» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 145–146).

Дело надо высасывать из пальца, брать с потолка, фантазировать... И каждый фантазирует как может. И не знаешь, плакать или смеяться над убогой фантазией следователей, которые умом не блистали, зато кулаки имели крепкие. Мне запомнилось дело еврея, который в 1937-м был расстрелян как агент гестапо (!). В деле подробно расписываются обстоятельства вербовки его в 1932 году в Харькове, его шпионские донесения в гестапо о ходе посевной в Красноярском крае и т. д. И никому нет дела, что гестапо в 1932 году не существовало в принципе, поскольку было создано в 1933-м, и что работало гестапо исключительно в Германии и на оккупированных территориях, а внешней разведкой занимались совсем другие ведомства. И так — каждое дело. Бывшего директора заповедника «Столбы» обвиняют в том, что он готовил группу столбистов для теракта против руководителей партии, крестьянина, который выехал из Эстляндии в начале века, — в шпионаже на Эстонию. И все прекрасно знают — и следователь, и начальник, и начальник начальника, и тройка, и двойка, и Политбюро, — что это не так, но для них главное — хорошо отчитаться. В конечном счёте перед вождём — но и вождь всё это прекрасно знает. То есть мы видим грандиозных размеров «туфту», стоившую жизни сотням тысяч человек.

ЗАЧЕМ ИМ ЭТО БЫЛО НУЖНО?

Существует мнение, что Большой террор делался для того, чтобы очистить страну от «пятой колонны» перед войной. Но, поскольку процедура была такой, что вместо «пятой колонны» хватали и уничтожали случайных людей, очевидно, что задача не была выполнена (если она вообще ставилась). Мало того, эффект был прямо обратный: советские граждане, уставшие от непрерывных репрессий, нередко встречали немецкие войска хлебом-солью (тем более что советская пропаганда два года восхваляла Гитлера и немецкую армию). Потом-то они разобрались, что хрен редьки не слаще, но это было потом.

Есть более приземлённая точка зрения: репрессии связаны с выборами в Верховный Совет по новой Конституции. Эти выборы

проводились впервые, впервые в них принимали участие бывшие «лишенцы» (лишённые избирательных прав), и власть боялась эксцессов, хотя выборы проводились по системе «один из одного» и выбрать кого-то не назначенного не было никакой возможности. В пользу этой версии говорит то, что «кулацкая операция» должна была (в соответствии с приказом № 00447) завершиться через четыре месяца, т. е. 5 декабря, буквально за неделю до выборов. На «польскую операцию» было отведено три месяца, т. е. она должна быть завершена до выборов. Другое дело, что эти операции потом продлили, и массовые репрессии продолжались ещё почти год, до ноября 1937-го, но первоначальный план был такой.

Есть и третья точка зрения: 1937 год — двадцатилетие революции, и люди могли, что называется, подбить итоги обещаний большевиков. Итоги были неутешительные: даже с едой были большие проблемы (а дважды за время правления большевиков был большой голод), про жильё и одежду говорить нечего. Требовалось припугнуть обывателя, а иррациональный террор был для этого лучшим средством. Иррациональность была важна: люди не понимали, что происходит, соседи и родные исчезали без следа и причины, независимо от их лояльности. Если раньше человек мог чувствовать себя в безопасности, пока «крошили» меньшевиков, эсеров, «кулаков» и прочих врагов и это было где-то далеко, то теперь под топор мог попасть каждый. И вот этот год с небольшим, с августа 1937-го по ноябрь 1938-го, год непрерывного страха, выковал новую общность — советский народ, состоящий из хомо тимент (человек боящийся). Этот хомо тимент воспроизводится уже много поколений, до наших дней включительно. «Не болтай лишнего», «не высывайся», «умри ты сегодня, а я завтра» — всё это впечаталось в наши хромосомы в 1937–1938 году, и я уже, честно говоря, не думаю, что мы от этого когда-либо избавимся. В этом смысле социальный эксперимент, проведённый большевиками, оказался успешным.

ЕВГЕНИЙ МАМОНТОВ

МНЕНИЯ

* * *

Пётр Кузьмич считал, что люди произошли от инопланетян, но при этом оставался простым человеком, сажал картошку, вообще любил заниматься хозяйственными делами — например, искусно вытачивал на станке дверные ручки. Космическая гипотеза происхождения жизни на земле не зародила в нём ни высокой меланхолии, ни озорного нигилизма. Ему было уже за шестьдесят, и «инопланетян» он держал просто в качестве темы для беседы с умным человеком.

Алевтина считала, что если благоустроить городские скверы, то выйдет очень красиво.

Её брат Александр считал, что если у человека есть деньги и при этом он несчастлив, то он дурак.

Недаром Пётр Кузьмич считался в семье интеллектуалом и даже как бы со странностями.

* * *

Лазарев считал, что он гений и что в жизни нет смысла.

Полькин — что блондинки холоднее брюнеток.

Полковник Сорока верил в еврейский заговор и считал, что президентом управляет международный жидомасонский комитет. «Значит, и тобой тоже управляет, — сказал ему геолог Тимофеев, — ведь президент — наш верховный главнокомандующий». — «В этом трагедия России!» — ответил полковник.

Хологодков верил, что все люди братья, потому что все они негодяи и жулики.

Отец Георгий считал, что нужно больше думать о смерти.

* * *

Пётр Кузьмич любил людей, независимо от их происхождения, пускай даже инопланетного.

Алевтина тоже любила людей, если только они не делали ей замечаний.

Её брат Александр был добродушным человеком по природе, особенно когда выпивал.

Лазарев был законченным мизантропом и терпел людей только из воспитания.

Полькин любил женщин, к остальным проявлял, подобно Лазареву, тактичное равнодушие.

Полковник Сорока любил русского человека.

Геолог Тимофеев много общался с «русским человеком» в экспедициях и знал его слабости.

Хологодов любил, когда кого-нибудь разоблачали.

Отцу Георгию нравилось исповедовать умирающих.

* * *

Однажды Полькин познакомился с блондинкой, которая поколебала его убеждения.

Лазарев встретился с Алевтиной, которая во время прогулки сказала, что если этот парк вычистить и благоустроить, то получится замечательное место.

Брат Алевтины Александр встретился с человеком, который дал ему хороший заказ на поставку генераторов.

Полковник Сорока узнал, что в его часть прибыл новый офицер по фамилии Магазинер, и пошёл на него посмотреть.

Геолог Тимофеев, вернувшись из экспедиции, ушёл в запой и постоянно с кем-нибудь встречался, но ему всё казалось нереальным.

Отец Георгий встретился с однокурсником по семинарии, рукоположенным в архиереи, и подумал: «Гореть тебе по смерти в аду!»

Хологодов встретился с женщиной и пригласил её домой, а наутро у него пропал кошелёк.

Пётр Кузьмич по идее должен был бы встретиться с инопланетянами, но не встретился.

* * *

Пётр Кузьмич знал, что Пушкин гений. Но не читал его. Верил на слово. Проверить лично было некогда.

Алевтина знала, что у Пушкина была красавица-жена, из-за которой его убили на дуэли.

Её брат Александр считал, что Пушкин жил слишком давно, чтоб об этом стоило говорить.

Лазарев сочувствовал Пушкину, как гений гению.

Полькину казалось, что в прошлой жизни он был Пушкиным на всех этих балах. Он знал несколько строф из «Евгения Онегина» и при случае декламировал дамам.

Полковник Сорока знал, что Пушкин гений, так же точно, как то, что генерал Карпов является начальником округа.

Геолог Тимофеев любил читать научную фантастику.

Хологодков знал, что Пушкин был ловкач.

Отец Георгий считал, что Пушкин был срамник.

Лейтенант Магазионер перечитывал «Маленькие трагедии».

Блондинка, с которой познакомился Полькин, знала наизусть стихотворение Пушкина «К Алине», потому что её тоже звали Алина.

* * *

Пётр Кузьмич никогда не размышлял о счастье, он предпочитал делать что-нибудь, а не размышлять и был счастлив, когда получалось.

Полькин был постоянно счастлив. Он не помнил, с какого момента это началось. Вернее, это начиналось заново каждый день. Вот он просыпался и шёл в булочную, небольшой подвальчик, три ступеньки вниз, свет падает из окон, золотит душистый воздух. Поджаристые корочки сдобы, продавщица в белом, сама румяная и сдобная. Полькин улыбается.

Счастье преследовало его даже в самые неподходящие минуты. На похоронах, в неровно сбившейся вокруг могилы толпе, происходила некая осечка, и вместо горя Полькин чувствовал широкий, как вид на побережье, прилив удивительного света, свежести... «Так здорово быть мёртвым!» — подумал он, радуясь и завидуя покойнику.

Алевтина была счастлива, когда видела, что она нравится мужчинам.

Её брат Александр был счастлив, когда зарабатывал много денег и потом мог хорошо отдохнуть, тратя эти деньги.

Полковник Сорока вообще-то не имел права на счастье в то время, когда жидомасоны глумились над его родиной. Но всё-таки был тихо счастлив, когда уезжал на рыбалку.

Геолог Тимофеев был счастлив многообразно: когда входил с мороза в тёплое помещение, когда удавалось вытянуть застрявший в болоте

тягач, когда покупал новую книжку, но почти никогда не признавался себе в этом.

Хологодков считал, что счастье — это когда не поймали.

Отец Георгий знал, что счастье бывает только после смерти.

Лазарев был счастлив, когда ложился спать и во сне забывал, что он гений.

* * *

Александр, брат Алевтины, надеялся, что выгодно продаст генераторы.

Пётр Кузьмич надеялся, что урожай будет хорошим и картошки хватит на зиму.

Полковник Сорока мечтал о пенсии и пробуждении национального самосознания русского народа.

Лазарев рассчитывал, что его имя останется в веках.

Алевтина надеялась, что Лазарев будет любить её всегда и они вместе станут гулять по красивым благоустроенным паркам.

Отец Георгий надеялся, что в раю его отличат от прочих священнослужителей.

Хологодков надеялся, что женщина, у которой он вытащил кошелёк, не узнает его на опознании.

Геолог Тимофеев привык надеяться на самого себя, а Полькин ни на что не надеялся, потому что был счастлив.

* * *

Пётр Кузьмич иногда жалел, что жизнь его уже прошла, но он был ею доволен, поэтому сожаление быстро сменялось светлым воспоминанием о чём-нибудь из прошлого. Например, о том, как служил в армии.

Алевтина жалела, что ей уже тридцать лет и она поправилась на три килограмма и что городские скверы и пляжи такие неблагоустроенные.

Её брат Александр жалел, что не так выгодно купил новую машину, как это можно было сделать, и что заказ на мотопомпы ушёл в другую фирму.

Хологодков жалел, что приходится тянуть срок за такой пустяк.

Лазарев жалел, что жизнь не имеет смысла.

Отец Георгий жалел, что он не архиерей.

Полькин жалел об упущенных возможностях, вспоминая нескольких шатенок.

Полковник Сорока жалел русского человека.

Геолог Тимофеев говорил, что ни о чём в своей жизни не жалеет: раз случилось — значит, так было надо.

* * *

Лазарев стыдился своей гениальности и не любил, когда его просили почитать стихи.

Полькин иногда стыдился того, что он всё время счастлив.

Алевтина стыдилась того, что немного поправилась.

Её брат Александр не стыдился вообще.

Геолог Тимофеев смущался в женском обществе и начинал вести себя грубо.

Отец Георгий смущался своего прошлого и говорил, что раньше он был биологом.

Хологовых не смущался своей статьи.

Полковник Сорока краснел, когда его распекало начальство.

Пётр Кузьмич смущался, когда смеялись над его версией происхождения человечества.

* * *

Лазарев написал стихотворение о старой заводской трубе из красного кирпича, которая смотрит в небо днём и ночью, чувствует каждый свой кирпич, помнит старых рабочих. Вверху плывут облака, говорят: привет,—а потом: пока. В августе ей в горло падают звёзды. Жюль-верновская пушка, телескоп и каменные глыбы Стоунхенджа ей как сёстры. По роду она женщина, по Фрейду — скорей, мужчина, скучает по юности, вспоминая запах дыма. Быть выше других — ужасное одиночество, а искорка, некогда упавшая в неё с неба, давно смешалась с мусором на дне.

Алевтина сделала новую причёску, наредила ногти перламутровым лаком, надела открытое летнее платье, туфли на высоком каблуке и вышла проверить, как всё это работает.

Полькин, увидев её на улице, был совершенно потрясён, познакомился с ней и даже хотел немедленно сделать ей предложение. Так у него часто бывало. Но вместо этого сделал ей другое предложение.

Геолог Тимофеев уехал в экспедицию на Крайний Север и познакомился там с шаманом, старым якутом.

Отец Григорий с удовольствием отслужил заупокойную службу и поехал ужинать.

Хологодов попал под амнистию.

Часть полковника Сороки отличилась на стрельбах, дав залп по своим. Был строго наказан лейтенант Магазинер.

* * *

Пётр Кузьмич поехал продавать картошку и больше не вернулся. В тот вечер в небе видели светящийся сигарообразный объект.

Что же ждёт остальных?

НАМ ЛЮБЫЕ ДОРОГИ ДОРОГИ...

Кружочками Харитонов обводил в календаре дни, когда не пил.

Эту пометку полагалась делать только вечером. В такие дни Харитонов ходил. Начистит ботинки и идёт по улице вдоль витрин. Остановится, посмотрит, как играют дети на площадке, отвернётся от вывески «Алкомаркет» и идёт себе дальше. Дойдёт до моста, положит руки на перила и смотрит. А там дальше лес. Внизу вода течёт. «Н-да»,— говорил Харитонов и шёл обратно.

«Вот. День прожит нормально»,— думал он, ставил кружочек в календаре и, утомлённый хождением, быстро засыпал.

На другой день Харитонов шёл в другую сторону. Там тоже был мост, но уже железнодорожный.

Товарный... товарный... пассажирский.

Под мостом буксир, выпятив волной нижнюю губу, тащил против течения баржу.

Если представить дом Харитонova как центр окружности, то вокруг неё расположатся триста шестьдесят направлений, градусов. По одному градусу-маршруту на день. Вот тебе и год трезвости.

Соседи выгуливали собачек. Харитонов здоровался. Шёл в гору на старое кладбище. Гулял между могил. Тени передвигались. Белела колокольня Троицкой церкви, похожая на старый маяк. Прошлогодня листва темнела кучами. С фотографий таращились покойники, будто снятые уже после, на том свете. На могиле купца первой гильдии огромный крест поблёскивал, как пианино. Харитонов вглядывался в фотографии, пытался угадать, кто был пьющий.

У крыльца невысокой церкви сидели нищие. «Алкоголики»,— думал Харитонов.

Вечером чистил ботинки. Ставил очередной кружок.

По утрам открывал окно. Делал гимнастику. Пели птицы. Обливался водой. Дышал. Выбирал новый градус.

Бывали и срывы.

Как-то в парке попала ему навстречу семья. Немолодые уже, а дочке (или мальчику?— не важно) лет девять, а может быть, это внук их. И вот они шли, взявшись за руки, улыбаясь. Все трое такие обычные, некрасивые и пели так искренне и фальшиво: «Тем, кто

дружен, не страшны тревоги, нам любые дóроги дорóги» Харитонов прошёл мимо них, как и все, только лицо у него заглодело, как в стоматологии.

Что с ними дальше будет?

Вспомнят они эту прогулку? Не сегодня вечером, а потом, через... «Как все несчастны, уязвимы,— подумал Харитонов,— особенно когда счастливы». И купил себе в магазине большую красную банку пива. Долго смотрел на неё. На улице моросило. Собака бегала по газону.

Кружочки не появлялись в календаре пять дней. За это время Харитонов прожил короткую, но яркую жизнь. Пел в караоке-баре на испанском: «Me quiero de amor»¹. Потом объяснял бармену, как правильно понимать высказывание Канта: «Ich kann, weil ich will, was ich muss»². Пригласил на танго даму-брюнетку. Шептал ей на ухо, что она Кармен, гладил по бедру. Получил в ухо от кавалера дамы. Радостно вспрыгнул на стол, замахнувшись на обидчика стулом. По дороге в полицию спросил сержанта: «Ну как вообще служба? Пайковые не зажимают?» — «Пока нормально», — ответил сержант. Отделение полиции было в соседнем от ресторана дворе. В дежурке толстяк, похожий на буксир, выпятив губу, изучал удостоверение Харитонova. Хотя уже и просроченное. Звонил куда-то. Вернул удостоверение. Во дворе Харитонova ждали две дамы, о которых он успел забыть. Тоже танцевал с ними. Подруги. Из тех, что ходят парами в ресторан.

Проснулся в гостях. Две дамы. Улыбаются. А он ищет глазами, где же брюки и вообще всё. Нашли брюки и в них, в кармане, бутылку виски «Джек Дэниел». Всем это показалось символичным. Смеялись. Харитонов объяснил дамам, что дедукция категории символа идёт в плоскости эйдоса, а не логоса. И они не захотели с ним расставаться.

Харитонов смутно вспомнил вчерашнее. Говорил дамам, что теперь он обязан на них обеих жениться. Дамы соглашались. Одна была директором небольшого кинотеатра, другая — переводчицей в тур-агентстве. Ей постоянно звонил какой-то сердитый мужчина. «Я у Тони. Там в холодильнике возьми...»

«Муж?» — «Сын», — ответила она смущённо.

«У меня турист с Фиджи в двенадцать», — волновалась переводчица.

«Лида, веди его к нам в кино», — говорила Тоня. — «Как он из себя?» — «Обезьяна». Фиджиец, двухметрового роста, в вязаной шапочке, улыбаясь, сфотографировался на фоне толстенных коротеньких колонн кинотеатра «Вымпел». «У него губы весь фасад закрывают», — сказала Тоня. Смотрели фильм в малом зале. Харитонов дал Брендону пластиковый стаканчик. Чокнулись. Харитонов спросил, сохранился ли на Фиджи каннибализм. «Certainly!»³ — приветливо кивнул зарубежный

1. Я умираю от любви (исп.).

2. Я могу, потому что я хочу, что я должен (нем.).

3. Конечно (англ.).

гость. В кабинете Антонины он, заложив руки за спину, рассматривал старые фото советских актрис на стенах. «Oh! Hollywood beauty!» — «Это Чурсина, актриса, — поясняла Тоня. — Да скажи ему, наконец, пусть он уже шапку эту снимет». — «Мне надо везти его на видовую площадку. Ты поедешь?» — спросила Лида у Харитоновы.

На видовой площадке было ветрено, серый город мигал огнями. Был виден мост с поездами и другой мост. «Очень красиво», — старательно сказал Брендон по-русски и по-английски спросил, где здесь туалет. Отвезли его в гостиницу. Там была бильярдная. Лида не умела, Харитонов показывал ей, как держать кий; учил Брендона, тот привык только в «американку». Бармен приносил напитки. Когда прощались, Брендон дал Лиде чаевые («так у них положено») — десять долларов. И двадцать Харитонову. «Гуляем!» В такси Харитонов отдал ей купюру. «Нет, давай просто поменяемся». — «Нет». — «Хорошо, тогда плачу я. Тоню брат не будем?» — полуутвердительно спросила она. — Ты же не ел весь день, поешь». Харитонов улыбался. Из окна кафе был виден освещённый фонарём экскаватор с зубастым ковшом, полосатые ленточки ограждения трепетали на ветру. «Тоня, мы ещё с Брендон», — врала Лида по телефону. «У меня сын дома», — виновато улыбнулась. Поехали к Харитонову. «Тоню брат не будем?» — спросил он по дороге. «А ты хочешь?.. У неё киномеханик есть. В кинотеатре. Мальчишка. В сыновья ей годится». Харитонов не уловил связи, сказал: «Можно и его взять». Лида расхохоталась.

На четвёртый день Харитонов умирал. Соседи долбили стену перфоратором. Луч между шторами двигался от шкафа к креслу, пока не погас. На полу стояла пустая пивная банка. В холодильнике оставалась последняя, но это было далеко.

Пятый день был длинным, как жизнь после смерти. И вечером Харитонов забыл обвести его кружком.

Наутро почистил ботинки. Открыл окно. Увидел, что старые деревья все обрезаны до середины, торчат в небо тупыми кульями. А старые автопокрышки, служившие клумбочками, покрашены свежей краской. Привычка к уродству всегда прикрывается «заботой» и «пользой». Но в первый день «новой жизни» и это можно было списать.

В небе стояло облако, белое, как пенопласт.

Игорь Герман

Афоня

—Его зовут Афоня! — радостно сообщила матери по телефону дочь. — Он такой симпатяшка, прямо отпад, просто чудо, это надо видеть. Он очень обаятельный!

— Не знаю, доча, — засомневалась Татьяна.

— Ну мамочка, — уговаривала дочь, — ну миленькая... Он правда очаровательный. Очень умный и добрый. Ты сама в этом убедишься. Сначала, конечно, с ним нужно найти общий язык, подружиться... но это со всеми так. Каждый любит, когда к нему хорошо относятся. И ты, и папа, и я, и он. Он — прелесть, ты в конце концов так подружись с ним, что и расставаться не захочешь!

Татьяна вздохнула в телефонную трубку:

— Мне ещё надо поговорить с папой по этому вопросу: не знаю, согласится ли он.

— А почему не согласится? Конечно, согласится. Хочешь, я сама ему позвоню?

— Нет, нет, доча. С отцом я поговорю сама. Ты же знаешь, какой он бирюк. Даже когда гости ко мне приходят, он становится мрачнее тучи. Никого чужого не выносит дома. Ну, такой человек, ничего не поделаешь. Как медведь в берлоге. А тут — жить! Да ещё почти три недели. Нет, его надо сначала подготовить к этому испытанию. Но первую его реакцию я знаю: «Нет!» — Татьяна подумала, потом на выжидающее молчание дочери ответила: — Давай сделаем так: я сегодня же с ним поговорю, как он с работы придёт. Так сказать, почву прозондирую. Ты не звони ему пока. Денька два-три. Ему нужно время, чтобы это пережить и принять... Да сама не переживай, согласится, никуда не денется. Я тебе позвоню, когда вопрос решится.

— Афоня! — радостно крикнула в трубку дочь. — Скажи, что его зовут Афоня!.. Как в том фильме, помнишь?.. Он даже похож на того артиста, который главную роль там играл. Такой же очаровательный паршивец! Я тебе сегодня скину наши с ним фотки, и его — в отдельности. Сама убедишься, какой это красавчик! А как меня защищает от балбесов и дураков — просто мачо!.. Мама... да три недели с ним пообщаться — это удовольствие, море эмоций. Бабушку обязательно с ним познакомь — она будет от него в восторге!

— Хорошо, хорошо, Карина, — согласилась мать. — Бабушка так и так его увидит. Насчёт понравится... не знаю, не буду забегать вперёд,

у неё свой вкус, свои пристрастия, ты это знаешь... Ладно, хватит, а то все деньги твои проговорим.

— Не переживай за мои деньги, — успокоила Карина маму. — Главное, реши вопрос.

— Вопрос постараюсь решить. В ближайшие дни позвоню.

— Ну ладно, мамочка. Жду. Пока!

— Пока, доченька!..

Владимир, муж Татьяны и отец Карины, вернулся с работы поздно, уставший и злой. Татьяна решила не беспокоить его и отложила разговор на завтра. Завтра была суббота, выходной день.

Супруги с утра выполнили традиционные субботние обязанности по наведению порядка дома. Татьяна сварила борщ и потушила картошку с курицей. Обед не праздничный, но вкусный.

— Вова, мне надо поговорить с тобой, — сказала она, когда уже пили чай.

— Что-то случилось?

— Ничего страшного. Абсолютно.

— Тогда говори.

— Карина с Игорем едут отдыхать на Канарские острова.

— В феврале месяце?

— Там зимы не бывает.

— Ну, я там не был. Не знаю.

— Я тоже не была. Но раз люди едут, то не просто так. Не дураки же, в конце концов.

— Им, богатым, виднее.

— Да какой он богатый? Быттехнику продаёт.

— Богатым бы не был, каждый год по заграницам бы не болтался.

— Он не болтается, а ездит отдыхать... И, между прочим, с твоей дочерью. Он муж Карины.

— Они не расписаны.

— Разница какая? Живут вместе, значит, муж и жена. Сейчас тебе не царское время. Как хотят, так и живут. Дочь хоть мир посмотрит. Чего плохого?

— Да пусть ездят. Я же ничего.

— Вот по этому вопросу я и хотела бы с тобой поговорить.

— Я думал, мы поговорили уже.

— Нет.

— Надеюсь, нас не собираются звать с собой?

— Насчёт этого можешь быть спокоен — мы там никому не нужны.

— Слава Богу!

— Тут вопрос в другом... Они летят через неделю. Из Красноярска до Москвы, а там уже... до своих этих... островов.

— Ну?..

— Видишь... Детей у них пока нет. Этот бизнес всё время отнимает. Некогда. И он не хочет — дела идут хорошо, и она пока тоже — не замужем официально, и помогать ему не сможет... если дитё.

— Ну?!..

— Ну, природа же своё требует. Надо о ком-то заботиться. Вот они и купили себе маленькую собачку, красивая, симпатичная такая, вчера Каринка мне фотки скинула — правда прелесть, а не собачонок.

— Ну...

— Чего ты «нукаешь»?.. Я тебе рассказываю, а ты «нукаешь»!.. Слушай давай.

Владимир зашвыркал чаем.

— Любят собачушку безумно, говорит Каринка, и он, и она. Но купить-то купили, а теперь едут отдыхать — куда его? Не будут же тягать его по самолётам, аэропортам да отелям? Сам понимаешь, это ни к чему. Вот и просят нас приютить на время этого Афоню.

— Какого Афоню?..

— Ну, псину эту. Афоня его назвали.

Владимир сделал недовольную мину:

— Ой, Каринка, ой, Каринка!.. На черта нам нужна здесь эта собака?

— Ну дочь тебя просит. Ты что, ради дочери не можешь две недели поприжаться и потерпеть?

— Здоровая псина?

— Какой?.. Тойтерьерчик.

— Тойтерьерчик ни о чём мне не говорит.

— С фигушку. На Каринкиной ладошке помещается. Глаза большие, испуганные. Такое пугливое создание. При нём и говорить-то громко нельзя будет — сдохнет со страху.

— Не знаю, Таня, — прожевав печенюшку и запив её чаем, ответил муж.

— Чего там не знать-то, Вова? Ребёнок в кои-то веки обратился к нам с просьбой! Неужели не поможем? Неужели откажем в таком пустяке? Она мне на день рождения ноутбук подарила...

— Бэу.

— Ну и что, что бэу. Зато работает как новый.

Владимир подумал.

— Я с ним гулять не буду.

— А тебя никто и не заставляет. Все заботы я беру на себя. И кормления, и гуляния.

— Мало тебе своих забот?

— Дочь просит.

— Пусть сами справляются со своими проблемами. Каждый год мотаются по свету — зачем собакой обзаводиться? Думать надо головой, а не предпринимательским местом. Не думают сами. А потом родители выручай!

— А тебе это так трудно, что ли? Я же обещала: тебе — никаких проблем.

— Тявкать будет?

— Что ты! Тише воды, ниже травы.

— Откуда знаешь?

— Знаю, раз говорю.

Владимир допил чай из своей именной кружки. Вздыхнул, раздумывая.

— Ладно, — нехотя согласился он. — Пусть привозят. . .

Карина, Игорь и Афоня приехали через несколько дней. С Игорем родители Карины уже встречались, а вот с милашкой Афоней пришлось познакомиться прямо на пороге собственной квартиры.

Устроившийся на руках Карины, Афоня звонко облаял хозяев дома. Татьяна назвала Афоню «ты моя прелесть» и сделала движение рукой, чтобы погладить собачонка, но крошечный собачонок так злобно рыкнул на Татьяну, что она отказалась от своего намерения.

— Он ещё маленький, ничего не понимает, — погладила его Карина. — Ничего. Вот подрастёт, поумнеет. Правда же?.. Поумнееешь?..

Поцеловав собаку, она опустила её на пол. Обнялась с матерью, с отцом. Родители тепло приветствовали Игоря, гражданского мужа своей дочери.

Возбуждённый присутствием чужих людей собачонок прилип к ноге хозяйки и нервно дрожал.

Гости разделись: Карина сняла с себя короткую шубку из голубой норки и такой же норковый берет, Игорь — стильную зимнюю куртку, они разулись и в сопровождении жмущегося к хозяйским ногам Афони прошли на кухню. Едва Карина уселась на стул, Афоня тут же запрыгнул к ней на колени.

— Иди ко мне, мой маленький, — ласково, как с ребёнком, заговорила с ним Карина. — Сейчас я буду знакомить тебя с очень и очень хорошими людьми — моими папой и мамой.

Мама при знакомстве с Афоней улыбалась и шутила, папа оставался по-мужски сдержан и молчалив. Афоня не проявил радости от знакомства ни с мамой, ни с папой. Он смотрел на них глазёнками, полными злобы, скалился, рычал, а при резких движениях рук чужаков свирепо, не по росту и весу, лаял. Готовился к бою, отчего, переминаясь своими тоненькими лапками на хозяйских коленях, исходил кипящей собачьей злобой.

Когда люди, разговаривая, громко засмеялись, Афоня вдруг спрыгнул с колен Карины на пол. На секунду неожиданное движение собаки заставило всех притихнуть. В следующую секунду Афоня нашёл ближайший угол, обнюхал его, поднял заднюю лапку и тут же сделал не сказать — лужу, но — лужицу. Хозяева от нетактичного поступка гостя немного растерялись и онемели.

— Ай-ай-ай, Афоня, вот как тебе не стыдно, паршивец ты этакий? — очаровательно разрядила обстановку Карина.

Поднявшись со стула, она зашла в туалет, вышла оттуда с рулоном туалетной бумаги и тщательно вытерла собачье безобразие.

— Он у вас не просится на горшок? — задал свой первый и конкретный вопрос отец.

— Ну, папа... — сделала удивлённые глаза Карина. — Он с нами целый день в магазине. Нам даже выгуливать его некогда. У нас же работа, бизнес. На улицу один не ходит, только с нами. Куда деваться?.. Ну, напрудит там где-то, я подотру. Ещё чего наделает — я уберу.

— Понятно, — недовольно сказал отец.

Мать промолчала.

Два дня жили молодые у родителей. И эти два дня Афоня никак не желал привыкать к новым знакомым, в чьей квартире он невольно оказался. Собачонок беспрестанно злился, скалился и ворчал. И чем больше он злился, скалился и ворчал, тем мрачнее становился папа Карины. Папа пока ещё дипломатично относился к беспокойному гостю, но гость не очень-то величал хозяина, заливаясь при его появлении хоть и не утрашающим, но неприятно громким лаем. Все доводы Карины и её уговаривания, типа: «Пупсик, ну это же мой папа!» — или: «Пупсик, но это же моя мама!» — Афоню никак не впечатляли. Он категорически не признавал ни пап, ни мам. Когда Татьяна подходила к нему с целью, посюсюкав, задобрить, этот пупсик, твякая, брызгал слюной в умилённое Татьянино лицо и норовил укусить, если ему примирительно протягивали палец. По нужде он ходил часто и бессистемно.

Карина едва успевала за ним убирать. По этому вопросу Афоня ничего не просил и никого не предупреждал. Чистюля Татьяна, понимая, что с подводной лодки уже никуда не деться, в глубине души переживала бытовую драму. Как хорошая хозяйка, она каждый вечер вытирала пыль, два раза в неделю мыла полы. Прежде при входе в их квартиру даже запах был свежий от чистоты и наведённого порядка. Но это прежде.

Теперь же, с приездом нового жильца, в корне изменились и ситуация, и запах в квартире. Конечно, Татьяна накупила освежителей и туалетной воды, но такая косметика помогала мало, на несколько минут. Хуже всего было то, что Афоня безжалостно метил территорию и на кухонном ламинате, и на паласах комнаты, и у ножек дивана, и везде, где только оказывался, когда его забирала нужда.

В день своего отъезда Карина и Игорь купили собачий вольер для содержания Афоня, долго прощались со своим любимцем, обнимали, целовали его, Карина даже плакала.

Мама Таня успокаивала дочь, уверяла, что всё будет хорошо, с задачей содержания они с отцом справятся, собака будет накормлена, присмотрена и обласкана.

Афоня будто чувствовал разлуку: скулил, жался к хозяйским рукам, облизывал умилённое Каринино лицо, сам дрожал от нежности и смотрел на хозяев с непередаваемой собачьей преданностью.

К вечеру молодые сели в автобус, следующий до Красноярска. Ночью должны прибыть в аэропорт Емельяново и утром — в Москву! А оттуда уже рейс до этих Канарских островов.

Афоня всю ночь скулил и по-собачьи плакал. Ненадолго забывался, потом опять начинал скулить, подвывать, а в наиболее драматичные моменты своего переживания принимался отчаянно, звонко лаять.

И Татьяна, и Владимир не спали всю ночь. Как выяснилось назавтра, не спали не только они — соседи тоже не могли уснуть. Татьяна виновато улыбалась, объясняясь с ними в дверях, и приносила извинения. Владимир полночи просидел на кухне у телевизора, выпил чайник кипятка и утром ушёл на работу злой как чёрт.

Татьяна работала преподавателем фортепиано в музыкальной школе. Место работы — в десяти минутах ходьбы от дома. Перед тем как пойти на уроки, она вошла в зальную комнату, где находился вольер с собачкой.

Уставший и заплакавший за ночь Афоня, покорно сидел в огороженном пространстве вольера и смотрел на новую хозяйку печальными глазами. Татьяна не смогла выдержать этот говорящий, почти человеческий взгляд.

— Ты мой несчастненький... — ответила она на него. — Конечно же, я тебя выпущу.

Она открыла дверцу вольера. Собачонок насторожённо стриганул ушами, недоверчиво посмотрел на новую хозяйку и с достоинством покинул место своего заточения. Едва только он ступил на мягкий палас комнаты, как тут же подал звонкий голос, видимо, заявляя здесь свои права. В следующий момент подбежал к ножке дивана и уверенно сделал там лужу.

— Вот собака! — недовольно выругалась Татьяна. — Ты зачем это?

Она вытерла то, что не успело впитаться в палас.

— Иди на кухню! — приказала она Афоне. — Там тебе и пожрать, и попить, милый мой. И помни, что с сегодняшнего дня будем приучать тебя к выгуливанию. Чтобы ты там делал свои дела и не пакостил мне дома... Иди за мной!

Татьяна призывно засвистела, приглашая собаку на кухню. Афоня почему-то в ответ дико залаял на Татьяну и категорично отказался выходить из комнаты.

— На кухню, на кухню... — настойчиво показывала ему пальцем Татьяна. — Там ням-ням, там кушать, там жрать, понимаешь — там!

Афоня на эти увещевания лаял ещё агрессивнее. Татьяна не могла понять упрямства собаки. Решив показать на наглядном примере, она вынесла из кухни чашечку с едой, показала Афоне и снова пригласила его пройти откусать. Голодный Афоня вопреки всякой логике отказывался от угощения и облаивал свою кормилицу. Наконец Татьяна потеряла терпение.

— Да ну тебя к чёрту! — в сердцах сказала она. — Провались ты пропадом! Я на работу так с тобой опоздаю. Короче, так: кобениться в своём магазине будешь. А здесь жрать захочешь — сам найдёшь, с голоду не сдохнешь!

Она надела пуховик, вышла из квартиры и замкнула дверь. И только она это сделала, Афоня в квартире тут же замолчал.

— Вот подлец! — сказала сама себе Татьяна. — Какая противная собака!

Уроки у неё сегодня до вечера, но с большим, более чем двух- часовым, окном в обед. Татьяна к часу прибежала домой. Из зала за вошедшей Татьяной внимательными глазёнками наблюдал Афоня. Он следил за каждым её движением.

— Ну что, с голода не помер? — спросила его Татьяна. — Уже хорошо.

Снимая сапог, она не удержала равновесие и, чтобы не упасть, сделала невольный шаг по направлению к Афониной комнате. Афоня, видимо, воспринял это как угрозу, потому что сразу залаял.

— Слушай, ты мне уже надоел, — серьёзно сказала ему Татьяна. — В моём доме живёшь и на меня же лаешь?.. Такая маленькая собачка, а ведёшь себя как большая свинья! — она резко повысила голос: — Сейчас же прекратил тявкать и ушёл в свою клетку!!

Собака на секунду удивлённо замолчала на командирский тон хозяйки, затем принялась лаять громче прежнего.

Татьяна, как умный человек, не стала с ним пререкаться и сама ушла на кухню. Там её ждал сюрприз: две лужи и кучка. Причём кучка оказалась объёмнее, чем можно было ожидать от собачонка такого малого размера.

Татьяна, ругаясь и грозясь, убрала за собакой, обильно побрызгав в кухне освежителем воздуха. Так как выгуливать собаку уже не имело смысла, она отложила это занятие на вечер. Приоткрыв форточку и напустив в кухню морозного свежего воздуха, села обедать. Кухня проветрилась, и собачий запах исчез.

— Ладно хоть это не кошка, — успокоила сама себя Татьяна. — От кошачьего запаха вовек не избавишься. Хоть это радует.

Уроки второй смены в музыкальной школе закончились у Татьяны к восемнадцати часам. Поднявшись на лифте и оказавшись у своей двери, Татьяна услышала в квартире скандал. Афонин лай время от времени перекрывал раздражённый мужской голос. Перешагнув порог, она столкнулась с Владимиром, пытающимся пройти в зал, и Афоней, изо всех собачьих сил мешающим ему это сделать.

— Что происходит? — возмутился Татьяне супруг. — Я не могу зайти в собственную комнату! Хотел посидеть на диване, посмотреть телевизор... Вот скотина безрогая! Ну ты посмотри на него!

Тойтерьер Афоня защищал свою территорию с решительностью амурского тигра. Он так яростно скалился и сверкал глазёнками, что взрослый мужик, глядя на захлёбывающегося злобой карлика, не решался перейти границу.

— Не хватало в моём же собственном доме! — ругался Владимир. — Это знаешь как называется?.. Это уже сверхнаглость!.. Это...

— Тебе зачем зал? — попыталась загладить конфликт Татьяна. — Посмотри телевизор на кухне.

— На кухне он на холодильнике, на двухметровой высоте. Я там устаю сидеть с задранной башкой!

— Ну потерпи немного, ради дочери!

— Они воспитывали его вообще или нет? Он почему такой debil?

— Вова, он — нормальный, и, как всякий нормальный пёс, защищает свою территорию. Чего тут непонятного?

— Вообще-то это моя территория, если он не в курсе.

— Ну объясни ему, может, он поймёт.

— Сейчас я объясню ему... — Владимир, топнув ногой, рявкнул так, что вздрогнула Татьяна: — А ну место!!! Пшёл!!!

Афоня на секунду обалдел, даже перестал лаять. Он вытаращил глаза и прижал назад уши. Владимир, усиливая эффект, грозно топнул ещё раз, и только после этого Афоня метнулся в глубь комнаты, дал стрекача по кругу и залетел в открытую дверцу своего вольера.

— Что это с ним? — не понял Владимир.

— На него никогда не кричали, Вова, — ответила Татьяна, укоризненно глядя на мужа. — Он не привык к такому обращению.

— Ничего, пусть привыкает.

Удовлетворённый своей победой, супруг вошёл в зал, взял пульт, включил телевизор и плюхнулся на диван. Победждённый Афоня копил злобу в тёмном углу своего вольера и угрожающе рычал оттуда.

Владимир включил шестичасовую программу новостей на первом канале. Не смирившийся со своим поражением Афоня вдруг, без всякой провокации со стороны Владимира начал истошно лаять из угла своего манежа.

— Ты заткнёшься или нет?! — рявкнул в ответ Владимир.

Из кухни прибежала жующая Татьяна:

— Что такое опять?

— Этот пуцвер мешает мне смотреть новости! Я из-за него ничего не слышу.

— Велика важность. У тебя что, родственники, что ли, там?

— Нет, не родственники. Но я имею право знать, что делается в мире. Мне интересно. Тебе интересен «Магазин на диване», а мне новости!

— Афоня, перестань лаять, лапуся, — ласково попросила собаку Татьяна.

Афоня проигнорировал её просьбу.

— Афоня! — укоризненно повторила хозяйка.

Собака продолжала лаять из своего закутка как заведённая. Владимир нажал на кнопку пульта и усилил звук телевизора.

— Убавь! — раздражённо сморщилась Татьяна. — Орёт как резанный.

— Как резанный орёт здесь только один! — в тон ей ответил муж. — И это не телевизор!

— Господи, когда это закончится?!.. — Татьяна ушла на кухню.

Владимир ещё некоторое время сквозь собачий лай пытался разобрать слова диктора, параллельно считывая информацию с бегущей

строки. Наконец ему это надоело, он не выдержал, вслух обругал Афоню двумя нехорошими словами и ушёл смотреть на кухню. Едва только вышел из комнаты, лай прекратился.

— Это фашист какой-то, — зло ворчал Владимир, устраиваясь в кухне на табурете. — Фашистюга!

— Только не кричи на него, Вова, — умоляла жена. — Пожалуйста, не кричи. Он не выносит крика. Карина с Игорем на него никогда даже голос не повышали.

— Разбаловали они его. Собаку надо в струне держать. А то она обнаглеет. Как эта... — он кивнул в сторону комнаты. — Я за три недели с ума сойду.

— Не сойдёшь. Ничего с тобой не случится. Зато ребёнок на Канарах отдыхает.

Гулять Афоня категорически отказывался. Как Татьяна его ни уговаривала, ни открывала призывно дверь и ни приглашала эту псину на улицу, Афоня ни в какую не соглашался переступить порога квартиры. Тогда Татьяна попыталась взять его на руки, чтобы вынести, но собачонок, словно разгадав манёвр хозяйки, забился в свой вольер и дико горланил оттуда. Татьяна протянула к нему руку и едва успела отдёргнуть: маленькие остренькие зубки тойтерьера клацнули у самого её мизинца. Владимир категорически отказывался помогать супруге в собачьем вопросе.

— Меня не проси, — коротко сказал он.

Подумав и почертыхавшись, Татьяна сломалась, негласно разрешив теперь Афоне дуть прямо в квартире и где попало. Конечно, это неприятно, и даже очень, но поделаться она всё равно ничего не могла.

Афоня во всех проявлениях вёл себя как невоспитанный ребёнок, упрямо отстаивая право на свою невоспитанность. Если с присутствием Татьяны в квартире он хоть с трудом, но мирился, то Владимир его откровенно раздражал. Афоня его не признавал: облаивал, когда он входил в зал, когда уходил на работу и когда возвращался домой. Мрачный Владимир ворчал, матерно ругался и грозился его убить.

Несмотря на чистоплотность хозяйской четы, в квартире ощущался стойкий собачий дух. Татьяна оплакивала испорченные паласы, не зная, стирать их теперь или выбрасывать, и считала дни, когда вернутся дочь с зятем, когда, наконец, освободят её от неблагодарной обязанности обслуживать маленькое чудовище.

Мама Татьяны и тёща Владимира, маленькая бабушка с большим сердцем, проживала отдельно от детей, в частном домике в старой части города. К детям переезжать отказывалась, хотя дочь с зятем настойчиво приглашали её к себе жить. Алла Григорьевна считала, что будет мешать детям, и, пока у неё хватало сил обслуживать себя, она оставалась хозяйкой в своей избушке. Жили недалеко, поэтому частенько заглядывали друг к другу в гости.

Карина с Игорем заходили к ней перед отъездом, приносили торт, пили чай. После отъезда молодой пары на отдых Алла Григорьевна у дочери с зятем ещё не была, дочь жаловалась на противную скандальную собаку, а пожилая мама собак вообще не очень приветствовала, тем более дома. Но, соскучившись, Алла Григорьевна субботним днём, по предварительной договорённости, заглянула к детям на огонёк. По телефону сговорились о времени, и Татьяна пообещала запереть собаку в вольер. То ли дочь что-то недопоняла, то ли мама явилась чуть раньше, но к моменту её появления в квартире Афоня всё ещё находился на свободе.

С порога гостю он встретил свирепым лаем. Маленькая Алла Григорьевна, испугавшись, выставила вперёд руки. Афоня, несмотря на грозящий палец хозяйки и топающую ногу хозяина, прорвался к порогу, невероятным образом подпрыгнул вверх на своих тоненьких лапках, вцепился зубами в рукав шубы вошедшей бабушки и повис на этом рукаве. Алла Григорьевна, не ожидавшая прямого нападения, испугавшись, закричала. Она болтала рукой, пытаясь стряхнуть насмерть впившегося в рукав остервенелого зверька. Афоня, не разжимая челюстей, угрожающе, глухо рычал. Он болтался в воздухе, не оставляя гостю ни малейшего шанса на моральную победу. Растерявшиеся зять и дочь не знали, что делать, наблюдая картину неожиданной схватки тойтерьера и Аллы Григорьевны. Затем Владимир поймал за дрыгающие задние лапы пса и некоторое время безрезультатно пытался оторвать его от испуганно кричащей тётки. — Шубу!.. Володя, шубу не порви!.. — пыталась перекричать мать Татьяна.

Наконец дикий зверь Афоня разжал зубы, и Владимир отшвырнул его на пол. Афоня, суча лапками по скользкому ламинату пола, продолжал захлёбываться злобой, лаем и слюной. Его оттеснили в зал и закрыли за ним двери. Но Афоня продолжал бесноваться и в одиночестве, показывая всем, кто в доме хозяин.

— Всё! — схватилась за сердце Алла Григорьевна. — Всё, помру сейчас...

С неё сняли шубу, под руки отвели на кухню, усадили на табурет и долго отпаивали валерьянкой.

Уходя, Алла Григорьевна пообещала дочери:

— Пока этот маньяк здесь, я к вам больше ни шагу!

После ухода матери раздражённая Татьяна закрыла собаку в вольер и весь следующий день не выпускала её оттуда, несмотря на просящий и виноватый скулёж.

— Сиди здесь! — строго говорила она Афоне. — Не умеешь вести себя по-человечески — будешь сидеть взаперти.

Однако Афоня после своей безоговорочной победы над Аллой Григорьевной совершенно обнаглел. Он опять, как в первые дни пребывания здесь, бесконечным лаем заявлял свои права на всю территорию квартиры. Со скандалом встречал с работы Владимира,

раздражал его во время ужина на кухне и хамил, когда Владимир пытался прогнать его обратно в зал.

И вот однажды у Владимира, что, кстати, совсем не удивительно, терпение закончилось. Когда эта надоедливая псина в очередной раз облаяла его на пороге, Владимир не сдержался. И его можно понять — человек пришёл с работы, уставший, издёрганый за день, а тут вместо спокойной гавани...

Разувшись и снявши куртку, он некоторое время смотрел на скалящегося своими крысиными зубками издевателя, прыгающего на кургузых ножках и совершенно потерявшего страх и нюх. И вдруг Владимиру отчаянно захотелось врезать этому паршивцу, так врезать за всё, чтобы мало ему не показалось. Вот просто раз приложиться и отвести душу. Вот так оттянуть ногу и...

Татьяна из кухни услышала пронзительный жалобный визг. Афоня так никогда не кричал, и хозяйка, испугавшись, бросилась в коридор.

В коридоре несчастный Афоня, полуприсев на задние ножки, в ужасе смотрел на Владимира и как-то механически, чуть приоткрывая нижнюю челюсть, скулил. Татьяна присела перед собакой и погладила её. — Он весь дрожит, — испуганно сказала она мужу. — Что ты с ним сделал?

— Ничего, — неуверенно ответил супруг, пряча глаза.

— Вова, он горячий, у него поднялась температура! — Татьяна испугалась ещё больше. — Ты его ударил?

— С чего?.. Я его не трогал.

— А что с ним такое?

— Вот у него и спроси.

— Вова, ты ударил его!.. Зачем?.. Видишь, как он переживает? С ним так никогда не поступали.

Владимир вполголоса выругался и ушёл в ванную мыть руки.

Всю ночь оскорблённый Афоня жалобно поскуливал в своей комнате, в одиночестве и тоске.

Наутро, когда хозяин собрался на работу, надел куртку и зимние ботинки, Татьяна, уже из ванной, услышала в коридоре взрыв ругательства, который не смог заглушить даже шипящий водой кран. Она приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Гневный муж стоял на одной ноге, брезгливо подняв вверх вторую, в шерстяном носке. — Вот урод! — гневно кричал Владимир. — Вот уродец поганый!.. Он надул мне в ботинок, с-с-сучок!!!

Татьяне нужно было что-то ответить, и она сказала:

— Это он так отомстил. Не бей его больше.

С этого дня отношения двух мужчин — Владимира и Афанасия — совершенно разладились. Владимир не выносил Афоню, Афоня терпеть не мог Владимира. Только теперь их усилившаяся взаимная неприязнь стала носить более скрытую форму. Афоня сменил тактику: он не облаивал хозяина и не лез на рожон, то есть в глаза ненавидел

его тихо, но как только тот выходил за порог квартиры, Афоня вслед высказывал ему всё, что о нём думал,— громко и долго.

Нужно ли говорить, как устала Татьяна уговаривать и мужа, и соседей потерпеть ещё немного, пока вернуться дети с юга, но и муж, и соседи уже очень устали от маленького беспокойного чертёнка.

Афоня, как разведчик, следил за хозяином, пока тот на кухне ел или смотрел телевизор. Он осторожно выглядывал из-за угла коридора, готовый при первом же резком движении Владимира сорваться с места и удрать к себе в зал.

Владимир, заметив за собой следящий собачий глаз, раздражённо цыкал на Афоню и топал ногой. Собака на некоторое время удирала, но затем возобновляла слежку.

Более всего Владимир бушевал, когда заставал Афоню лежавшим в спальне на их кровати. Собачонок запрыгивал на кровать и сворачивался там клубочком на покрывале. Владимир гонял его, гневно кричал и обзывал самыми обидными словами.

Напрасно Татьяна объясняла мужу, что там, у себя, Афоня спит прямо с хозяевами в постели, как третий член семьи, как ребёнок, ему так разрешили и приучили. Владимир ничего не хотел слышать.

В конце концов, Татьяна так устала мирить, уговаривать, объяснять, отмывать и убирать, что с невероятным облегчением встретила известие о том, что Карина с Игорем уже в Красноярске и наутро будут дома. Владимир даже выпил по этому поводу. Невероятно, но и Афоня словно предчувствовал возвращение папы и мамы. Он всю ночь радостно скулил, визжал и тявкал. Хозяева на радостях простили ему это, ни разу за ночь не встав, не обругав и не попросив заткнуть пасть.

День возвращения Карины и Игоря выдался на выходной. Сколько было счастья, умиления, обниманий, целований, слёз! Афоня даже помирился с Владимиром, а Владимир назвал Афоню «очаровашкой».

Погостив у родителей несколько дней, Карина, Игорь и Афоня собрались уезжать. Бабушка Алла Григорьевна не приходила прощаться с внучкой, памятуя ту встречу с собакой; внучка сама ездила к бабушке и уговаривала её простить Афоню. Что делать с внуками? Афоня заочно был прощён!

Когда гости с чемоданами в руках и собачкой, нежно прижатой к Карининой груди, уже стояли в дверях в ожидании такси, Татьяна, расчувствовавшись, погладила Афоню, дремавшего в тёплых хозяйских руках, и произнесла:

— Хороший мой... Нам будет тебя не хватать... Приезжайте к нам ещё.

На что Карина ответила маме:

— Я же говорила тебе, что ты не захочешь с ним расставаться.

Елена Тимченко

Комар

I. БЕЛЛА, Я ЭДВАРД!

Жила-была девочка, звали её литературно — Белла. Имя многое определяло в её отношениях с одноклассниками по мере того, как отечественная литература открывала перед ними свои сокровища. Бэла и Печорин, Белла Ахмадулина... Да ещё и фамилия Беллы, Ахтямова, была несколько созвучна великой — «Ахматова». Большинство одноклассников Беллы патологически не различали Ахматову и Ахмадулину, ещё какую-то Ахтямову они уже переварить не могли, так и звали её «Ахматовой». Причём прозвище прилепилось к ней намертво, и даже перевод в другую школу не помогал — наверное, потому, что природа троечников везде одинакова и от номера школы не зависит.

«О одиночество, как твой характер крут!..» Вот и сейчас Белла мучительно переживала переезд в другой район, который не только не решал её проблем, а добавлял новые.

Микрорайон носил оптимистическое название «Солнечный», был скуден на зелень, новостроен и продуваем ветрами насквозь. К тому же вид из окна имел скорбный — на кладбище.

Белла тихонько перебирала струны гитары, прислушиваясь к непогоде за окном. Родителей дома не было, поехали на машине к родственникам, позвонили оттуда, что заночуют: папа выпил, и за руль ему нельзя.

Ветер завывал и шуршал мусором на тротуаре. Из приоткрытого на уголок окна потянуло сквозняком, и Белла почувствовала, как вместе с воздухом в комнату проникло что-то ещё... Стало резко не по себе, какой-то необоснованный страх на минуту охватил внутренности холодными лапками.

«Да ладно тебе тень на плетень наводить», — девушка отважно успокоила себя любимой бабушкиной присказкой, перестала мучить гитару, но всё же прислушалась к относительной тишине городской квартиры. Аппетитно причмокивал холодильник на кухне, утробно урчала стиральная машинка, уютно похрапывала Буля — любимая домашняя собака. Все звуки были обычными, фоновыми и не вызывали никакой тревоги, кроме одной писклявой ноты... Комар, что ли, залетел? Так глубокая осень же, откуда ему взяться?

Нет, ну пищит же... А, вот он! Белла схватила журнал и замахнулась на неожиданное насекомое.

— А вот этого не надо! — строго приказал голос.

Несмотря на некоторую писклявую гнусавость, голос обладал властной интонацией.

Журнал выпал из рук девушки, она беспомощно озиралась в поисках источника звука.

— Да не крути головой, милочка, ты же всё прекрасно видишь, только верить не хочешь — рассудок бережёшь, — продолжил тот же голос.

Белла сильно зажмурила глаза. Сердце колотилось как сумасшедшее, в висках билась и стучала кровь. Это кошмар. Просто она спит, и ей снится кошмарный кошмар, но почему-то проснуться не получается.

Белла убедила себя, что всё происходящее ей снится. А что делать? Как ещё справиться с сопротивлением разума? Сон — самое безвредное средство.

Белла осторожно открыла глаза.

Напротив неё в кресле сидел незнакомец, весь в чёрном, в лице первым делом бросался в глаза длинный тонкий нос. Впрочем, конечности тоже были длинные и тонкие, руки беспокойные и бледные, но необыкновенной красоты — сильные мужские руки.

— Эдвард, — представился брюнет, склонив набриоленную голову. — А то как же! — сердито ощерилась на гостя Белла.

И откуда только смелость взялась!

Как только незнакомец с внешностью вампира эпохи немого кино назвал имя, страх сменился злостью. Мало того, что в школе её донимали этим новым приложением к её имени (из фильма «Сумерки» по роману Стефани Майер), с кривой ухмылочкой ежедневно спрашивая: «Белла, где твой Эдвард?» — так ещё и в её собственный сон пролез этот чёртов киношный герой!

— А ну проваливай из квартиры, Эдвард, вон из моего сна! — девушка отважно замахнулась гитарой на незваного гостя.

Тот мгновенно взвился в воздух, снова принимая образ комара, но огромного, с головой незнакомца, только что ведшего беседу с Беллой. — Успокойтесь, барышня! Я, конечно, не ожидал тёплой встречи, но такого приёма...

— А я вас в гости не приглашала, Эдвард! — с нажимом на слове «Эдвард» прокричала Белла.

— Да, времена пришли, — вздохнул Комар, обретая обычные для комаров размеры и снова приземляясь на кресло. — Унизительно для своего статуса стало пропитание себе добывать. Никто ни во что не верит, и жадины все.

Девушку растрогало это детское выражение — «жадины», да и вид у Комара стал обычный, не страшный. Хотя, конечно, обычно комары не разговаривают, но ведь сон же. Или не сон? Наверное, Алиса в Стране чудес тоже задавала себе такой вопрос.

Угомонившись после первого шока, Комар и девушка помолчали, а затем Белла миролюбиво, с видом гостеприимной хозяйки, произнесла:

— Так если вы голодны, могу вам предложить сыр, хлеб, по-моему, даже колбаса ещё осталась в холодильнике.

Комарик скромно скрестил лапки, прикрыл глаза и застенчиво пропищал, что он твёрдой пищи не ест, и тихо добавил, что ему бы... кровушки. Белла содрогнулась, но не стала жадничать и, удивляясь самой себе, протянула кровопийце руку. Комарик всё сделал деликатно, не больно и, сыто блестя глазками, объявил, что питаться ему нужно раз в день, что ему очень неудобно кусать Беллу и что соседская кошка подойдёт. Только соседи с наступлением холодов совсем перестали открывать окно.

— Ну что я могу поделывать? А может, собака подойдёт? — предложила Белла. — Буля, иди сюда!

Послышался стук когтей о линолеум, и в комнату протиснулся мускулистый, упитанный и сочный бульдог, который сладко отоспался на постели отсутствующих хозяев. Пёс преданно уселся у ног хозяйки и, зевая, гамкнул челюстями.

— Пи-и-и-иу, — пискнул Комар и перелетел повыше и подальше от собаки. — Ой, нет! Боюсь, что собака не годится!

— Отчего же? — Белла ласково потрепала бульдога за брылья. — Блохи вот, например, не брезгают.

2. «Подлый» Пашка

— Ахматова-а-а-а!!! — надрывался какой-то придурок.

Нигде от них никакого житья нет — ни в школе, ни на мирной прогулке с собакой, везде достанут. Белла свирепо оглянулась и увидела мальчишку, который нёсся на всех парусах от перекрёстка. По ногам редкой длины и худобы невозможно было не узнать Пашку, друга детства, — вместе ходили в садик, потом в начальную школу, потом в летних лагерях вместе коротали лето.

Догнал. Облобызался с Булей, повизгивающей от счастья, будто болонка, не по чину для своей породы.

— Ты что, debil? Знаешь же, что я не выношу, когда меня называют так, да ещё орут на всю улицу! — отчитывала приятеля Белла.

— А как я буду кричать на всю улицу: эй, Белка, — что ли? Так вообще прохожие санитаров вызовут, скажут, белочку словил пацан. И знаешь, подходит тебе это прозвище, уж извини, есть в тебе что-то этакое, инаковость какая-то... Я бы обрадовался, если бы меня Анной Андреевной величали. Если бы был девушкой, конечно, — спохватился Пашка и добавил: — А ты злишься.

— Серьёзно? Хочешь, я тебя Салтыковым-Щедриным буду называть? — в шутку предложила Белла.

Павел достал из кармана телефон и стал в копать в «Гугле». Прикол состоял в том, что фамилия Пашки — Салтыков.

— Не ищи, двоечник, Михаил Евграфович он, — с улыбкой заметила Белла. — У меня, между прочим, фамилия ещё есть.

— Да лан, не сердись, Ахтямова. Я по домофону к вам домой звонил, потом смотрю: вы с Булькой на противоположной стороне улицы вышагиваете, — обрадовался! Сколько мы не виделись, с сентября? Как ты, как новая школа?

Белла на самом деле рада была видеть Пашку, прикольный он: косая чёлочка болтается над хитрым глазом, рот до ушей — живее всех живых...

...И вечно голодный. Через пятнадцать минут после встречи он уже по-хозяйски изготавливал себе огромный бутерброд на кухне своей подруги. Наблюдая за другом, Белла не удержалась от замечания:

— Ты делаешь прям как написано в книжке для женщин, желающих поправиться (книгу, кстати, бабуля подарила). Там написано: «Большой толстый кусок хлеба намажьте толстым слоем масла». А потом там советуют ещё большую кружку какао и заесть половинкой шоколадки.

— А что, есть какао и шоколадка? — оживился Пашка.

— С какао облом, а шоколадку на вот, проглоти, — Белла привстала, чтобы достать из шкафчика заветную плитку, уже траченную, как попало завёрнутую в фольгу. — И куда только в тебя всё влезает? Ешь и не толстеешь. Тут немного поешь — и уже живот.

— А ты втягивай! Француженки так и ходят — контролируют свой силуэт.

— Ты что, гламурные журналы читаешь? Подозрительная какая-то осведомлённость.

— Я читаю всё, что пишут в Интернете.

— Как ты только не рехнёшься? К тому же столько времени отнимает.

Паша с урчанием принялся за свой бутер. Белла отломала кусочек шоколадки.

— Я, Белка, хочу быть в курсе всего, всей жизни вокруг меня, — с набитым ртом проповедовал приятель, — мне нравится читать всё подряд, если сейчас не пригодится — пусть полежит на чердаке. Потом когда-нибудь достану, пыль отряхну...

— И чихнёшь! — засмеялась Белла.

Пашка скорчил рожу, будто собрался чихнуть.

Белла задумчиво положила в рот ещё частичку шоколадки.

— Слушай, а у тебя там... на твоём чердаке... про вампиров ничего не завалилось?

Приятель перестал жевать и с любопытством воззрился на подружку.

— А что за интерес? Ну, перво-наперво — Брэм Стокер, «Дракула»... Потом... О, рекомендую, мне понравилось: «Интервью с вампиром!» Читала?

— Фильм видела.

— Ну а зачем тебе?

Белла мялась, рассказывать ор нот о ночном приключении... или сне... или что это было-то? Всё-таки решила поделиться.

...Пашка слушал, выпучив глаза, даже бутерброд не доел и с восторгом предложил:

— Белка, я твоё доверенное лицо, всё мне рассказывай!

— Какое доверенное? Разве тебе можно доверять?

— А чего нет-то?

— Забыл, как ты меня в третьем классе бросил в полыньё?

Дело вот в чём. Забыть этого Белла не могла и постоянно Пашке припоминала, как однажды они зимой ковыряли палками прибрежный лёд на набережной, и Белла провалилась одной ногой под лёд и не могла выбраться, а подлый Пашка убежал и бросил её! Девочка натерпелась страха, промочила ноги, чуть не лишилась одного сапога... Выбираясь из лунки, порезала руку о её острый край... Потом она со слезами бежала к остановке. В сапоге хлюпала вода, руки дрожали, а Пашки нигде не было.

Как можно ему верить после этого?

Пашка взревел:

— Ну мы же детьми были! К тому же я тебя младше!

— На два месяца?!

Пашка бухнулся на колени, сложил ладони лодочкой и взмолился:

— Прости дурака!

Буля оживилась, почуяв игру, подскочила и, пользуясь коленопреклонённой позой юноши, облизала ему всю личность.

— Видишь, какой я хороший, как собака меня любит!

— Ладно, вставай уже с колен, рыцарь... обмусоленный.

— Кстати, как собака-то вела себя в твоём «сне»?

— Да никак. Обычно.

— Ну-ка руку покажи: есть там укус или нет?

Белла закатала рукав рубашки. На внутренней стороне предплечья красовался едва заметный розовый островок укуса насекомого.

3. РЕЖИМ «ЧЁРНОГО НЕБА», или ЛЁГКОЕ ДЫХАНИЕ

Поздним вечером Белла в комнате с наглухо закрытым окном, включённым увлажнителем воздуха и ингалятором от астмы пыталась пережить режим «чёрного неба».

Увлажнитель, всхлипывая и причмокивая, вырабатывал белый туман. Булю очень привлекали струйки холодного пара, истекающие из прибора. Она пыталась их укусить, энергично отпрыгивала и снова с восторгом набрасывалась на «врага».

Девушка молча завидовала своей собаке: «Везёт тебе, Буля, дышишь чем придётся, хоть бы хны тебе. А тут сидишь и каждый вдох контролируешь, чтобы не ввергнуться в приступ».

Белла вяло скосила глаза на кресло перед диваном, где были разложены книжки, учебники, исписанные листочки — сочинение по Катерине из «Грозы».

Потянулась за смартфоном...

Когда она снова взглянула на кресло, там уже сидел материализовавшийся ниоткуда Эдвард в старомодном чёрном плаще.

— Откуда ты? Ведь окна плотно закрыты — комар не пролезет.

Услышав голос хозяйки, Буля отвлеклась от своего занятия и взобралась на диван, положив голову на колени девушки.

Девушка толкнула собаку в бок:

— Булька, ты его видишь? Или только я одна его вижу?

Псина недоуменно подняла голову и посмотрела на хозяйку.

— Окна для меня не проблема, — ответил гость.

— Вот как? А помнится, в первую встречу жаловался, что соседи окна стали закрывать, кошку кусать не дают, — вяло съязвила Белла.

— «Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти...» — туманно ответил непрошенный гость, перебирая длинными пальцами черновики ученицы.

Узнав в ответе Эдварда цитату из «Грозы», Белла изумилась.

— Вот так начитанность! С великой русской драмой знакомство све-ли? — съязвила Белла. — Может, объяснишь всё-таки: кто ты вообще?

— Кто-кто... Комар в пальто!

— Хе-хе. Смешно. Комар, наверное, опять проголодался? — подозрительно сощурилась Белла.

— Нет, есть не хочу, имел удовольствие пообщаться с неким субъектом, до сих пор ощущаю в себе присутствие дешёвого алкоголя, — Эдвард повертел в руках ингалятор. — Лекарство от астмы — это уже будет перебор.

Эдвард недолго изучал бледное девичье лицо с тёмными кругами под глазами, мученическое выражение которого говорило о крайней озабоченности дыханием.

— Тебе бы не повредило продышаться свежим воздухом, — заключил гость.

— Пошутил, да? Где ты его возьмёшь? Даже окна не рекомендуют открывать...

— А мы повыше поднимемся. Одевайся потеплее, шапку там, куртку, сапожки.

Белла безразлично уставилась в одну точку.

— Соглашайся, будет интересно.

Неожиданно Белла, как лунатик, на автомате выполнила команду, принеся из прихожей уличные вещи и кое-как напялив их на себя.

Собака радостно виляла хвостом в предчувствии прогулки.

— Буля, место. Сидеть, ждать, — скомандовала хозяйка, голос её был совсем слабым.

Сердобольная Буля послушалась, но издала жалобный звук.

Эдвард деловито пристегнул девушку к торсу своими же подтяжками, распушил плащ, одной рукой крепко обнял Беллу за талию, другую — с маленькой шпагой — высоко поднял над головой, и фантастические

планеристы, проткнув, словно иголка ткань, потолки, полы и перекрытия, вылетели на крышу Беллиной многоэтажки.

Кромешная темнота окружила их: ни звёзд, ни луны не видно, всё накрыл зловещий колпак городского смога.

— Готова? — прошептал в ухо Беллы Эдвард.

— Да! — с гибельным восторгом ответила ошарашенная происходящим Белла.

Он снова поднял шпажку, и пара мгновенно «прошла» смрадную пелену.

...Разрежённый морозный воздух был чист, непорочен и восхитительно благоухал талым снегом, разрезанным огурчиком, серебряным озоном... Пронзительная свежесть вливалась в измученные альвеолы девушки, проделывая чудеса восстановления.

Пара висела в пространстве, бесстыдно нарушая закон тяготения, а внизу расплывчато, словно через линзу, блестел огнями город.

Утром мать Беллы тихонько приоткрыла дверь комнаты дочери.

— Как ты, Белочка, пойдёшь сегодня в школу? — озабоченно произнесла она и, не услышав ответа, на цыпочках приблизилась к кровати.

Странная картина предстала её глазам.

Дочь крепко спала, полностью одетая в куртку, шапку, ботинки и варежки.

Дыхание её было лёгким — невидным, неслышным — так и должен дышать здоровый человек.

4. ПЛАНЫ НА ЖИЗНЬ И НЕМНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

— Ещё только десятый класс, а уже плющат с ЕГЭ не по-детски, — ворчал Пашка, шарясь в ноутбуке в поисках сочинения по многострадальной Катерине из знаменитой пьесы Островского. — Прикинь, что в одиннадцатом будет — не продохнёшь от репетиторов. Белка, дай списать это чёртово сочинение. Ты же написала уже? Мы в разных школах, хоть раз меня похвалит наша литераторша.

Белла усмехнулась. Она немного завидовала другу, его безмятежной обеспеченной жизни с вполне ясными перспективами, всё-таки единственный сыночек известных учёных.

Родители Беллы, чтобы отбить покупку своей «двушки» с видом на кладбище, занимались тяжкой работой — ремонтами квартир. Приходили домой поздно в состоянии «ни петь, ни рисовать», смывали в душе строительную пыль, отряхивали с души тоску за просмотром сериала, под него и засыпали.

Белле стыдно было грузить родителей ещё и своей учёбой, поэтому училась она отменно. Пашка трудолюбием не отличался, разбрасываясь, занимаясь и тем и сем, беспечно зарывая в землю свои математические способности.

— Вчера предки опять наехали: что ты будешь делать в жизни, чем заниматься, определяйся уже, готовься! — продолжил ныть Пашка. — А откуда я в пятнадцать лет должен знать про дело жизни? Мне вот нравятся такие маленькие юркие бульдозерчики — бобкэт, видела? Могу часами смотреть, как они шустро крутятся, снег чистят или выравнивают землю в труднодоступных местах... Так я отцу и ляпнул, что хочу стать водителем бобкэта, бульдозеристом. Что тут началось!

Пашка закатил глаза.

— А я буду делать карьеру, — решительно заявила Белла. — Сдавать ЕГЭ на столик и валить отсюда в Питер. Заработаю кучу денег, помогу родителям...

— Ничо си, — Пашка изумлённо округлил глаза. — Вот так романтическая Ахматова, Белочка-карьеристка с пушистым хвостиком!

Белла стянула руку приятеля со своих волос.

— Ахтямова, — строго поправила приятеля.

— Белла Ахтямова, — со смаком произнёс Пашка, покатав звуки на языке, будто слышал первый раз. Озабоченно спросил: — Ты татарка, что ли?

— На четверть. Мама русская, у папы мать тоже русская, а отец татарин. А что, для тебя это имеет значение?

— Нет, всё путём. Понятно теперь, почему тебя назвали Беллой. У татар принято девчонок называть красиво. Прикинь, у нас в классе парень есть, Расим, так его сестру зовут Венерой! А она, как на грех, такая пухленькая, знаешь, далёкая от классических стандартов красоты.

Пашка добродушно рассмеялся, потом оглядел Беллу с головы до ног. — Лучше бы тебя не Беллой, а Венерой назвали, тебе б пошло, ты фигуристая, — он изобразил в воздухе волнистую линию.

Белла рыжей кошкой метнулась на приятеля, тот помчался от неё в коридор, Буля с лаем рванула за ребятами. Энергичная кутерьма и возня закончились убедительной победой собаки, которая стала передними лапами на грудь поверженному Пашке, после чего подростки, задыхаясь от смеха, кинулись на пол и уселись рядом, спиной к дивану.

Отдышавшись, Белла заговорщицки объявила:

— У меня вчера опять было свидание.

— О, всё-таки романтика присутствует в твоей жизни! Рад за тебя. Что, опять наш кровососущий герой появился на сцене?

Пашка юродствовал, стараясь скрыть настоящие эмоции, в которых присутствовали ревность, ну совсем чуть-чуть, и неясное беспокойство. Он выслушал рассказ Беллы, не перебивая, делая «большие глаза» в нужных местах, изумлённо хмыкая и поощряя подругу к ещё большей откровенности.

И вот она замолчала.

— Белка, может, тебе от учёбы и астмы «кукушечку» сорвало? — заключил Пашка.

— Какой же ты всё-таки подлый! — вознегодовала Белла.

Чуть ли не слёзы выступили у девочки. Опять он её обхитрил. Выспрашивал с таким сочувствием и видимой заинтересованностью, чтобы насмеяться теперь.

— Сколько раз я себе говорила, что нельзя доверять, особенно тебе! Какой ты всё-таки...

— Конечно, мне доверять нельзя, а вот с чужим мужиком в стратосфере кувыраться можно!

— Да ты дурак, что ли?! Он же меня вылечил, мама скорую хотела вызвать, так мне было плохо. Может, мне это снится или грезится, но я точно не сумасшедшая.

— А ты не находишь, что эти твои приключения принимают опасный поворот? Вот ткнёт он тебя этой шпажкой и всю кровь высосет! — Пашка страшно вытаращил глаза.

Белла замолчала. Она вдруг вспомнила одну вещь. В детстве у неё была книжка «Муха-Цокотуха» с чудесными картинками. У комарика в книжке на поясе висела шпага, как сейчас поняла Белла, хотя в тексте Чуковского комарик именно «саблю вынимает», а не шпагу. Шпага — тот маленький ключик, который открыл тайную дверцу к бездне бессознательной мешанины образов и смутных проблесков... Здесь всё — сны, мечты, впечатления и грёзы, все личные сокровища — вещи, о которых вы забыли, но можете вспомнить внезапно и снова забыть. До Беллы что-то медленно доходило, какой-то прорыв... ясность... Она уже готова была воскликнуть: «Так вот оно что!» — но всё снова ускользало, проваливалось в песок...

«Господи, неужели это всё мои фантазии и глюки?» — всполошилась Белла.

Вопрос Пашки вывел Беллу из задумчивости.

— Я вот не понял, как вы всё-таки такую твердь, — Павел стукнул кулаком о стену, — пробили своими телами?

— Ну ты же прекрасно знаешь, что твёрдое только кажется твёрдым, на самом деле между частицами огромные дыры — пустоты. Почему я тебе должна это объяснять, ты же в инженерном классе... Короче, стена — это как бы сито, а моё тело — как бы мука, и я спокойно просачиваюсь сквозь пустоты между частицами.

Пашка не удержался — покрутил пальцем у виска.

Белла сидела тихая и грустная. Ей хотелось побыстрее вытолкать гостя из дома и углубиться в размышления.

5. МАМА СТАВИТ «КРОВАВУЮ» ТОЧКУ

— Мам, отдохни, я в понедельник приду из школы и уберусь, ещё воскресенье на уборку тратить, — Белла увещевала маму, активно шурующую шваброй во всех углах.

— Белочка, да мне в радость в кои веки в своём доме навести красоту. Знаешь, как надоело в чужих квартирах батрачить!

Екатерина Андреевна очень похожа на свою дочь, тоже рыже-волосая и, как говорит Пашка, фигуристая — только к Белле следует прибавить килограммов пятнадцать. Когда работа позволяла ей передышку, энергия плескалась в ней безудержно, как волна о берег. Она летала по дому, мыла полы, окна, стирала, готовила всякую вкусноту. Собака смотрела на аттракцион наведения чистоты с подозрением, потому что вся эта деятельность обычно заканчивалась мытьём Були в ванной, что ей очень не нравилось. Как все псины, она была убеждена, что и так пахнет восхитительно.

Екатерина Андреевна принялась за мытьё окна. Вид на кладбище её не смущал, она довольное шурилась на скупые лучи закатного солнца, ласково заглядывающего ей в лицо. Энергично работая тряпкой, она напевала.

— Ой, Бельчонок, смотри, какой комар крупный взялся откуда-то! Пригрелся на солнышке, осень ему нипочём! — крикнула мама.

Белла стремглав бросилась к окну, но опоздала...

— Мама, что ты наделала?!

— А что я сделала?

— Зачем ты его раздавила?!

— А что надо было сделать? Засушить на память? — мама засмеялась, ей непонятна была реакция дочери.

А Белла с ужасом смотрела на красно-серое пятно на подоконнике...

6. КОНЕЦ ГРЁЗАМ

Прошёл месяц после маминого невинного злодейства. Никаких мистических событий за это время больше не случилось.

— Ай да Катерина Андреевна, вот удалая женщина! — веселился Пашка. — Не переживай, Белка, за дружка своего. Если комар — то ему всё равно пипец, зиму не пережить, а если вампир — так что ему сделается? Типа бессмертный же!

Паша и Белла совершали вечерний моцион с Булей, которая энергично радовалась зимней прогулке, тянула поводок и то и дело совала морду в снег, вынюхивая там что-то.

Руки в перчатках замёрзли. Белла пожалела, что не надела тёплые варежки.

— Холодно? — проявил заботу Паша. — Давай мне поводок. А ты вот что... Сделай фигурки.

— Зачем? — засмеялась Белла.

— Тебе дело говорят! Сделай фигурки и засунь в карманы — руки быстро согреются, вот увидишь!

Белла послушалась.

Пашка с удовольствием оглядел подружку, её зимний вид ему понравился.

— Прекрасно выглядишь. Зелёная шапочка тебе идёт — с рыжими волосами классно смотрится, всегда такую носи.

— По-моему, ты подлизываешься. Сочинение опять не сдал? — подзрительно сощурилась Белла.

— Да жуть какая-то, задают по два сочинения в неделю, а я что — писатель?

— Тренируйся, часть «с» в ЕГЭ никто за тебя не напишет.

— Да лан, не лечи хоть ты меня.

Паша скатал крупный снежок и кинул Буле. Собака разгрызла комок и смешно мотала башкой, отряхивая снег с брыл.

— Паша, как думаешь, я справлюсь с профильным уровнем по математике? Это бы существенно расширило мои перспективы.

— Конечно, осилишь, карьеристка ты наша! — обрадовался Пашка. — У тебя же есть я! В математике я прекрасен!

Снег повалил хлопьями, налипая на волосы и ресницы. Он преобразил улицу, накрыв все несовершенства ласковым прохладным одеялом. Вокруг уличного фонаря кружились в бесконечном танце беспечные снежинки.

Буля с энтузиазмом ловила пастью белые вкусные хлопья.

Ребята застыли и, подняв лица к небу, молча наблюдали снегопад, которому, казалось, не будет конца.

Николай Кавин

Разговоры у печки

Прошло двадцать лет, как мы осиротели, как ушёл от нас человек, присутствие которого в нашей жизни мы ощущали даже на расстоянии. Прикосновение к его литературному творчеству, к его очеркам-размышлениям о бытии человека на земле придавало нам силы, уверенности, осмысленности. А те, кому повезло общаться с Астафьевым, запомнили эти встречи навсегда.

Сегодня нам дорого всё, связанное с Виктором Петровичем. Каждый новый факт биографии, неизвестные воспоминания, записи бесед с ним дополняют в нашем сознании образ этого могучего русского таланта.

Мне, как журналисту «Радио России — Санкт-Петербург», посчастливилось много раз общаться с Астафьевым в Красноярске, в его летней «резиденции» — селе Овсянка, в Петербурге и записать для «Радио России» несколько бесед с ним. Они не только прозвучали в эфире, но и были опубликованы в красноярском журнале «День и ночь» (№7-8/2002) в первую годовщину кончины писателя и в петербургской «Звезде» (№5/2009) к 85-летию со дня рождения В. П. Астафьева.

В Овсянке в день 70-летия В. П. Астафьева я познакомился с петербургским кинорежиссёром-документалистом *Михаилом Сергеевичем Литвяковым*, который снял четыре фильма об Астафьеве, много раз бывал в Красноярске и в Овсянке.

Очередной его приезд со съёмочной группой «Леннаучфильма» на родину Астафьева пришёлся на середину сентября 1998 года, когда в Овсянке по инициативе Астафьева открыли и освятили церковь и проходили вторые Провинциальные литературные чтения, на которые приехало много гостей. Был среди них и народный артист СССР *Олег Павлович Табаков*. В плотном графике мероприятий писатель и артист нашли несколько минут пообщаться за хлебосольным сибирским столом. А киношники — тут как тут. Снимали их встречу. Запись её, к счастью, сохранилась в архиве кинорежиссёра Михаила Литвякова, и он любезно предоставил её для публикации.

ТЯГА К ИСКУССТВУ

*Беседа Виктора Петровича Астафьева с народным артистом СССР
Олегом Павловичем Табаковым (с. Овсянка, 16 сентября 1998 г.)*

В. П. АСТАФЬЕВ. Ты когда-нибудь слышал что-нибудь о суточной церкви?

- О. П. ТАБАКОВ. Нет.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Вот за три недели построили нашу церковь. За три недели!
- О. П. ТАБАКОВ. Красивая...
- В. П. АСТАФЬЕВ. Вчера перед Чтениями открыли и освятили церковь. А про суточную не слышал?
- О. П. ТАБАКОВ. Нет.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Последнюю суточную российскую церковь истребили в Витебске. При мне истребили в Вологде, остатки её. На России суточных церквей не осталось ни одной. Вот так мы умеем хранить нашу историю. Нет чтобы закрепить химикалиями...
- СОБЕСЕДНИЦА. Подождите. Есть где-то. На Соловках.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Суточная?
- СОБЕСЕДНИЦА. Суточная церковь.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Уцелела?
- СОБЕСЕДНИЦА. Построена на острове. Пётр Первый строил. От восхода до заката должны были поставить часовню. Сохранилась, или её восстановили.
- В. П. АСТАФЬЕВ. В Вологде строили трижды. Всякий раз, когда началась холера. Всякая эпидемия сразу ослабляет инициативу, дух, силу человека. Люди сидят и умирают. Ждут смерти и молятся. А сейчас просто водку пьют, это как «пир во время чумы». И тогда придумали вот эти самые суточные церкви. Весь город, какое население может, поднимается. Одни валят лес, сучья обрубаят, другие везут, третьи начинают её рубить. Освятить её надо на закате солнца. С восходом начать строить, в тот же день рубить лес, а вечером освятить. Она, конечно, эстетики особой не имеет...
- О. П. ТАБАКОВ. Не в этом дело.
- СОБЕСЕДНИЦА. Обычно часовни таким образом делали.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Церковь. Церковь. Большую. Народу-то много. Вот как в Вологде — шестьдесят пять тысяч населения тогда было. И прямо из долготья. Тут собираются все, рубят окно на восход, ну, куда полагается Богу молиться. Ставят на небольшой шалашик крестик, и всё. Вечером начинают молиться. После всех трёх разов холеру в Вологде снимало. Считали: чудо, чудо, чудо. А мне сказали: чудо чудом, но это просто возбуждение человеческих сил, доказательство себе, что мы чего-то можем, колотуха. Они там братались. И болезнь отступала. Болезнь поражает недужных. Как Россию сейчас. Больная Россия, вот её и поражает.
- О. П. ТАБАКОВ. Станиславский с Немировичем пишут друг другу, и такая формулировка дважды проскальзывает: «В театр не ходят бедные и больные. В театр ходят здоровые и богатые». Это к тому,

что «исцелился сначала сам», пошли эту энергию. Люди ходят в театр в каком-то смысле как в церковь. Соотносят свой опыт и то, что они видят. Либо утверждают в том, что они правильно живут, либо наоборот. Так, по-моему. Это про то, зачем ходят в театр. А кто ходит? Раньше ходили на то, что ругали в газете «Правда», а теперь ходят совсем по другим причинам. Потому что у меня есть в кармане, и я могу. Но вот самое удивительное, что я видел, — это в Кишинёве. Уже семь часов, пора начинать спектакль, толпа человек триста требует: «Пустите!» — «Как пустите? У вас билеты есть?» — «Нет, — говорят, — но мы очень хотим». Это я к тому, что неистребима всё-таки эта потребность человеческая.

В. П. АСТАФЬЕВ. Ну, в «Вена Опера» стоячие места есть. Стоячие места для студентов.

О. П. ТАБАКОВ. Их так и пускали. Начинается спектакль, и они заполняют все пустые места. Я хочу сказать, что люди в театр-то ходят духу набраться, если по-простому сказать. Мама моя после войны немного денег имела, врач была, работала с полдевятого до полдевятого, на двух ставках, она была рентгенолог. Чтобы нас учить с сестрой сводной. А когда приехал первый раз в Саратов Вертинский, собрала нас вечером, ужинаем, она и говорит: «Вот, детки, у нас денег осталось столько-то. Я бы очень хотела пойти. Можно мне?» Мы, конечно: «Давай иди». Это я к тому, что запасы слёз и смеха, они примерно одни и те же. Был социализм развитой, сейчас этот капитализм с базарным лицом, а человек...

В. П. АСТАФЬЕВ. Пока человека «изготавливают» всё тем же устаревшим способом...

О. П. ТАБАКОВ. Конечно. Никакого другого критерия нет. Люди ходят в театр подзарядиться. И всё.

В. П. АСТАФЬЕВ. А иногда и отдохнуть.

О. П. ТАБАКОВ. Конечно. В каком-то смысле — как в церковь. В России особенно. Вот я смотрю, в Германии — там для другого ходят. Или где-нибудь ещё. А в России — подзарядиться. Причём даже в таких местах, где живут скромно. Вот мы приехали, скажем, в Саратов лет пять назад, там ещё было худо. Это сейчас маленько они поднялись, у них в прошлом году был хороший урожай, по-моему, семь миллионов тонн они собрали зерна.

В. П. АСТАФЬЕВ. Нынче опять нету. А у нас второе лето подряд урожай. Лето замечательное было. Первый день сегодня непогожий.

О. П. ТАБАКОВ. Продолжу про Саратов. И вот, несмотря на все эти трудности, всё равно толпа народу. Ну, может, можно сделать поправку, что земляк приехал. Но не только в этом дело. А вот в этой потребности какой-то неизбывной. Прямо тянет их в театр.

В. П. АСТАФЬЕВ. У тебя, по-моему, земляк Михайлов ещё?

- О. П. ТАБАКОВ. Да.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Он в Малом сейчас?
- О. П. ТАБАКОВ. Да.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Царя Фёдора играет?
- О. П. ТАБАКОВ. Да. И не только. Янковский в театре Ленинского комсомола, в «Современнике» — Лиля Толмачёва. Из Саратова несколько человек вышли. У нас вот Женька Миронов.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Сейчас модный артист. В кино-то снялся несколько раз он. Хлёстко, особенно в «Мусульманине». Сейчас они где-то там собрались, Миронов, ещё-ещё кто-то...
- О. П. ТАБАКОВ. Да, с Нонной Мордюковой.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Маму она играет. Это, помните, самолёт-то захватывали музыканты? Примерно по этому сюжету.
- О. П. ТАБАКОВ. «Семь Симеонов». Ладно, ехать надо, Виктор Петрович. Дай Бог здоровья. Марье Семёновне поклон низкий.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Обязательно. Она обрадуется.
- О. П. ТАБАКОВ. Здоровья вам, а всё остальное образуется.
- В. П. АСТАФЬЕВ. Ну, давай на дорожку. Ну, мужики, киношники, по рюмочке?.. Нет? Им искусство главное. «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». А я обхохмил это, написал «затесь» «Большая эпидемия». Надо будет тебе подарить. Столетию кино я посвятил её. Как мы в «очко» в сортире лазили, чтоб только увидеть это искусство. В Игарке, в детском доме. Вычистят. Мёрзло, ничего. Если кого не вырвет. Одному купим за тридцать копеек билет, проходит и начинает за шкирку вытаскивать остальных в «очко». Так попадали на кино. Кино ставили в театре драматическом. Чего мы только не делали. А самое главное, я обхохмил, что смотрели «Пышку» на гвоздях в клубе. Две печки-голландки были соединены, трубы идут, и между ними расстояние. А я прочитал эту «Пышку» и дуракам нашим рассказал. Конечно, рассказал с подтекстом, с воображением, что там должно быть. И вот они всё время лезут эту «Пышку» посмотреть. И мы открыли истопню-то, там дрова лежат, по дровам взбираемся наверх и смотрим. Жарко. Пузо жжёт. Все ждут, когда это будет, что я рассказывал-то. А фильм целомудренный, прекрасный, замечательный. Играют актёры Файт и Сергеева, замечательно играют. Ну а потом разоблачили нас. А времена-то какие были? Нет чтобы пнуть, выгнать, чтоб мы не лезли. Взяли доску такую толстую, гвоздей набили, чтоб мы не лезли, и положили. А мы украли старые ватные брюки, телогрейку, попону с конного двора, сена, положили и смотрим. А «эпидемия» отчего? Всё равно же всё не закроешь, гвозди-то острые, и у нас пятнышки появились на теле, накололи. А в детском доме же чего боятся? Вшей и сыпи какой-нибудь, чесотки. Кто-то

из малых увидел: о, у них, у парнишек, чесотка. Меня цап — и к врачу. Врач был пожилой, ссыльный (там только ссыльные). Он долго не мог понять. «Чего?» — «Ну, вот мы лежали на доске, в доску гвозди этот вбил (матом завхоза или парторга). Вот мы на гвоздях лежали, кино смотрели». Он, бедный, аж очки уронил. Вот вам и «важнейшее из всех искусств». Лазили в «очко», на гвоздях смотрели, но смотрели. Вот какая тяга к искусству была.

О. П. ТАБАКОВ. Ну, ладно, идтить надо. Спасибо.

В. П. АСТАФЬЕВ. Ну, Олег, я как-нибудь умудрюсь тебе вручить своё собрание сочинений...

Один любопытный эпизод остался для многочисленных участников праздника «за кадром». Режиссёр М. С. Литвяков придумал эпизод, в котором Виктор Петрович сидит в своей деревенской избе у открытой дверцы печки и о чём-то размышляет, за кадром звучит его голос, а на лице — отблески огня.

Эти несколько секунд экранного времени снимали не менее получаса — надо было выставить свет, найти ракурс и прочие киношные хитрости. А поскольку это был не «синхрон», то есть эпизод снимался без записи звука, то во время подготовки и съёмки у киношников с Виктором Петровичем завязался разговор — не каждый день общаешься с таким выдающимся человеком. Каждому было интересно узнать, что думает Астафьев по поводу тех или иных проблем бытия.

И тут надо сказать спасибо звукооператору съёмочной группы. Понимая значимость личности В. П. Астафьева и то, что каждое слово писателя-мыслителя дорого для всех нас, он записал этот разговор, хотя понимал, что в картину он не войдёт.

И эта запись, к счастью, сохранилась в архиве М. С. Литвякова, он её любезно передал автору этих строк, и сегодня мы можем восстановить «разговор у печки», который происходил более двадцати трёх лет назад.

ЛЮБИТЬ БЛИЖНЕГО СВОЕГО

Разговор со съёмочной группой киностудии «Леннаучфильм»

(с. Овсянка, 17 сентября 1998 года)

В. П. АСТАФЬЕВ (*разжигая печь*). Газетой разжигая. Вы хоть это не снимайте. А то будут потом говорить: «Таёжник, а газетой „Завтра“ разжигает печку». Где-то тут должна быть лучина, береста... Всё в ажуре. Миша, рыбу прислали наши знакомые. Васька привозил. Васька же сейчас стал главой администрации. Чудак тоже, каких свет не видел. Судится, прокурора снимает. В общем, тратит время на то, что борется. Но ведь надо не только бороться, но и работать, помогать, зарплату людям платить. А он борется. Сейчас в Енисейске уже не рады этому борцу, что выбрали его. Сейчас начал бороться с начальником охотнадзора. Ну, жулик тот, конечно, и вор,

но раз ты выбран главой администрации, значит, у тебя должны быть и другие дела. Понравилось ему выступать по телевидению...

Вопрос. Виктор Петрович, не уходите с этого места, потому что огонь лицо отсвечивает хорошо. Получается кадр.

В. П. Астафьев. Кадр, чёрт подери (*непечатное выражение*). Шварценеггер овсянский.

Вопрос. Виктор Петрович, как вы считаете, Россия счастливая страна или нет?

В. П. Астафьев. Вот ничего себе вопросик. Никогда она счастливой не была, уже и не будет. В таком буржуйском понимании. Её всё время какие-то оккупанты, то свои, то чужие, одолевают. Всё ей хлеба не хватает. Ума не хватает при таком изобилии земли. Когда я японцу одному сказал, посмотрев, как они хлеб насущный добывают: «Вот вам бы наши просторы и землю нашу», — он сказал: «И мы стали бы такие же ленивые, как вы».

Вопрос. Вот раньше за вашей «Царь-рыбой» охотились, чтоб прочитать, а теперь она как бы утонула в море бульварного западного чтива. Что, народ, что ли, наш поглупел?

В. П. Астафьев. Да ничего она не утонула. Многие её прочли, и ещё многие читают. Как шло, так и идёт. Количество читателей по сравнению с тринадцатым годом (хороших читателей, настоящих) ни убывало, ни прибывало. В одиннадцатом году Чарскую читали в сто раз больше, чем Льва Толстого, и Вербицкую в вашей петербургской библиотеке. Мне сказали: и сейчас так же. Читают и Чарскую, и Вербицкую, и Маринину — современную Чарскую. Она дворец себе купила, а я вон избушку топлю. Так было всегда, так и будет.

Вопрос. А писатели русские ничего не пишут почему-то.

В. П. Астафьев. Как это не пишут?! Кто тебе сказал?

Вопрос. Ну нет ничего.

В. П. Астафьев. Как это нет? Журналы ежемесячно выходят с очень приличной литературой. Вы ничего не читаете, так и скажите. Что вы засираете себе и нам мозги-то? Маленько надо следить, читать. А то вам кто-то сказал за кружкой пива в петербургской пивнушке, что ничего не пишут. Пишут, очень много пишут. Пишут плохого, как всегда, много, пишут и хорошие вещи. Эпохальных нет, так время такое. Каково время, такова и литература. Но будет готовиться для неё почва. Как будто на Руси не было безвременья. Будто всё время были Пушкины, Лермонтовы и Толстые. Вон ребята сидят здесь, на Чтениях, крепкие какие. Жаль, не приехал Олег Павлов. Алёша здесь... Ну, Лёня Бородин, само собой. Миша Кураев.

Вопрос. А почему она такая, действительно, всё время была, что её грабят?

В. П. Астафьев. Россия-то? Какая была, такая и есть. Она не менялась.

Вопрос. От кого это всё-таки зависит?

В. П. Астафьев. А я откуда знаю от кого? Ты знаешь?

Вопрос. Вы же писатель, философ!

В. П. Астафьев. Ну и что? Хоть писатель, хоть кто. Живу здесь. Родился бы в другой стране, может быть, и лучше был. Тоже бы не осознавал, где живу. Ты думаешь, голландцы или шотландцы, датчане, которые живут прекрасно, осознают, что они живут счастливо? Живут и живут, это их естественное существование. Так и мы живём. Наша жизнь достойна нас, и мы достойны этой жизни. И правительства своего достойны. И оно нас достойно. И нечего тут орать, пузыриться, пускать волны, как нынче говорят. Мы достойны той жизни, которая у нас есть. Мы её сами сотворили, никто нам её не творил. Не американцы никакие. Это всё сказки этих полоумков красных. Большевички всё на американцев пеняют: «Богатство наше забрали, девок наших забрали, картошку нашу сожрали». А хохлы говорят: «Москали сало зъили». Всё время ищем виноватых.

Вопрос. Есть в России счастливые люди?

В. П. Астафьев. Если здоровье есть, о нём не говорят. Так и о счастье. Если оно есть, тоже о нём не говорят и не замечают его. Понятие счастья — такое растяжимое понятие. Один, вчера голодный, нажрался хлеба и картошки — и уже счастлив. А другому — и вагона хлеба мало. А третьему всей страны сожрать мало, надо ещё какую-нибудь соседнюю сожрать. А вы такие вопросы задаёте, детские. В детском саду задавай. Там тебе скажут: «Есть, дядя, счастье. Сегодня мама мне дала конфетку. Я очень счастлив». Вот какая-то девочка прыгала и кричала. Барабанщик какой-то в Москву знаменитый приехал. «Как я счастлива, я увижу его при моей жизни». А ей лет восемнадцать. Прыгает и орёт.

Вопрос. Ну так ведь счастлива.

В. П. Астафьев. Прыгает, сияет вся. Всяк по-своему радуется. По Ерёмке шапка.

Вопрос. Виктор Петрович, можно ещё повернуться?

В. П. Астафьев. Опять? Ну что ты... Спина болит... Ну чего тебе надо ещё? Я отыграл так, что на киностудии бы уже пятую ставку с вас сорвали. А я задаром играю вам. Шварценеггера. Живьём сжигаю тело... Вот дымить начало...

Вопрос. Виктор Петрович, литература затерялась, как сейчас говорят, в виртуальном пространстве...

В. П. Астафьев. Где затерялась? Ничего в мире не теряется, ничего не исчезает.

- Вопрос. Ни фильмов не смотрит, ни книг не читает молодёжь. Ничего они не знают.
- В. П. Астафьев. Да как ничего? Кому надо — читают. Умные читают, дураки не читают. Так всегда было. Масса читает массовую литературу. В библиотеку попасть нельзя. Для покупки многие книги недоступны, а библиотеки переполнены. Идёт возврат к классике.
- Вопрос. Никто не читает, все смотрят видеозаписи.
- В. П. Астафьев. Вчера на конференции всё в цифрах вам было доложено: кто что читает, сколько. Для этого и собрались.
- Вопрос. Виктор Петрович, ещё вот нужно так же поговорить и немного нагнуться к печке.
- В. П. Астафьев. Я скоро упаду туда... Я посетил как-то в Екатеринбурге одного детского писателя, прикованного к постели. Он издавался много, печатался. Его навещали друзья, выпить мог, поговорить, фотографировал лёжа, птичек держал. Матрёна Ивановна, мать у него была, ухаживала за ним. Всё вроде хорошо. Остались мы вдвоём, он и говорит: «Витя! Виктор Петрович! Вот если бы один день мне встать на ноги, пройтись по Свердловску, просто посмотреть, как люди ходят, пройтись по парку, это было бы высочайшим счастьем для меня. Я готов всё остальное отдать и тут же умереть». Вот так. Так что одному нужно нажраться до полного кайфа, а другому... Понятие счастья... Как-то приучила нас советская власть оперировать такими терминами, как «счастье», «свобода», «Родина-мать». Запросто произносить «любовь», «ненависть». Подумать бы немножко. Поэтому и оказались мы во время перестройки не готовы ни к чему: ни к мысли, ни к произношению громких слов, ни к действию, ни к работе. И все спрашивают: «Что такое счастье?» и «Куда денется Россия?» Всё-таки надежда-то была, что перестройку будут осуществлять ни Ельцин, ни Горбачёв, ни кто-то третий ещё, народ будет осуществлять. Он будет работать, а эти будут им руководить. Но «руководители» давай воровать, «тащиловкой», пьянством заниматься. А какая-то маленькая часть действительно работающих страдает, не получая зарплаты, удовлетворения от своего труда. Та, которая заслуживала как раз того, чтоб и платили ей как следует, и жизнь её обеспечили. Бывшие коммунисты всё порастащили, у них было всё в руках. А сейчас они кричат о возврате власти (смотрите, сколько удобных случаев было) и не возвращают. Потому что, находясь у власти, надо отвечать. Надо кормить народ. Они знают, что всё разворовано ими же. А самим своё отдавать не хочется. Вот и орут. Горло широкое, рот откроют. Тут есть какой-то Божий знак: чем сейчас хуже в России, тем толще и красней морда у Зюганова. Это какое-то Божье наказание. Он сам-то дурак и не понимает этого. Ему бы не показываться народу-то. И орать хотя бы по радио, где

не видно. А он орёт в телевизор. А тут видно же. День ото дня морда толще и красней. И наглей.

Вопрос. Но ведь правду говорят, что коммунисты никуда и не уходили?

В. П. Астафьев. Не уходили, остались на месте, просто они знали, как ловчей украсть. Они всегда были воры. Но не было позволено — боялись. Кое-кого из них сажали, иногда стреляли. А тут полная свобода получилась. Свободу использовали для воровства, для пьянства, для разгильдяйства. Вон всюду тучи бомжей, среди них половина настоящих мужиков, которые могли бы работать, но подались в бомжи. Там полная независимость и свобода. А сколько он проживёт, этим никто не интересуется. Все их жалеют. Все о них пишут, пытаются помочь. В кино показывают.

Вопрос. Но надежда-то есть выскочить из этого круга?

В. П. Астафьев. Надежда всегда есть. Надежда на Бога, что Он нам поможет, помнит о нас.

Вопрос. Огонь не горит. Плохо. Надо, чтобы пламя было. Газеты, может, подбросить?

В. П. Астафьев. Пламя тебе надо. «Революционное», ещё скажи.

Вопрос. «Правду» вон ту старую можно туда запихать? Горит-то «Правда» коммунистическая, советская, наверное, хорошо?

В. П. Астафьев. Я её никогда не выписывал и не читал. Начнём с этого. А бумаги и другой до хрена. Если надо тебе пламя, то и «Наш современник» хорошо горит. Это старый как раз «Современник», периода, когда я в нём работал. Не нынешний, не фашиствующий. Ну, хватит тебе пламени? Опять закоптил избушку.

Вопрос. Виктор Петрович, вы ещё будете писать «о времени, о себе»?

В. П. Астафьев. Не буду.

Вопрос. Время же требует, чтобы писатель работал.

В. П. Астафьев. Я хочу подлечиться, отдохнуть. От вас время требует, чтобы вы работали. От трудящихся. Я своё отработал, мне семьдесят пять лет. Итог подвёл — издал собрание сочинений. Всё! Не приставайте ко мне!

Вопрос. А как вы относитесь к Лебедю?

В. П. Астафьев. А никак. К бабе вот к своей хорошо относился и отношусь, это я могу сказать. А почему я должен как-то к нему относиться?

Вопрос. У нас женщины все: «Ой, Лебедь, ой, Лебедь...»

В. П. Астафьев. Ну так он самец. На вид-то самец. Скажи им, что не отломится, баба у него хорошая... Дымит, курва.

Вопрос. А почему не приехал Распутин?

В. П. Астафьев. Он красный, не хочет брататься с этой шоблой.

Вопрос. ...Которая приехала?

В. П. АСТАФЬЕВ. Да.

Вопрос. А может быть, он прав?

В. П. АСТАФЬЕВ. Ну, наверное, прав по-своему. У него есть интервью-выступление в Петербурге на пленуме, напечатанное в приложении к газете «Завтра». Всё он объяснил, свою позицию: нечего брататься с теми, «кто изменил Родине, народу».

Вопрос. Но многие ведь изменили.

В. П. АСТАФЬЕВ. А если наоборот? Если он изменил?

Вопрос. Смотря в какой степени.

В. П. АСТАФЬЕВ. Ах, степень? Я не кладовщик и не продавец, чтобы степень измены на весах определять.

Вопрос. Степень определяется в зависимости от того, сколько людей погубил он своими мыслями. Наверное, так? Но и телевидение же губит людей!

В. П. АСТАФЬЕВ. А литература что делала с людьми? Революцию кто сделал семнадцатого года? Наслал на нас Беса? Сделала интеллигенция, та же литература, тот же театр. Зараза эта. Не зря её вешали.

Вопрос. А почему она такая кровожадная оказалась, интеллигенция?

В. П. АСТАФЬЕВ. Она не кровожадная. Она делает тихо, как вошь. Грызёт только душу, не тело. Мы сами себе мешаем. Не хотим работать.

Вопрос. Оно мешает нам всем.

В. П. АСТАФЬЕВ. Телевидение? Да неправда. Добрым людям, разумным, не мешает. Наоборот, помогает развиваться. Что мешает, то отключай. Что тебе охота смотреть — смотри, развивайся... Я увидел массу прекрасных передач, поучительных, узнал многое через телевидение, то, чего раньше не знал и никогда бы не увидел. Хотя бы те же передачи «Клуб кинопутешествий», о редких животных, из Третьяковской галереи о шедеврах наших. И много-много из театра. Нашли самых виноватых — американцев и телевидение.

Вопрос. Почему отдали рынок американскому телевидению, американским фильмам? Забили весь экран.

В. П. АСТАФЬЕВ. Потому что самые дешёвые фильмы. Американцы их не смотрят, но поставляют Африке и нам. Что ж, американцы виноваты, что мы на уровне с Африкой живём? И сознание наше на уровне чернож...ых. Вот нашлись патриоты, врагов ищут. Американцу этому достаётся с двадцатых годов. Всё он нас якобы поедом ест. Я тебе встречный вопрос задам: а надо, чтоб оно, телевидение, осталось?

Вопрос. Надо. Вы же «инженер человеческих душ», о душе думаете. А душа славянская, русская, она исчезает! Почему?

В. П. АСТАФЬЕВ. Это я тебя хочу спросить, раз ты веришь: почему? Плохо веришь, да? Некрепко так, неуверенно? Потрепаться лишь

бы на этот предмет. Славяне... Патриоты... «Третий Рим»... «Святая Русь»... Это кликушеством называется, между прочим, когда проповедуют то, чего на самом деле нет. Сами же проср... ли Россию и пропили. А вину сваливаем на американцев и сионистов. Американцы и сионисты всегда были и будут. А вот мы будем ли?

Вопрос. А почему у нас такая манера — вечно искать врагов?

В. П. Астафьев. Когда человек ни на что не способен, сразу начинает кивать на соседа. У него ограда крепче, девки красивее, картошка крупнее растёт. Лучше работает, вот у него и картошка крупнее. Если это всё убедило, то собака громко лает, спать не даёт. Тут много причин можно найти. Виртуозное умение у народа нашего находить врагов. Если уже нет никого, тогда друг друга, соседа объявим врагом. Вот сейчас выпустили книгу Барковой. Очень хорошая поэтесса двадцатых годов. Её после первой отсидки выпустили. Она работала. Нигде на предприятия не берут, начала на дому шить. Какой-то профсоюзнице-активистке сшила юбку, попросила сто двадцать рублей. Та пошла и заложила её, будто она антисоветские разговоры ведёт, чтоб за юбку не платить. И её снова посадили. И таких много сидело. Великолепная поэтесса, и за нежелание выплатить ей заработанные деньги её посадили в тюрьму. А кто их стрелял в лагерях? Вот я только что прочитал о Бухенвальде рукопись человека, который там пробыл с сорок первого по сорок пятый год. Немцы там никого не истребляли. Евреев прямиком гнали, это да, а тут они наладили свою службу так, что они только наверху давали какие-то указания, проверяли, иногда вмешивались, а истребляли друг друга русские, украинцы, белорусы. Предатели расправлялись со своим народом. Причём чем дальше, тем изощрённей. Предательство и истребление. Работать надо как следует каждому на своём месте, возвратиться к Богу — искренно, а не показушно, любить ближнего своего — это и есть вера в Бога. Надо учиться вновь любить. А то мы ищем врагов и ненавидим друг друга. Вот научимся этому всему, тогда, может, уцелеем.

Режиссёр. Всё. Закончили.

В. П. Астафьев. Слава тебе Господи!

Режиссёр. Спасибо! Виктор Петрович, ещё последний кадр. С полки надо достать книгу... (Смех.)

В. П. Астафьев. Ну настоящий Коломбо. Доходит до конца, а потом: «Я ещё хотел один вопрос задать». Вот построили часовню, библиотеку. Всё достойно удивления. То, что должно быть нормой, мы уже возводим в подвиг. Так научила советская власть. Работает человек хорошо — уже подвиг, не украл котелок с кашей — подвиг, нашёл кошелек на дороге и вернул — сразу полоса в газете, снимок. Матрёна Ивановна Сидорова, из трудовой семьи, не может позволить себе не вернуть кошелек...

Виктор Бакин

Няня с Вятки

«Это наша родня!» — всегда подчёркивал знаменитый русский писатель Виктор Астафьев, вспоминая хрупкую вятскую девушку, которая была няней его детей.

..Имя у неё мудрёное, непривычное слуху по нашему просвещённому времени. И редкое очень: пожалуй, прежде и не встречал ничего подобного в широком кругу своих знакомых. Имя у неё — Секлетия. Проще говоря — Секлета. Очень оно созвучно обычному имени Света — потому так нередко многие её и звали. При этом и её отчество тоже нечасто заметишь в простом обиходе — по отчеству она Савватеевна...

— Такой уж семейный закон у нас был заведён: родится первый сын — ему непременно давали имя отца. Вот у меня отец — Савватей Савватеевич, — сдерживая улыбку, рассказывает Секлетия Савватеевна. — А брат у него был Левонтий. Так у того когда сын родился — опять, выходит, Левонтий Левонтьевич... А уж если дочь — тогда любое имя давали. Раз девка — куда деваться? Некуда! Написано в книге по конкретному дню, что родилась Секлета, так Секлетой и будешь. А родилась-то я ещё до войны...

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Где родился, там и пригодился... Так она о родине говорит. А родом Секлетия Савватеевна Опарина (в девичестве Ожегова) из Немского района. Есть там село Слудка — двенадцать километров от районного центра. Там и родилась она по зимней поре 1934 года в семье кержак-колхозников: самая старшенькая была из четверых ребятёнков.

На детские годы когда повернётся воспоминаниями — там голод, там война.

— Ещё только война началась, как нас разом потащили в поле. Лён рвать. Так мы все руки измозолим, изрежем... А мама у нас звеньевой была. Хотя какая звеньевая — старшая над нашим братом. Одно твердит: «Девки, вы комелёк-то делайте аккуратно. Чтoб ровный снопик был...» А у нас что комелёк, что вершок... всё едино. Нарвём лён, как обычную траву. Ну что с нас взять? Семь годков всего возрастом... А жить как? Корову дома кормить нечем — на верёвки подвязывали, чтобы стояла. А она одно — обвисела и пала. Не могли спасти. Мама тогда написала отцу на фронт, выплакала ему наше

горе горькое. И неожиданно приходит на село указание: выдать семье военнотружущего Ожегова из колхоза какую возможно корову. Нам стельную тёлку и выдали. По весне она отелилась. А покуда то да сё, мы спасались козой... Когда конец войне спознали, в каждом доме вой стоял. Вой самый настоящий. У каждой же семьи по двое да по трое мужиков обратно не вернулось...

Отца у Секлеты забрали в армию ещё в тридцать девятом. Домой он вернётся нескоро — лишь в сорок восьмом.

— По госпиталям три года ездил. Хотели ноги у него напрочь отнять. Обморозил. В окружении когда находились у немцев, было. Но он всё равно на своё стоял, не позволил: «Что я без ног?!» Ему возражают: «В конце концов генгрена пойдёт...» (Секлетия Савватеевна так и произносит это слово — «генгрена».) «Нет, не дам отнимать. Хошь что со мной делайте...» Мазали тогда мазью под вид смолы. Так у него генгрена в итоге и отступила. Только пальчики отпали. Но ноги сохранились... И ещё такой бойкий мужик был. Ходовой...

КАРТОШКА «В МУНДИРЕ»

До пятьдесят второго года Секлетия Савватеевна жила в Слудке. А потом совсем немогого стало. В колхозе по двадцать килограммов ржи дадут на год — и руками в бессилии разведут. А чем питаться-то? Нечем... Или на лесочасток пошлют — ночь-полночь сучья рубить. Вот и тупаешь топором, сколь силёнок хватит. А какие особые силёнки у шестнадцатилетней девчушки?!

А на Урале, в городе Чусовом, у мамы родная тётка жила. Списались однажды, свои заботы высказали. Тётка Анна и пригласила: «Ну приезжайте...» Они и сорвались, и поехали спехом — три девчонки-подружки. Без документов, без справки с места прежней работы. Только паспорт ученический на руках.

— Приехали мы, словно какие-то тюремщики,— улыбается Опарина.— Без документов, без всего. Как сбежали откуда-то... Понятное дело, на завод не берут. Работать негде. Разве только в няньках. Садиков-то не было почему-то... А тётка Анна тогда в пошивочной уборщицей работала. И Мария Семёновна, супруга Виктора Петровича Астафьева, там же — по бухгалтерской части. А дети у них ещё маленькие: Андрейке два года, Иринке четыре, пятый только пошёл... Вот Мария Семёновна и позвала: «Придите. Порешаем...» Мы и пришли — было это памятным вечером двадцать седьмого октября тысяча девятьсот пятьдесят второго года. Да так я там и осталась — в маленьком домике на улице Партизанской, семьдесят шесть, в семье будущего известного писателя.

В её обязанности входило за ребятами присмотреть, обед приготовить. Виктор Петрович тогда уже в «Чусовском рабочем» работал, в редакции. В еде был непритязательный. Что готовят, то и ладно. Да и ели-то в основном однообразно — селёдку да картошку.

— Один раз у меня смех и грех получился,— вспоминает Секлетия Савватеевна.— Миля (я так привычно Марию Семёновну звала) пошла на работу, говорит: «Я селёдки куплю. А ты здесь картошку „в мундире“ свари...» Ну, я картошку вымыла и думаю: в какой же ещё «мундир» её здесь кладут? В нашей-то деревне ни о каком «мундире» слухом не слыхивали. В итоге не сварила картошку — так в чугунке она и простояла. Миля приходит, спрашивает: «Ну что? Картошку сварила?» — «А я „мундир“ не нашла...» Вот они «ха-ха-ха» и устроили потом надо мной. «Сейчас,— говорят,— отыщем этот „мундир“...» А вода в чугунке давно налита — они и поставили его спешно на печку. И долго ещё потом вспоминали эту историю смехом...

«ШО ВАМ?»

Простые были люди Астафьевы, очень простые. И жили небогато: кровати железные, матрас осокой набит. И подушки тоже. У няни — узкий топчан в закутке. У ребят — общая койка у печки: Андрейка спал в одну сторону головой, Иринка — в другую. Как начнут порой драться и пинаться — шум да гам. Пока отец строгое слово не скажет. Тогда только смирятся, затихнут... На кухне вместо стола большой ящик приспособлен. В нём ещё куры жили — больше держать негде. И хоть чистили комнатку каждый день — а всё равно стойкий запах. А то сядут семейно обедать, а петух «варежку разинет». Или того хуже — тут же с песней нагадит. Птица тупая — что с неё возьмёшь? Виктор Петрович, понятное дело, матюгнётся: «Паразит, вот паразит. Мы едим, а ты что делаешь? Бр-р-р...»

Зиму прожили, и Виктор Петрович сходил к участковому, написал заявление. И Секлету прописали по тому же адресу: Партизанская, 76. Ну а потом и паспорт выдали...

«Чиклета... Света-няня... Няня...» — так привычно её дети Астафьевых звали.

— Иринка упряма была. Но когда Виктор дома и она заупрямит — он её быстро в угол,— вспоминает Опарина.— Запросто. В угол поставит — и стой! Она его побаивалась. А меня нисколько... Скажешь что-то сделать — не сделает. Ну, тогда просишь Андрейку: «Андрейка, иди сделай». Андрейка беспрекословно сделает... Вот и глядите: мать и отец одни — а дети такие разные.

До 1958-го жила Секлетия Савватеевна бок о бок с семьёй Астафьевых, хотя в нянях пробыла меньше года, до лета. Ушла на работу в столовую. Никакой специальности нет, поэтому взяли посудницей. Мыть грязную посуду. Одно время поставили официанткой. Но она же из вятской деревни, потому в разговоре: «Шо вам?» да «Шо вам?» Не выдержала насмешек, пошла к заведующей столовой: «Не буду официанткой». Перебросили тогда на кухню, как помощника повара. — Я жила на Партизанской как родственница, с Милей мы были как сёстры,— говорит сегодня бывшая няня.— И в огороде редиску,

лучок вместе садили, и по дому всё сообща делали... Ещё и халтурили порой — вышивали. То платья были ношенные с вышивкой, то одеяла стёжили. Это всё вместе. И что настёжим — деньги в общий котёл... И на рыбалку на Усьву ездили, на Вильву. И фотографии есть, где Виктор Петрович со спиннингом сидит на реке. Кричать и шуметь тогда было нельзя, но дети есть дети. Я им: «Не орите, отец сейчас вам задаст...» А они шире того!.. А Астафьев в первые годы после войны очень нервный был. Да и глаз-то — повреждённый. Потому у него и маты были. Сплошь да рядом. Но потом стал меньше мать-каться... Да и Миля всё: «Витенька, Витенька...» Если бы не она, не её терпение, он, может, и писать-то бы бросил. Как знать, как знать? Если бы не Милюно руководство, он бы не был, пожалуй, писателем. А вот певцом был бы: голосок у него — ой-ё-ёй...

КРЁСТНЫЕ

В небольшом городке Лысьве, до которого от Чусового километров двадцать, может, чуть больше, после окончания ремесленного училища работал на металлургическом заводе родной брат Секлеты Афанасий. Вот она и решила как-то перебраться к нему на жительство, рассчитывая, что зарплата на производстве будет существенно выше. Но посмотрели в кадрах её документы и... предложили пойти в столовую. Отказалась наотрез. Тогда пожалуйста разнорабочей: метёлку в руки — и вперёд.

Но метёлкой махала она сравнительно недолго — направили учиться на крановщика. Закончила курсы, таскала грузы на мостовом кране, даже учеников обучала. Потом пошла на повышение — назначили оператором горячего проката в сутуночном цехе. Там, в сутунке, и проработала до пенсии, на которую по первому списку вышла в сорок пять лет.

Когда за плотника Андрияна Игнатьевича замуж выходила, Астафьевы у неё на свадьбе самыми желанными гостями были.

— И Виктор Петрович, и Миля — все у меня на свадьбе пировали, — вспоминает с улыбкой Секлета Савватеевна. — Более того, они мне как крёстные даже. По свадьбе... У мужа крёстная была, у меня — нет. Вот Виктор с Марьей за столом сразу и порешили: «У ней нет никого — так мы садимся в крёстные...» Но всё ж у меня язык не поворачивался потом их крёстными называть. А муж звал... Они и в иное время к нам ездили, а мы к ним в Чусовой. Связь не прерывалась никогда. Тот же Виктор неизменно подчёркивал: «Это наша родня!..»

Потом начались перемены. В Чусовом Астафьевы переехали с Партизанской на улицу Нагорную — там побольше дом был, попросторнее. Потом писателя пригласили на жительство в Пермь, затем семья перебралась в Вологду, а уж после — на родину Виктора Петровича, в Красноярск.

—Тоска по Сибири у него постоянно была. Это нечего говорить,— подтверждает Опарина, побывавшая не единожды и в Красноярске.— Помнится, когда померла у Виктора Петровича бабушка, он пошёл к начальнику, чтобы отпроситься и съездить на похороны. Это ещё в Чусовом было, в вагонном депо. А начальник отказал, ответил, что разрешение даётся только на похороны матери или отца... Позже в «Последнем поклоне» Астафьев напишет, что надо было тогда всё бросить, отлаять начальника и хоть пешком, но дойти до Сибири. Ведь бабушка была для него всем. Она заменила и мать, утонувшую в Енисее, и непутёвого отца...

Мы из КНР

Около трёх часов просидели мы с Секлетией Савватеевной Опариной в уютной комнатке её лысьвенского приземистого дома за чайком да душевным разговором, вспоминая прошлые встречи с Виктором Петровичем и Марией Семёновной Астафьевыми.

—Шли годы, а они почти не менялись,— говорила бывшая няня.— У Миши характер— дай Бог каждому. Такой нежный, такой внимательный был человек... А Виктор— ох, мог и вспылить. Но отходчивый... Помню, когда мы ещё в Чусовом жили, она придёт ко мне и скажет: «Зачем спорить? Я лучше промолчу. А промолчишься— как в саду отсидишься...» И вот он пропылил— и всё! Она уже с лаской: «Витя, ну что у тебя? Всё ли?»— «Всё!»

Знаете, он остался у меня в памяти как человек, не сторонящийся никого, не брезгающий никем. Пусть я буду деревенская, пусть я буду городская— он ко всем относился одинаково. Вот я из деревни приехала— простая деревенская баба, по-русски сказать. И всё хорошо, всё ладно... А теперешняя молодёжь как порой относится? Чуть что: эй, деревня! Или: ой, Вятка! И я тогда говорю: правильно, мы иностранцы. Из КНР приехали.

—Откуда?

—Из КНР. Кировской народной республики...

И мы, земляк и землячка, от души смеёмся...

г. Лысьва Пермского края

Открытый чемпионат поэзии

В Риге продолжают соревноваться русские поэты, разбросанные судьбой по всему миру, а редакция альманаха «Енисей» вносит свой вклад в нелёгкое дело судейства и публикует подборки стихов наиболее понравившихся авторов. В №2 за 2020 год мы напечатали произведения участников 9-го открытого чемпионата Балтии по русской поэзии, в №1 за 2021-й — стихи участников чемпионата мира. Поэты *Александр Ланин* и *Юрий Октябрёв* удостоены симпатии «Енисея» по итогам прошедшего весной нынешнего года 10-го открытого чемпионата Балтии по русской поэзии.

Юрий Октябрёв

Я здесь давно

Я здесь давно. Уже забыл
И направление, и стаю.
Ещё по сути не бескрыл,
По факту — больше не летаю.

Не в крошках суть. Они и там,
Куда летел, ничуть не слаще.
Непотревоженным мечтам
Тепло во сне о настоящем.

Я просто сплю. Избавил сон
От страха первого полёта.
Давно сменила эшелон
Моя небесная пехота.

Но я не с нею. Как ни жаль,
Ни рядовым, ни капитаном
Не штурмовать мне снова даль
По склонам облачных реданов.

Я здесь давно. Но по весне
Ещё мне слышать год за годом,
Как делят птицы в вышине
Не мной воспетую свободу.

НЕ СТРАШНО

Когда-то было страшно, а сейчас —
Ни страха, ни сомнения, ни злобы.
Увидишь ли налитый кровью глаз,
Склонишься ли в прощании над гробом,
Услышишь ли во тьме щелчок курка,
Сожмёшь ли распечатку томограммы —
Ну где же страх? Как будто сбой программы,
Зависшей на строке «живи пока».

Уже не страшно с мыслью засыпать,
Что утром можешь больше не проснуться,
Не страшно, что во сне приходит мать
И каждый раз пытается коснуться,
Что «Мазда», завершая разворот,
Промчалась в сантиметре от ботинок,
Что наледь на карнизе гильотиной
Который месяц чью-то шею ждёт.

Страшна не тьма — куда страшнее свет,
Который брезжит в операционной,
Где маленькая копия планет
Уже сошла с орбиты по наклонной
И простыней накрыта на столе.
Сутулый бог в насквозь промокшей маске
Уходит прочь из этой страшной сказки,
Ещё на сотню жизней повзрослев.

Александр Ланин

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СОНАТА

Бетховену всегда удавалась кода.
Диссонансы рвали наполненный венский зал...

Девятого августа сорок второго года
Война уже прикрывала свои глаза.
Войне казалось: можно уже забытья,
Заслушать взрывы парой-другой сюит.

Ну это ж надо было с зимой забытья
На то, что город всё-таки устоит.

Бетховен звонка не слышал. А что такого,
Когда ты глух, и занят, и Lebewohl?
И гость со странным именем — Шостакович,
С визиткой на до-мажор вместо ми-бемоль.
Потом жалели, что не осталось фото,
Где оба «фак» показывают войне.

Соната двадцать шесть для пианофорте
На фортепиано была бы чуть-чуть слышней.

Война понимала: эти б смогли сыгратся,
И не для того, чтобы шкуру свою спасти.

Вывести дистрофию из ленинградца —
Как ритмию нотами записать.

Война так устала, что становилась фоном,
Сидела в углу, тупо смотрела в пол,
И слушала премьеру седьмой симфонии,
И понимала, что проиграла спор.

Это нормально, что клавиши ночью серы,
Что мосты на четыре октавы разведены.

Бетховен занят, Бетховен слушает сердце —
В тональности до-войны. Во время войны.

ДОМ УМИРАЮЩИХ

Когда закат серпом луны зарезан
И слита кровь в небесные ковши,
Ко мне в палату входит мать Тереза
С ножом для книг и с книгой для души.

Снимает кожу слой за слоем с тела
До места, где действительно болит.
И ртутью растекаются по стенам
Разбитые термометры молитв.

Вокруг неё плебеи и плейбои
Да ангелов шаги и голоса.
Она моей не понимает боли,
Как древние не знали колеса.

Ползут слова по моему предплечью —
Уже не яд, но всё ещё не йод.
То добрые медсёстры человечьи
Вытравливают байки про неё.

Да все мы здесь — раздетые до пульса
Уверенным движением ножа,
Где каждый стон — на грани богохульства,
А каждый крик — на грани мятежа.

И длится ночь к неумолимой дате,
И со стены вещают письма,
Что нам иной не будет благодати,
Чем та, которой делится она.

Александр Рейхерт

Туруханский словарь

Александр Рейхерт около тридцати лет живёт в Туруханске. По профессии электрик, но много времени и сил уделяет работе над словом. Пишет стихи, которые неоднократно публиковались в альманахе «Енисей», а недавно завершил работу над книгой «Туруханский словарь». Этот богато иллюстрированный внушительных размеров том готов пока только в электронном варианте и ожидает издателя.

Предлагаем вашему вниманию несколько фрагментов книги с авторским предисловием.

Редакция

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленная работа названа «Словником», поскольку трудно ограничить цели, стоявшие при её написании: это и хранилище исчезающих из обихода слов, и подчёркивание оригинального звучания или значения слов, вполне обиходных сегодня в наших северных краях, и — иногда — довольно пространное объяснение исторических, профессиональных, характерных для данной местности, понятий. В объяснение не таких уж сложных, может быть, слов привнесены порой сведения и о психологии северянина. Не стоит также сбрасывать со счёта и такую функцию этой работы, как ностальгическая песнь чему-то щемяще-родному, безвозвратно уходящему. Так что же это за книга? Немного словарь, немного очерк, немного справочник.

Она может послужить своего рода сырьём для студентов-филологов, справочником для краеведов и просто экскурсоводом для любознательных туристов. Более всего хочется, чтобы хоть в некоторых семьях северян книга была признана иллюстрацией традиционной жизни уходящих поколений.

География представленных слов специально ограничена пределами Туруханского края. Именно края, потому что пределы эти многократно и значительно передвигаются по несколько раз в каждом столетии. И всё же пределы эти всегда огромны как в географическом, так и в культурном смысле. Возможно, кто-то из наших земляков возразит по поводу какого-то выражения: мол, нет, не так говорилось, а этак. С одной стороны, интересно будет услышать такого рода уточнения, но надо и помнить, что край наш всегда наполнялся настолько

разными людьми и настолько разными путями, что на огромных пространствах его так и не сформировался единый диалект, зато диалектизм — довольно много. При этом общесибирские выражения и особенно — общероссийские в этой книге по понятным причинам максимально ограничены. Также из объяснения значений слов исключены общепринятые и популярные, оставлены лишь те, которые не каждому современному россиянину известны, как, например, к словам «стрелка», «огород», или совершенно оригинальные, как к словам «курган», «вязкая».

С самого начала эта работа вызвала горячее сочувствие и неоценимую поддержку многих наших земляков — людей, очень разных по образованию, возрасту, национальным корням, роду деятельности, но любящих язык, который достался им с молоком матери или сделан своим по приезду на Север. И ещё обнаружилось, что работа эта далека от завершения — каждый день всплывают неучтённые слова и выражения, поэтому можно полагать, что время от времени придётся ещё публиковать их.

А́лык, а́лак, ало́к собачья тазовая упряжь. Изготавливалась кольцом (на Севере это преимущественно жгут из старых сетематериалов) и надевалась на талию собаки, тяговая верёвка пропускалась между задних ног. После многолетней работы под алыком, у ездовой собаки так или иначе увеличивалась длина туловища, собака травмировалась. Со временем убедились, что эффективнее упряжь-лямка, охватывающая грудь собаки, и в основном перешли на неё. По некоторым сведениям, для особо непонятливых было в советское время специальное постановление власти, запрещающее использование поясной упряжи — алыка, травмирующей ездовых собак.

Ангáрка деревянная плоскодонная лодка средних размеров, до полутора тонн грузоподъёмностью, для универсального использования. Кстати, на самой Ангаре такую лодку называли «бурундúчка».

Ангáрский посóл посол с небольшим количеством соли, но главное — с тухловатым запахом, «с душком». Говорят, что на Ангаре есть любители довести рыбу до такой кондиции, что потом удобнее есть её ложкой.

Аргíш переход на новое стойбище или просто путешествие на оленях или илимках в несколько дней. Также совокупность всех путешествующих (весь обоз) в данном случае.

А́тпень, атпеньсóчек (Алинское) сачок для удаления льда из лунки. Размером с небольшую лопату, сплетён из проволоки, прикреплён на черень. Теперь для этой цели чаще используют обычную совковую лопату, наделав в ней сварочным аппаратом дыр по 3 см диаметром.

БАЙДА́ большая деревянная лодка.

БАЙСТРЫ́К, БАСТРЫ́К крепкая жердь или тонкое бревно на возу с сеном. Передний конец привязывают к передку нарты, телеги, лодки так, что сначала свободный задний задран вверх, потом его верёвкой с усилием максимально притягивают к задку. Тогда сено не сползает при перевозке.

БА́ЛА, БА́ЛЫ приспособление в виде рамы для загибания заготовок лыж или полозьев нарт.

БАЛАГА́Н 1. шалаш, временное укрытие из подручных материалов; 2. в старых книгах — чум; 3. торговая точка, наскоро сооружавшаяся на торжище, устраивавшемся в былые времена на берегу реки купцами; 4. способ постановки сена в сырой год в виде шалаша. «А чо мне дождь? Я сено всегда в балаганы ставлю, как стары люди учили!»

БАЛДА́ 1. простейшая удочка. Для ловли хариуса на мелких перекатах, где делать проводку спиннингом неэффективно, применяют балду: длинное удилище с леской оснащают мормышкой и на первый раз наживляют кусочек сала, а после наживляют глаз от пойманной рыбы; 2. иногда так называют полную, яркую луну. Некоторые виды рыбалки эффективны ночью, поэтому лунный свет имеет значение.

БАЛЯ́СИНКА деталь стояночного кукана для осетра. Представляет собой тальниковую палочку-застёжку длиной 20–30 см, привязанную за середину полуметровым верёвочным поводком к хребтине.

БА́НКИ 1. обобщающее определение для всех консервов. «Крупы там возьми, хлеба, ну, банок ещё...»; 2. ловушки на мелкую рыбу животку. Принцип как у морды: в горловину литровой стеклянной банки вставляют жестяной (или из бересты) усечённый конус — воронку, фиксируют воронку двумя скобками, вырезанными из жести, а они, в свою очередь, удерживаются проволокой, охватывающей горловину. Внутри банок насыпают манку или на дно прилепляют хлебный мякиш и ставят (в лежачем положении) в прорубь на небольшой глубине у берега. Для удобства связывают попарно и всегда ставят по несколько пар, поэтому всегда во множественном числе. «Ходил на банки, да нет ничо...»

БАРАБА́Н (Костино) примитивная лебёдка-ворот для вытаскивания лодки на берег. На забитый в землю кол насажен чурбачок с выбранной сердцевинной, к чурбачку крепится конец фала и с помощью жердинки-рычага наматывается. При наличии используют более крепкую конструкцию, из тракторного катка, например.

БАРА́Н (в Костино, в Фарково БАРА́НКА) — передок собачьей нарточки. Делается из согнутого в дугу дерева (чаще из черёмухи). Оберегает нарту от поломок при ударах о встречные пни, деревья и т. д. К нему крепится упряжь (иногда упряжь крепится

не к барану, а к носкам полозьев нарты). Для дальних переходов казаки совершенствовали нарточку дополнительным вертикальным бараном — легче ставить на полозья, когда перевернётся, и можно держаться на ходу (что и осталось на американских нартах).

БА́СЕНЬКОЕ нечто красивое. Например, если на вязаных из шерсти варежках добавить цветные вкрапления, значит — побáсить.

БЕЛОДУ́ШКА красная лиса с белыми грудью и горлом.

БЕЛЯКÍ большие волны с шапками пены в шторм на реке, на озере.
«Там погода катат, на Енисее вон беляки гуляют!»

БЕРЕЖНÍЕЕ ближе к берегу.

БЕРЕЖНÍК береговой кляч невода. Длина регулируется по месту подхода рыбы к берегу.

БОКАРÍ высокая (до паха) зимняя обувь из оленьего камуса и шкуры. Бокари подвязывались к поясу.

БОЛЬШЕРО́ТЫЙ шумный человек. Иногда так могут назвать скандалиста, иногда — балагура, иногда — псевдолидера, стремящегося громко руководить в общем деле.

БО́СЫЙ медведь.

БРАКОНЬЁР с точки зрения закона, в Москве писанного, — нарушитель и даже преступник; с точки зрения местного жителя — просто обычный умелый рыбак и охотник, на которого, в свою очередь, тоже ведётся охота. Человек, которому приходится в банке платить штраф за рыбу, глаза не прячет потому, что вызывает лишь сочувствие. К тому же, очевидно, расширяется охват носителей этого звания. Если во все времена и велась на водоёмах борьба (за рыбу или против рыбаков?), то с недавних пор к незаконной добыче приравнены также приобретение, хранение, использование такой добычи. А если ещё учесть безумное усложнение требований к условиям рыбалки, то на Севере, где жить без рыбы естественно, практически всё население — преступники перед законом, браконьеры. В одном селе на угоре висел специальный сигнальный рельс. Когда рыбаки выходили на свой рисковый промысел, их жёны дежурили на берегу с биноклями. При появлении подозрительной (рыбнадзорской) посуды — били в рельс. Впрочем, вышеприведённые рассуждения больше о самом термине, который из-за незнания вышестоящими настоящей северной жизни оказывается, как бы сказать, неточным, поэтому ругательным не является и употребляется северянами несколько иронично. Само же явление действительно варварского отношения к природе, конечно, встречается. И, конечно, осуждается теми же северянами. Но уже в более сильных выражениях. Того, кто пытается урвать что-то во вред природе и окружающим людям, назовут скорее хапугой, голодным, уродом и так по возрастающей.

БРÓДНИ зимняя непромокаемая обувь, то же, что и чуни.

БРÓДНО такой уровень свежего рыхлого снега, что нелегко идти по нему — лыжи проваливаются, а снег наваливается на них сверху, как на лопату при уборке снега, утяжеляя их при движении.

БУРÓВИТЬ говорить ерунду.

БУРÚН (с. Селиваниха) много. «Там ондатры — бурун».

БУ́ТОР скарб, груз, то же, что и хóхор.

БУ́СЫЙ серо-бурый; может быть, другой оттенок серого — например, иссиня-серый.

БЫ́ГАЕТ, ОБЫ́ГАТЬ 1. подсыхает, заветривается. «Рыба-то обыгала уже...» — то есть не очень-то свежая. «А гулять пойдёшь, как на улице обыгат, а то опять все штаны укаташ!» 2. оттаивает, размораживается. Рыба чуть-чуть подтаяла, легче на струганину строгать.

ВА́ДИГА глубокое место с медленным течением на реке или старица без течения, превратившаяся в залив на реке. Иногда так называют и неглубокую спокойную заводь.

ВАЛÓВЫЙ малоподвижный, нерасторопный; может быть — ленивый.

ВЕРÉТЬЯ то же, что РЁЛКА — возвышенная, не заливаемая поляна, гряда среди болот или на пойме.

ВЕРХÓВКА южный, с верховья Енисея, ветер.

ВЕСНÓВКА весенняя охота на водоплавающую птицу, на ондатру с заброской на несколько дней. Отсюда — **ВЕСНОВА́ТЬ**.

ВÉТКА небольшая одно- или двухместная лёгкая лодка для рыбалки, охоты. Для быстрого и бесшумного перемещения по небольшим водоёмам (впрочем, рассказывают, что раньше могли, например, послать какую-нибудь девчонку с поручением на ветке и через Енисей). Обычно изготавливается из ствола осины, редко из кедра, из берёзы (выдалбливается), из бересты (на Нижней Тунгуске), но может быть сделана из листа металла. Управляется одним веслом (у эвенков — двухлопастным). Не каждому удаётся даже сесть в первый раз, не перевернувшись. Стрелять, сидя в ветке, тоже непросто — отдача может опрокинуть лодку, поэтому управляться с такой лодкой нужно с особым умением.

ВИЗÍГА хорда рыбы осетровых пород. Полезная и вкусная при правильном приготовлении, в то же время несёт в себе опасность при засолке рыбы — она не способна просолиться и довольно быстро начинает разлагаться, выделяя смертельно опасный трупный яд. Поэтому перед засолкой рыбы обязательно удаляется. И поэтому при малейших подозрениях, не уснула ли красная рыба в снасти, её обязательно выбрасывают (закапывают, чтоб и собаки, и звери не нашли и не отравились). Только люди, знакомые с этой опасностью,

вполне понимают всю язвительность распространённого выражения с переносным смыслом: «осетрина не первой свежести».

вилáшка (иногда переименована в милáшку) специальная палка, вроде посоха; на одном конце её рогатка, которой на трудных участках упираются в задок собачьей нарточки и, подталкивая, помогают собакам, причём подталкивают животом или грудью.

во́йда специальный скользящий слой на полозьях собачьей нарточки. В морозный день полозья по несколько раз намазывали свежим коровьим навозом и поливали холодной водой. Сделав так несколько слоёв и дав хорошо промёрзнуть, брали обыкновенный столярный рубанок и немного сострагивали — сглаживали неровности. Нарта скользила намного лучше. Если не было навоза — обходились одной водой.

водовóз исчезнувшая несколько лет назад местная порода ездовой лайки. Водовоз — собака очень крупная, мохнатая, флегматичная (отнюдь не глупая), напроць лишённая агрессии к человеку и чрезвычайно выносливая в работе. Перечисленные качества особенно важны при местной специфике использования ездовой лайки: колодцев в посёлках нет, раньше была актуальна регулярная доставка воды от проруби — довольно далеко (что и послужило для такого названия породы). При этом, когда в пути встречаются два собачьих коллектива, возникает искушение подраться, тогда азартные собаки могут забыть, что везут, — придётся повторять рейс. При вывозке сена (как правило, этим занимались мальчишки) требовалась не скорость, а хорошая тяга. В процессе зимней рыбалки собакам довольно долго приходилось лежать возле нарты, а на Тунгуске, скажем, практически всегда, в любой мороз, тянет хиус (стекает холодный воздух с гор), — овчарка, например, не выдерживает такого холода. Ещё одна, давно забытая, работа для водовоза — водить бечевой лодку и даже тащить кляч невода, чётко выполняя команды хозяина, выгребаящегося на лодке с речным концом невода (на что и не у всякого человека хватает ума, т. к. необходимо выдерживать строго определённую скорость). Ну и, ко всему тому, водовозы поставляли хозяевам длинную, исключительно тёплую шерсть. Для всех этих хозяйственных нужд семья имела обычно 2–3 собаки.

волося́нки (Ворогово) 1. волосянные носки, вязанные из конского волоса. Надевались зимой поверх портянок или шерстяных носков, и потом надевались бродни. Грубый волосяной носок создавал дополнительную воздушную прослойку для утепления. 2. Рукавицы, вязанные из конского волоса, для осенней неводной рыбалки. В этом случае ценны два качества волосянок: они не смачиваются водой — стряхнул, и всё, а главное — растирают, массируют руки и не дают им замёрзнуть. Материалом для волосянок чаще был волос из гривы, он не такой грубый, как из хвоста.

ВОРО́НКА 1. место на реке, где сильный водоворот. 2. часть снасти на животку (банке).

ВОСТРОКО́НЦЫ ножницы.

ВОСТРОХВО́СТ утка шилохвость.

ВОШКА́ТЬСЯ долго возиться; копаться в вещах. «Все давно собраны, у лодки стоят, а он всё вошкается». «Что за дитё, нет бы спать, всё вошкается и вошкается в постели».

ВЫБИРА́ТЬСЯ доставать, выбирать из воды в лодку сеть, одновременно высматривая её. «Токо выбрались — на тебе! Инспекция!»

ВЫГУЛЯ́Л то же, что и **ВЫКУНЯ́Л**, вышел.

ВЫКУНЯ́Л (пушной зверь) то же, что и вышел, **ВЫГУЛЯ́Л** — приобрёл зимний красивый мех.

ВЫМЁТЫВА́ТЬСЯ выпускать из лодки сеть или невод для начала промысла.

ВЫПАДА́ЕТ 1. появляется при снижении уровня воды. «Вода катится, уже и коса выпала». «На Турухане пески выпали». 2. ручей или речка из озера или тундры выпадает в большую реку.

ВЫ́СМОТР, **ВЫ́СМОТРЕТЬ** проверка рыболовной сети на предмет добычи. «О, паря, удачно съездили: что ни высмотр — полмешка!»

ВЯ́ЗКАЯ (собака) собака, настойчивая в троплении или погоне за зверем (ходовая собака).

ГЛУШИ́ТЕЛЬ специальная дубинка, которую держат под рукой при вытаскивании сети из проруби. Ударом по голове успокаивают налима, иначе его трудно выпутывать. Впрочем, у разных рыбаков есть разные названия этого инструмента, обычно шуточные, — **УСПОКОИТЕЛЬ**, **НАРКОЗ** и т. п. Некоторые, впрочем, обходятся и без глушителя, придавая его функцию крюку, для чего намеренно делают крюк с толстой рукоятью.

ГО́ЙНО жилище белки.

ГОЛЫ́К веник для подметания. Изготавливается из голых берёзовых веток зимой.

ГОЛЫ́ЦЫ самодельные широкие охотничьи лыжи для повседневного использования, без камуса — голые.

ГОЛÓВКА, **ОГОЛÓВОК** верхняя часть острова. «На Монастырском острове, на Головных озёрах...»

ГО́РЕЧЬ средство для выделки шкур. Готовится путём долгого проквашивания рыбьих потрохов.

ДЕ́ДУШКА иногда так заглазно называют медведя люди, живущие в лесу. В этом чувствуется своя философия: когда семья охотника, живущая, скажем, в чуме, находится в довольно уязвимом положении, то остаётся надеяться только на благоразумие и снисходительность

постоянно обитающего где-то рядом хозяина тайги. «Мы дедушку не трогаем, и он нас не трогает».

ДРОБОЛЁЙКА приспособление для кустарного изготовления дробы.

ЁРНИК невысокий кустарник, карликовая берёза.

ЗАДАВНАЯ ЯГОДА очень большой урожай ягоды.

ЗАДЁВА, ЗАДЁВ препятствие, зацеп на дне реки, на который напарывается невод или плавная сеть-донка. Чаще всего — замытый топляк, металлический мусор, иногда угловатый камень. «Раньше после большой воды тони чистили, катерами тралили, а нынче — задёва на задёве».

ЗАЛА́ВОК 1. длинный ровный уступ вдоль глиняного или галечного берега, оставшийся после большой воды. 2. залавок снежный — длинный сугроб вдоль склона.

ЗА́СТРУГ плотный надув снега в виде скошенного гребня.

ЗАХЛЕБНУ́ЛАСЬ (река) появилась очень большая наледь из-за сильного снегопада, когда снегом одавило лёд, или из-за сброса воды на ГЭС, или ранней весной из-за талых вод.

ЗАЯЧЕЙЛСЯ застрял в ячее сети.

ЗУБА́ТКА корюшка, ходовая рыба, которая ловится в короткий период — ранней весной, в низовьях Енисея.

ЗУБО́Й, ЗАБО́Й плотно набитый сугроб, например, на обочине дороги или за постройкой.

ЗЫ́РНЫЙ, ЗЫ́РНОЕ похвальная характеристика блюда (а иногда не только блюда, а и чего угодно). Происходит, возможно, из северного диалекта, в котором шипящие звуки заменяются свистящими, от слова «жирный».

ИСПО́ДКИ вязаные рукавицы, варежки, надеваемые непосредственно на голые руки, а уже сверху — лохмашки.

КА́ЛТУС сырое, болотистое место, кочкарник с кустарником, как правило, чем-то ограниченное — покосом, лесом, озером... «Добрые-то покосы не давали, всё калтусá какие-нибудь».

КАН сосуд, короб из бересты, жести или пластика в форме сплюснутого с боков цилиндра для хранения и переноски груза (например, ягоды, кедровых шишек) на спине. Небольшой кан может переноситься на боку в процессе рыбалки, для сбора некрупной рыбы. Может быть оборудован лямками, крышкой, дужкой — смотря для какой цели служит.

КАНТА́ЧКА 1. короткая крепкая зимняя удочка на налима. Оборудована толстой крепкой леской и конусом. 2. рыбалка с помощью подергушки-кантачки на налима. «Пойдём вечером на кантачку в кuryю?» — «А чё нет-то? Пойдём покантачим».

КА́НЬКАЕТ (о ребёнке) уросит, вяло капризничает, канючит.

КАПАЛУ́ХА самка глухаря.

КАРАВЧИ́ТЬ, СКАРАВЧИТЬ тайно добыть что-либо злодейским методом, украсть.

КАРПЕ́ТКИ носки.

КАРМА́Н (мешо́к) связанные тросами в длину брёвна на плаву, один конец которых стоит в реке на якоре, а второй закреплён за мертвяк на берегу ниже по течению. В карман заводят (загоняют в мешок) пойманный в реке лес при молевом (свободном) сплаве или аварийный лес при плотовом сплаве.

КАСТРЮ́К на юге района то же, что и КОСТЕРЯ в низовьях.

КИБА́СЬЯ грузила на сети. Сейчас на неводах обычно делают из свинцовых чушек, а на сетях с более крупной ячейёй — в виде колец из стальной проволоки, рассчитывая диаметр кольца так, чтоб оно не проваливалось в ячейю. В далёкие времена, за недостатком проволоки и отсутствием железной дороги как поставщика удобных гаек, кибасья представляли собой конверты из сваренной в кипятке бересты, в которых тонкими еловыми корешками — ШАРГОЙ, а в более поздние времена — синтетической нитью, — зашиты камни. За такими грузами на неводе признают свой плюс — при неводьбе не гремят по каменистому дну. Для сетей с большой ячейёй делали кольцо из ветки черёмухи такого диаметра, чтоб не проваливалось в ячейю, и внутрь кольца вшивали конверт с камнем.

КЛЯЧ, КЛЯ́ЧА толстая верёвка, за которую ведут и вытягивают невод. Один кляч речной, второй — БЕРЕЖНИ́К. Иногда так называют и бечеву, которой тянут лодку. Раньше кляч изготавливали из полос коры тальника или черёмухи, сплетая их, как плетут женскую косу. Перед рыбалкой такой кляч замачивали в воде, чтоб стал мягким, эластичным. Конечно, с синтетической верёвкой такой кляч не выдерживает никакого сравнения.

КЛЯЩИЙ (МОРОЗ) очень сильный мороз. А кроме как к морозу, это определение, собственно, ни к чему и не прилагают.

КО́ЛОТ большой деревянный молот, чурка, насаженная на жердь до 4 метров длиной. Предназначен для сотрясения кедра, когда бьют шишку. Для этого ставят колот вертикально возле выбранного дерева, отводят и, с силой направляя, бьют по стволу. Зрелая шишка осыпается.

КОПА́ЛЬХЕН, КОПА́ЛЬХА весьма своеобразное и специфическое блюдо многих народов Севера. Свежее мясо или рыба складывается в яму (в довольно большом количестве) и засыпается землёй. По прошествии длительного времени, когда протухнет, — поедается. Обычно служит пищевым резервом всю зиму. В старинных книгах встречается в описании Туруханского края (который, впрочем, простирался

до Северного Ледовитого океана), но в качестве сырья упоминается и селёдка, а в качестве едоков — и русские люди. Причём описано, как с удовольствием хлебают вспенившееся блюдо ложками.

КОПЫЛ, КОПЫЛЯ стойки, скрепляющие площадку нарт и полозья. «Сделал ему собачью нарточку на три копыла», — то есть на каждом полозе по три копыла.

КОРГА, КОРГИ каменистая отмель, небольшая каменистая или песчаная коса. «В малую воду, смотри, осторожно — там корги выпадают».

КОРЧАГА место на реке, где водоворот.

КОРЧАЖКА, КОРТЯЖКА то же, что и морда — снасть для ловли мелкой рыбы. Как правило, изготавливалась из прутьев черёмухи, впоследствии стали делать из проволоки. Ставится на мелководе.

КОСТЕРЯ, КОСТЕРЯЖНИК, КОСТЕРЬКА молодь осетра, примерно до 8 кг, которую в наши дни принято рассматривать как добычу, хотя раньше такую рыбу отпускали. И правильно делали, т. к. это ещё не половозрелая рыба.

КОТЕЦ то же, что и заплот, запор — на небольшой речке загородка, направляющая рыбу в морду, мерёжу. Фарковский вариант котца: на небольшой речке, по которой скатывается рыба, поперёк реки устанавливался прочный каркас из жердей с подпорками (иногда по верху каркаса даже делались мостки), вдоль каркаса устанавливали зельё — частокол, плетённый из лучин. Зельё ставили с наклоном по направлению течения, с углом в 60–70 градусов. Такой наклон позволял, при большом подъёме воды из-за ливня, избавляться от плавучего мусора (если наклон сделать бóльшим, то рыба будет преодолевать котец, разогнавшись и перепрыгивая его). В выбранном месте, в середине или под берегом, устраивали морду — загон, в котором могла скапливаться рыба. Для этого щиты-зельё загибали концами в направлении ловушки и оставляли узкий проход. Оставалось только вычерпывать рыбу из морды. Такой котец мог оставаться в действии на какое-то время и после ледостава. Потом его выдалбливали и разбирали.

КОЧ старинное северо-русское парусно-гребное судно, уникальное по сбалансированности качеств. Пригодное для плавания как в море (то есть довольно остойчивое), так и по реке (то есть не очень глубокой осадки), способное выдерживать натиск льда (имея яйцеобразные обводы, просто выжимается наверх, в отличие от традиционных на то время европейских судов, трещавших, как орехи, в северных морях), относительно лёгкое для движения волоком (включив в свои маршруты участки волока, казаки и поморы сократили и обезопасили пути освоения Сибири). Судить о размерах коча можно, например, по недавно найденному на раскопках в Мангазее, килю коча длиной в 17 м.

КО́ШКА 1. лёгкий якорь в лодке. 2. специальный металлический груз с большими шипами, на верёвке. Кошкой ищут с лодки перемёт, самолов. Отсюда — кошкарить. Нередко рыбинспекция так ищет и снимает сети и самоловы.

КРЕСТО́ВКА красная лиса, у которой чёрная полоса по хребту пересекается с поперечной чёрной полосой по лопаткам.

КУЛЁМКА ловушка на пушного зверя, преимущественно на соболя. Изготавливается из двух тонких стволов деревьев: нижний — неподвижный, а верхний приподнимается с одного конца и ставится на деревянный сторожок с приманкой. На верхний опирается настил-крыша.

КУЛÍГА, КУЛÍЖКА узкая поляна, закуток между кустов, сенокосная неудобица.

КУЛТЫ́К небольшой заливчик на реке, озере.

КУРГÁN яма на берегу реки, заполненная водой, или яма на дне, недалеко от берега (если далеко, то просто — яма). В добрые времена в курганах на берегу держали живыми пойманных осетров про запас. «Купался рядом с берегом, да остутился в курган».

КУРЖÁВИТ затягивает или облепляет инеем-куржаком.

КУРЬЯ́ большая заводь на реке, ограниченная косой.

ЛА́МБА, ЛА́МБИНА небольшое, глухое лесное озеро или старица без истоков.

ЛАНДО́РИКИ простейшие (таёжные) лепёшки, замешанные на воде.

ЛО́ПОТЬ, ЛОПОТÍНА верхняя одежда.

ЛОХМА́ШКИ большие самошивные рукавицы, как правило, из собачьей шкуры, мехом наружу. Глубокие, почти до локтя, просторные, с таким расчётом, чтобы надевать поверх варежек-исподок. Впрочем, селькупы, например, шили их из оленьего камуса и использовали без исподок. Обычно на внутренней стороне запястья имели закрытую внахлест прорезь, в которую, не снимая лохмашки совсем, можно высунуть кисть руки для работы или стрельбы. Иногда были соединены лямкой через шею. В сильный мороз, особенно при езде на упряжке, зачастую были единственным спасением от обморожений как рук, так и лица ездока.

МУРЦО́ВКА блюдо от нужды. 1. по общероссийскому рецепту почти то же, что и тюря — хлеб или сухари, крошенные в воду, добавлен зелёный лук и растительное масло. Варианты: кипяток или холодная вода, иногда квас. 2. В. П. Астафьев описывает мурцовку сибирских охотников как весьма своеобразный продукт: медвежий жир, перемешанный с хлебной крошкой так, что получается плотный колобок. Его имеет при себе охотник на всякий трудный случай и носит порой в рюкзаке довольно долго. Прогоркнув и затвердев

из-за длительного хранения, такая мурцовка была не особо-то приятна на вкус, но могла несколько дней гарантировать наличие сил в суровых условиях тайги.

НАБРО́ДЫ следы птицы (например, глухариные наброды). Вообще, в Сибири в некоторых местах так называют любые звериные следы.

ПЕЧУ́РКА (на юге района) то же, что и дворик, укрытие от снегопада для поставленного капкана. При постановке капкана на реке, среди торосов (на песца, лису), печурку делали из ледяных пластин, плотного снега.

ПОКУ́ЛЬКÍ тёплые, чаще войлочные, сапоги-вставки в непромокаемую обувь — бродни, сапоги, чуни. Раньше покульки делали и из шкуры птицы гагары — её перья мелки и очень прочно держатся в коже. Предпочтительнее тощая, нежирная птица — меньше возни с обезжириванием. С гагары снимали шкуру чулком и высушивали на примитивной колодке пером внутрь. Потом так и надевали на ногу, дополнительно подкладывая сухую траву, сенную труху. Селькупы, например, для такой травяной портянки использовали осоку, которую после высушивания расчёсывали специальным гребнем, сделанным из иголок, до тех пор, пока она не станет мягкой и тонкой как волос.

ПОПУСТÍТЬСЯ отказаться от своих претензий, планов, интересов.

ПÓРСА сушёная рыба, истолчённая в порошок. На порсу шла некондиционная — мелкая или сорная — рыба. Могла долго храниться, использовалась как добавка к муке при выпечке лепёшек, а так же на корм собакам.

ТИПÓК короткий рывок. Взять на типок, двигаться типками — двигаться рывками. Когда тяжело сдвинуть с места, например, тяжело-гружёную нарту, или когда нарта увязла в пухляке, снегоход перецепляют на шкимарь и, разогнавшись, дёргают рывком.

УШКА́Н заяц.

ЧЕРКА́Н самодельный капкан на мелкого пушного зверя, преимущественно на белку. Основная конструкция похожа на лук с вложенной стрелой, только «стрела» вместо острия имеет поперечину (делалась цельной — из ветки с частью ствола, из которого она растёт) и тетивой прижимается к ответной палочке на дополнительной рамке, взводится и ставится на сторожок.

ЧЕРНОТРО́П период осенней охоты, когда ещё не лёг снег.

ЧЁРНЫЙ ЛЕС тайга, высокий, преимущественно хвойный, лес.

ША́ЯТЬ тлеть.

ШАХТАРА́, ШИХТАРА́ растительный мусор: веточки, корешки, трава, переносимые водой. Такой мусор лежит сплошной полосой на

берегу после отступления воды. Особенную неприятность представляет шахтара, набивающаяся в сети, при резких изменениях уровня воды.

шкима́рь буксирный канат, трос.

шкíмки всякие верёвочки.

шокола́дка мороженая печень оленя, сохатого. Хороший продукт для строганины.

шулёмка (д. Старо-Туруханск) похлёбка, бульон на мясе, птице, а у некоторых и рыбный бульон.

ю́ксы лыжные крепления из сыромятной кожи. На лыже пропущены через четыре сквозных отверстия, ступню охватывают особым образом, накрест, позволяя быстро скинуть лыжу без помощи рук, одним движением — провернув ногу.

ю́шка бульон или жидкий суп, похлёбка, навар мясной или рыбный (явная, короткая этимологическая связь с ухой).

ярдáнь то же, что и майна — большая прорубь. Интересно то, что явно церковное, обрядовое слово использовалось как вполне обыденное в процессе зимней рыбалки.

ячéйник, ячеёнка при ловле неводом такого размера рыба, которая застревает в ячее (основной улов — чуть крупнее, его просто выгребают, как из мешка). С одной стороны, казалось бы, всякая пойманная рыба в радость, но в процессе неводьбы часто имеет значение высокий темп работы, поскольку нередко бригады идут одна за другой, наступая на пятки, делая по несколько тоней на одном участке, и шиньганье ячеёнки сильно задерживает рыбалку.

Авторы

БАБИЙ АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Родился в 1954 году в Читинской области. Окончил Красноярский государственный университет в 1976-м, специальность — прикладная математика. Работал программистом в КрасГУ, директором учебного центра, руководителем web-лаборатории компании «Maxsoft». Председатель Красноярского общества «Мемориал», руководитель рабочей группы по изданию Книги памяти жертв политических репрессий. Публикуется с 1973-го. Член Союза российских писателей с 2013 года.

БАКИН ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ

Родился 1 ноября 1957 года в городе Мураши Кировской области. Окончил Кировский политехнический институт по специальности «инженер-строитель». Автор 15 книг прозы, вышедших в разные годы в Кирове, Москве и Екатеринбурге. Публиковался в толстых литературных журналах: «Роман-газета», «Наш современник», «Москва», «Дружба народов», во многих региональных литературных изданиях. Лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского, Международной литературной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина, православной литературной премии имени святителя Макария, Апостола Алтая, литературной премии Уральского федерального округа, премии имени Д. Мамина-Сибиряка и ряда других. Кавалер ордена Достоевского II степени и высшей награды Российского Союза ветеранов Афганистана — ордена «За заслуги», награждён золотой медалью «Василий Шукшин». Член Союза писателей России с 2004 года, заслуженный работник культуры Кировской области. Живёт в Кирове.

БИРЮКОВ ИГОРЬ

Родился и учился в Красноярске (правый берег, район улицы Кольцевой). Ещё совсем зелёным школьником принимал участие в нескольких «сборных» чтениях, где слушал стихи и учился у красноярских поэтов — Николая Ерёмкина и Сергея Кузнечихина. Окончил актёрский курс Института искусств (тогда КГИИ). Местом для жизни случайно выбрал город Владимир. Служил в театре. В настоящее время — креативный директор РА. Поэтический «стаж» делится на две части, между которыми было ровно 30 лет «тишины». Победитель

и лауреат нескольких литературных конкурсов: журнал «Русский пионер», «45-й калибр», «Турнир поэтов 2018» на «Литклуб.ТВ» при Российском союзе писателей, первая премия «Поэт года» за 2018 год, номинация «Дебют».

ВАСЯНОВИЧ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Заслуженный работник культуры Красноярского края, радиожурналист, член Красноярского отделения Союза журналистов РФ, композитор, церковный регент. Родился в 1975 году в городе Семипалатинск (Казахстан). В 2002 году окончил Красноярский государственный институт искусств по классу «Хоровое дирижирование». Долгие годы является голосом «Радио России. Красноярск», где в том числе читает стихи красноярских поэтов. Лауреат всероссийских конкурсов журналистского мастерства, отмечен дипломом победителя Открытого всероссийского конкурса композиторов «Хоровая лаборатория XXI век» (Санкт-Петербург). Посетителям Красноярской краевой филармонии Дмитрий Васянович известен как ведущий концертных программ, чтец и артист. В литературных сборниках в качестве автора поэтических произведений стал публиковаться недавно, с 2020 года. Впервые был опубликован в сборнике «Друзья» (Красноярск, «Палитра», 2020). В 2021 году стал лауреатом 2-й премии Международного поэтического конкурса «Степные всполохи», который организует Ростовское отделение Союза писателей РФ. Представленные стихотворения — подборка из детского цикла «Зеленоглазый мальчик», посвящённого маме, Галине Дмитриевне Васянович.

ГЕРМАН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

Родился в городе Топки Кемеровской области 10 августа 1964 года. В 1985-м окончил Кемеровский государственный институт культуры. Работает актёром в Русском республиканском драматическом театре имени М. Ю. Лермонтова города Абакана, преподавателем актёрского мастерства в Минусинском колледже культуры и искусства, режиссёром «Домашнего театра» краеведческого музея имени Н. М. Мартыанова. Рассказы и повести печатались в журналах «Огни Кузбасса», «Дальний Восток», «День и ночь», пьесы — в журнале «Современная драматургия». Драма «Братья Шуть» переведена на татарский язык и поставлена в Оренбургском татарском театре имени М. Файзи. Мелодрама «Прости меня» имела три постановки: в Башкирском академическом театре имени М. Гафури (пьеса переведена на башкирский язык), в Крымском академическом театре имени М. Горького (Симферополь), в Русском республиканском театре (Абакан). В 2017-м при поддержке Красноярского представительства Союза российских писателей издал сборник рассказов и повестей «Премьера». В 2021-м выпустил прозаический сборник «Театральная баллада». С 2011 года состоит в Российском авторском обществе (РАО). Член Союза российских писателей.

ГРИГОРЬЕВА СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА

Родилась в 1941 году в Яранске. Окончила Иркутский горно-металлургический институт, 20 лет работала геологом в экспедициях. В 1997 году вышел поэтический сборник «Ярань». Печаталась в журналах «Енисей», «Сибирские огни», «День и ночь». Выступала на Центральном телевидении.

ГУЛЯЕВА ОЛЬГА

Родилась в 1972 году в городе Енисейске. Поэт, прозаик, член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра. Директор Красноярского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Литературное сообщество писателей России». Стихи и проза публиковались в нескольких коллективных литературных сборниках, в журналах «Юность», «Дружба народов», «Знамя», «Формаслов» (Москва), «Российский колокол» (Москва), «Тропы» (Санкт-Петербург), «Южная звезда» (Ставрополь), «После 12» (Кемерово), «Плавучий мост» (Фульда, Германия), «День и ночь», «Енисей», «Образ» (Кемерово), «Складчина» (Омск), «Витражи» (Мельбурн, Австралия), «Между» (Новосибирск), «Иркутское время» (Иркутск), «Паровоз» (Москва). Автор книг «Савелий Свинкин, коты и люди», «Не Париж», «Я, красивая птица. Паспорт животворящий», «Бабья песня», «Лето Господне», «Девочки», «Картина мира», «Курлы-мурлы», «Ледостав». Живёт и работает в Красноярске.

ЁЛТЫШЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1950 году в Красноярске. По окончании филологического факультета педагогического института учительствовал в сельской и городской школах. С 1975 года — журналист: корреспондент, ответственный секретарь, редактор в красноярских СМИ. Стихи публиковались в краевых и центральных газетах и журналах, коллективных сборниках. Выпустил две поэтических книжки. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Красноярского края.

КАВИН НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ

Родился в Ленинграде. После окончания средней школы три года работал на Ленинградском телевидении. Окончил театральное отделение Института культуры, работал директором заводского клуба, режиссёром любительских театров в Бокситогорске (Ленинградская обл.) и Нарве (Эстония). В 1978–1992 годах — актёр, а затем зав. литчастью Красноярского ТЮЗа. С августа 1992 года — журналист «Радио России — Санкт-Петербург». Литературный исследователь. Опубликовал беседы с академиками Д. С. Лихачёвым и А. М. Панченко, писателями В. П. Астафьевым и В. В. Конечким (журналы «День и ночь», «Звезда»). Составитель сборника детских произведений Хармса («Летят

по небу шарики», Красноярское книжное издательство, 1990), автор статей и публикаций о Д. И. Хармсе и его отце И. П. Ювачёве. Составитель серии детских книг А. Введенского и Ю. Владимировна (Детгиз, 2011–2017); двухтомника «Сахалинские дневники Ивана Ювачёва» (Южно-Сахалинск, 2014), 10-томного собрания дневников И. П. Ювачёва (М., изд. Галеев-Галерея, 2016–2020); сборника стихов И. П. Ювачёва «Милость и истина» (Южно-Сахалинск, 2020). Живёт в Санкт-Петербурге.

КОЛМОГорова НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА

Родилась и проживает в Самарской области. По образованию педагог. Литературным творчеством увлекается давно. Член Союза профессиональных литераторов Самары. Пишет для детей и взрослых стихи и прозу. Лауреат множества литературных российских и международных премий. Пожалуй, самое престижное звание — лауреат конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «Юмор» (Москва, 2018).

Кузнечихин СЕРГЕЙ ДАНИЛОВИЧ

Родился в сорок шестом. Вырос в центре России: Костромская, Ярославская и Тверская области, — но любимые места и любимые реки — на востоке. После окончания Калининского политехнического института взял распределение в город Свирск Иркутской области. Потом перебрался в Красноярск. Около 20 лет отработал в пуско-наладочном управлении — постоянные и долгие командировки от Урала до Чукотки. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Радуга», «Киевская Русь», «Наш современник», «Дети Ра», «Арион», «Юность», «Подъём», «Урал», «Зарубежные задворки», в альманахах «День поэзии», «Паровоз» и др. Был составителем в книжной серии «Поэты свинцового века», подготовил сборники А. Барковой, А. Тинякова, Н. Рябенченко, А. Кутилова.

Ланин АЛЕКСАНДР

45 лет. Родился в Ленинграде, в 16-летнем возрасте переехал в Германию. Окончил математический факультет Боннского университета. Работает в финансовой сфере. Живёт во Франкфурте-на-Майне. Стихи публиковались в журналах и альманахах «Белый ворон», «Зарубежные задворки», «Берлин. Берега», «Северная Аврора», «Витражи» и других. Призёр литературных конкурсов «45-й калибр», «Пушкин в Британии», «Эмигрантская лира», «Кубок Балтики по русской поэзии».

МАМОНТОВ ЕВГЕНИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ

Родился в 1964 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в 1993 году. Лауреат премии имени Виктора Астафьева в номинации «Проза» (2004). Публиковался

в журналах и альманахах «День и ночь», «Дальний Восток», «Октябрь», «Рубеж». Жил и работал во Владивостоке.

ОКТЯБРЁВ ЮРИЙ

Родился в 1967 году в городе Иваново. Военнослужащий в отставке. Литературным творчеством занимается более 30 лет. Стихи публиковались в советских районных и армейских газетах. В 2013 году открыта авторская страница на портале «Стихи.ру». Издана книга стихов «Небо подождёт» (издательство AVIV, США, 2017). Лауреат и призёр поэтических конкурсов, чемпионата Балтии по русской поэзии, призёр конкурсов на портале «Стихи.ру». Живёт в Курске.

РЕЙХЕРТ АЛЕКСАНДР ЭДМУНДОВИЧ

Родился в 1965 году в городе Прокопьевске. Около тридцати лет живёт в Туруханске. Работает электриком. Первое стихотворение опубликовал в 2013 году в альманахе «Енисей».

РУСАКОВ ЭДУАРД ИВАНОВИЧ

Писатель, журналист. Родился в 1942 году в Красноярске. Окончил Красноярский медицинский институт (1966) и Литературный институт имени А. М. Горького (1979). Работал врачом-психиатром (1966–1981), редактором на Красноярской студии документальных фильмов (1981), руководителем литературной студии при красноярском Дворце культуры (1982–1991), корреспондентом газет «Евразия», «Вечерний Красноярск» (1991–1998). Печатается как прозаик с 1966 года. Автор нескольких книг прозы. Произведения переводились на азербайджанский, болгарский, венгерский, казахский, немецкий, словенский, финский, французский, японский языки. Член Союза писателей России, Международного ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр, Сибирский филиал), экспертного совета благотворительного общественного фонда имени В. П. Астафьева.

РЯБЧЕНКОВ НИКОЛАЙ МИНАЕВИЧ

Поэт, журналист, строитель Красноярской ГЭС. Родился в 1941 году в Смоленской области. Окончил Ростовский кинотехникум, Литературный институт имени А. М. Горького (1973). По окончании техникума работал киномехаником, слесарем, электриком. В 1961 году приехал в Сибирь. Работал на стройке ГЭС и города Дивногорска, за что получил знак «Строитель Красноярской ГЭС». Когда в 1966 году строительство завершилось, остался жить в Дивногорске и Красноярске. Сотрудничал с газетой «Огни Енисея» и со многими краевыми изданиями, печатался в коллективных сборниках Красноярска и Москвы, в «Литературной России», в альманахе «Енисей», в антологии одного стихотворения «Час России». Умер в Дивногорске в 1995 году. При жизни поэта была издана лишь одна его книжка «Скит».

САВВИНЫХ МАРИНА ОЛЕГОВНА

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике — с 1973 года: журналы «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), еженедельник «Обзор» (Чикаго), коллективные сборники и антологии. Автор более десятка книг стихов, прозы, художественной публицистики. Первый лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994). Обладатель высшей награды Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2020). Кавалер ордена Достоевского I степени. Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лица. Главный редактор литературного журнала «День и ночь». Член Союза писателей России, Международного ПЕН-клуба. Член президиума Международного Союза писателей XXI века.

ТЕПЛИЦКИЙ ВИКТОР

Родился 1 мая 1970 года в Красноярске. Учился в СТИ (ушёл с пятого курса). В 1992-м женился. В этом же году принял крещение. В 1993-м вошёл в литературное объединение молодых писателей и поэтов под руководством поэтессы Аиды Петровны Фёдоровой. В 1994-м рукоположен в сан диакона в Свято-Никольском храме Красноярска. Через год рукоположен в сан пресвитера. До сих пор священник Свято-Никольского храма. Трое детей. Издал стихотворные сборники, книгу стихов и прозы «Ванечка», книгу прозы «Разговор с Птицей». Публикации в журналах «Старое и новое», «День и ночь», «Город детства», «Человек на земле», «Алтай». В 2005-м — лауреат премии имени В. П. Астафьева в номинации «Иной жанр» за драму «Королевское сердце». Окончил филологический факультет КГПУ имени В. П. Астафьева. Член Союза российских писателей.

ТИМЧЕНКО ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в селе Шила Сухобузимского района Красноярского края. Окончила физический факультет Красноярского государственного университета. Автор книг «Мерзлотка и её друзья» (2007), «Муха» (2017), «Аня идёт в театр» (2018), соавтор альманаха «Путешествие по Красноярскому краю» (2009) и других произведений для детей и о детях. Неоднократно принимала участие в региональном конкурсе «Книжное Красноярье». Дипломант Международного литературного конкурса «Детское время» (2012 и 2019). Редактор приложения «Детский район» газеты «Городские новости». Ведёт творческие мастерские в Красноярском литературном лицее. Эксперт городского конкурса публицистических работ школьников «Суперперо». Член Союза российских писателей.

Тычинский Николай Франкович

Родился в 1959 году. Вырос на Алтае, в селе Лесное Бийского района. После окончания Самарского аэрокосмического университета работал в ракетно-космической отрасли, руководил компанией, преподавал в The Open University. Писательством занимается со студенческих лет. Автор рассказов, эссе, путевых заметок и блогов. Первая книга афоризмов, «Над облаками всегда ясно», вышла в 2012 году, вторая, «Мелодия открытого окна», — в 2014-м, третья, «Рассказы не про всё», — в 2020 году. Пять лет назад вернулся на Алтай и живёт в родном селе Лесное.

ISBN 978-5-6044837-6-3

9 785604 483763